This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
511
.N7.S6

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Х.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ НОВГОРОДА КЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЬЯМЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

С. Соловьева.

МОСКВА.
1846.

STANFORD LIBRARIES

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ НОВГОРОДА КЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЬЯМЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

С. Соловьева.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1846.

DK 511
N756

По опредѣленію Общества 1-го іюня, 1846 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ОБЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ НОВГОРОДА
КЪ
ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЬЯМЪ. *

„Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ," говоритъ Іоанн. III посламъ Новгородскимъ, и тѣ отвѣчаютъ: „Просимъ В. Князя объявить, какъ онъ желаетъ государствовать въ своей отчинѣ В. Новгородѣ, потому что Новгородъ не знаетъ Московскаго обычая." [1].

Мало можно найти въ отечественной исторіи словъ, которыя были бы знаменательнѣе приведенныхъ! Два Русскіе города, два города, называющіе себя *отчинами* одного и того же владѣтеля, такъ отдалились другъ отъ друга на своемъ историческомъ пути, что одинъ обнаруживаетъ совершенное незнаніе объ устройствѣ другаго.

Прислушаемся къ отвѣту Іоаннову: изъ него мы узнаемъ главныя черты различія между устройствами Новгородскимъ и Московскимъ.

„Для того, чтобъ Новгородъ своимъ устройствомъ уподобился Москвѣ, говоритъ В. Князь, въ немъ не должно быть ни Вѣча, ни Посадника, а будетъ одна власть государева." [2] И такъ прежде всего мы должны опредѣлить, что такое вѣче, показать отношеніе его ко власти Княжеской, и потомъ уяснить причины существованія его въ Новгородѣ и отсутствія въ Москвѣ.

Въ извѣстіяхъ, лѣтописцами сообщаемыхъ, мы различаемъ троякій родъ вѣча: 1) вѣче, собираемое Княземъ; 2) вѣче, собирав-

* Изслѣдованіе это было написано для полученія ученой степени; но какъ оно выпущено въ свѣтъ въ весьма маломъ количествѣ екземпляровъ, а между тѣмъ требованія на него безпрестанно слышатся, то Общество опредѣлило удовлетворить этѣмъ послѣднимъ помѣщеніемъ его въ своемъ изданіи и выпускомъ отдѣльно съ нѣкоторыми, впрочемъ, пополненіями въ источникахъ, сдѣланными самымъ сочинителемъ.

шееся противъ Князя; 3) вѣче судное. Перваго рода вѣче собиралось по распоряженію Князя или, въ его отсутствіе, по распоряженію посадника [3] звономъ колокола, обыкновенно на дворѣ Ярослава; о другихъ же подробностяхъ касательно порядка совѣщанія мы не имѣемъ никакого права заключать по совершенному недостатку извѣстій. Еще неопредѣленнѣе былъ характеръ остальныхъ родовъ вѣча. Вѣче, собиравшееся противъ Князя, было не иное что, какъ народное возстаніе: оно могло приготовляться въ тайныхъ вѣчахъ по домамъ недовольныхъ, и потомъ обнаруживаться въ разныхъ концахъ города, при чемъ иногда одна часть гражданъ становилась противъ Князя, другая вступалась за него, и дѣло рѣшалось битвою [4].

Наконецъ третій родъ вѣча, вѣче судное носило тотъ же самой характеръ, какъ и вѣче, собиравшееся противъ Князя; такъ иногда жалобщикъ созывалъ одно вѣче, обвиненный другое: слѣдствіемъ было междоусобіе [5]. Судъ и расправа производились слѣдующимъ образомъ: обиженный созывалъ вѣче, излагалъ жалобу; если въ собраніи было согласіе, то немедленно приступали къ исполненію приговора: отправлялись въ улицу, гдѣ жилъ обвиненный, били его, если находили, грабили имущество, жгли домъ [6]; иногда обиженный схватывалъ самъ обидчика и влекъ за собою, созывая вѣче; изложивъ жалобу, самъ становился исполнителемъ приговора, другіе помогали ему управиться съ обидчикомъ [7]. Иногда узнавъ, что жители извѣстной улицы совершили преступленіе, вѣче шло на эту улицу и сожигало дома виновныхъ [8]. При этомъ случалось, что жители улицы, противъ которой направлена была месть вѣча, вооружались и шли отражать нападеніе: сила должна была рѣшить дѣло. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что каждый гражданинъ могъ собирать вѣче, когда хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ, при чемъ не обращалось вниманіе, всѣ ли граждане присутствовали, или нѣтъ: первая толпа народа была вѣчемъ, имѣла значеніе верховнаго народнаго собранія, и, если сила была на ея сторонѣ, могла перемѣнять существующій порядокъ вещей, смѣнять Князя, сановниковъ, судить и наказывать. Присутствіе на вѣчѣ не было обязанностію гражданина, равно какъ не было правомъ извѣстныхъ сословій: каждый могъ участвовать въ собраніи, или не участвовать.

Узнавъ характеръ вѣча, мы должны приступить теперь къ объясненію отношеній власти Княжеской ко власти этого верхов-

наго народнаго собранія. Прежде всего наше вниманіе останавливается на правѣ вѣча смѣнять Князя; но для объясненія этого права, для показанія его происхожденія, необходимо уяснить значеніе Князя въ Новгородѣ, границы его власти, и потому начнемъ съ изслѣдованія значенія Князя какъ судьи, отношенія суда княжескаго къ суду вѣчевому. Нѣкоторые изслѣдователи отрицаютъ у Князя право суда, уступая ему только власть военную и полицейскую [9]; но всѣ источники единогласно и положительно свидѣтельствуютъ о противномъ; приведемъ нѣсколько изъ ихъ свидѣтельствъ: Въ лѣтописи, подъ годомъ 1360, сказано: „Тогожъ лѣта присла Князь Великій Дмитрій послове свои, намѣстникы; и посадница Новогородци Намѣстникы княжи у себе, и судъ даша [10].“ Въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ читаемъ: А бесъ посадника ти, княже, суда не судити [11].“ Тамъ же: „А что, княже, тебѣ было гнѣва на Посадника и на весь Новгородъ, то ти, княже, все нелюбье отложити, и отъ мала и отъ велика не мщати ти ни *судомъ* ни чимъ же.“ — „А старостѣ ни холопа ни рабы, безъ господаря, твоимъ судіямъ не судити.“„ А Бориса Константиновица кърмилъ Новгородъ Корѣлою, и онъ Корѣлу всю истерялъ, и за Нѣмцѣ загонилъ; надъ тимь рубежь учинилъ на Новѣгородѣ; чего не пощло про рубежь, Господине. Како будешь въ Новѣгородѣ у отца своего у Владыцѣ, и у своихъ мужь, намъ съ нимъ судъ предъ тобою, Господине.“ — Въ позднѣйшихъ договорахъ Новгородцы обязываются: „А суда намъ у Великихъ Князей намѣстниковъ не отъимати [12].“ Или: „А безъ намѣстниковъ Великаго Князя посаднику суда не кончати [13].“ Этихъ свидѣтельствъ достаточно для устраненія всякаго сомнѣнія на счетъ судной власти Князя въ Новгородѣ. Какія же были границы судной власти Князя, какія лица и какія дѣла подлежали его суду? Всѣ граждане безъ исключенія подлежали суду княжескому: „А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычни дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина, такъ и житьего такъ и молодшего такъ и селянина; а судити ему [14] въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно“. — „И отъ мала и отъ велика не мщати ти ни судомъ ни чимъ же [15].“ Не было ли исключенія для лицъ правительственныхъ, для чиновниковъ, народомъ избираемыхъ? Есть свидѣтельства, что не было: Князь могъ судить и лишать должностей всѣхъ чиновниковъ: „А безъ вины мужя волости не лишити [16].“ Не было ли по крайней мѣрѣ, исключенія для посадника, этого товарища князева въ судѣ?

Не было и для него: въ 1171 году Князь Рюрикъ Ростиславичь отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города [17]; въ 1218 году Князь Святославъ Мстиславичь послалъ сказать на вѣче, что отнимаетъ посадничество у Твердислава; народъ спросилъ: „Какая же его вина?" и на отвѣтъ Князя: „безъ вины," сослался на слова договора: „безъ вины мужа не лишити," и воспротивился смѣнѣ посадника. Здѣсь народъ не отрицалъ право Князя судить и смѣнить посадника; но только право смѣнять безъ вины и суда, отвергнутое въ договорѣ [18]. Наконецъ въ 1476 годя Іоаннъ III, еще не прикасаясь ни къ одному изъ правъ Новгородскихъ, еще показывая себя вѣрнымъ хранителемъ старины, принялъ жалобу на посадника, судилъ и наказалъ его [19]. Но какъ могъ судить Князь сановника, безъ котораго онъ не могъ судить никого? Форма упомянутаго суда Іоаннова надъ посадникомъ Васильемъ Ананьинымъ служитъ намъ отвѣтомъ: В. Князь держалъ судъ въ присутствіи Архіепископа и всѣхъ старыхъ посадниковъ [29]. Теперь намъ остается рѣшить послѣдній вопросъ: былъ ли судъ Князя подчиненъ суду вѣчевому, судъ Князя былъ ли окончательный, могло ли дѣло, рѣшенное Княземъ, перерѣшаться на судѣ вѣчевомъ? Обратимся къ послѣднему случаю, къ суду Іоанна III надъ посадникомъ и его товарищами въ преступленіи. В. Князь судилъ его въ присутствіи Архіепископа и старыхъ посадниковъ, нашелъ виновнымъ, произнесъ приговоръ: отослать въ оковахъ въ Москву на заточеніе; что подобный поступокъ не былъ нарушеніемъ старины, доказательствомъ служитъ поступокъ Святослава Ольговича, который въ 1140 году заточилъ въ Кіевъ семерыхъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ [21]. Не смотря на то, Новгородцы не были довольны судомъ Іоанна: Архіепископъ и посадники молили его освободить виновныхъ. Іоаннъ отвѣчалъ: „вы сами мнѣ жаловаловались на разбой посадника и его друзей, я принялъ жалобу и судилъ по вашему обычаю, а именно: слѣдовалъ дѣло не я одинъ, но ты самъ, Владыка, и вы, посадники, и весь Новгородъ, нашли, что обвиненные причинили много зла городу; я ихъ наказалъ, какъ слѣдуетъ: чего же вы теперь отъ меня хотите?" [22] Если бы судъ князя не былъ оканчательнымъ, если бы дѣло отъ него можно было переносить къ суду высшему, вѣчевому, то Владыка и посадники могли бы возразить: „Нѣтъ, Князь, ты не соблюлъ всей старины; осудивъ, ты уже и наказалъ, тогда какъ надъ тобою есть еще судъ высшій, приговора котораго ты долженъ дожидаться." Ничего подобнаго: имъ оставалось толь-

ко просить верховнаго судію о помилованіи. Изъ этихъ примѣровъ видно, какова была судная власть В. Князя въ Новгородѣ: В. Князь былъ здѣсь судіею верховнымъ, его суду подчинены были всѣ лица безъ исключенія и всѣ важнѣйшія дѣла безъ всякаго переноса къ суду высшему. Теперь мы должны рѣшить вопросъ объ исполнительной власти Князя: мы видѣли, что Святославъ Ольговичь заточилъ семерыхъ вельможъ, Рюрикъ Ростиславичь выгналъ посадника; въ 1209 году Новгородцы отдали дѣтей посадника Дмитрія вмѣстѣ съ четырьмя другими боярами Князю Святославу, который заточилъ ихъ въ Суздальскую область [23]; въ 1218 году посадникъ отдалъ преступника Князю для наказанія [24], наконецъ Іоаннъ III послѣ суда тотчасъ приводитъ въ исполненіе свой приговоръ, велитъ заточить виновныхъ въ Москву; изъ этихъ примѣровъ ясно видно, что исполнительная власть также принадлежала Князю; въ одномъ только случаѣ вѣче выговаривало себѣ власть исполнительную, а именно, когда кто нибудь возметъ судную грамоту по напрасну: „А кто на кого возметъ грамоту судную, а будетъ ему дѣло до судьи или до истца, ино ему переговариваться съ ними мѣсяцъ; а не почнетъ переговариваться въ тотъ мѣсяцъ, ино взять на него приставы съ вѣча да имать его въ городѣ и въ селѣ съ тыми приставы; а почнетъ хорониться отъ приставовъ, ино его казнить всимъ Великимъ Новымгородомъ [25].“ И такъ изо всѣхъ вышеприведенныхъ случаевъ открывается, что судная власть князя исключала судную власть вѣча, что послѣднему было не надъ кѣмъ и не надъ чѣмъ произносить свой судъ, а между тѣмъ есть свидѣтельства, которыя показываютъ совершенно противное. Въ 1218 году, гражданинъ, совершивъ преступленіе, бѣжалъ, преступника схватили на дорогѣ, и посадникъ отдалъ его Князю; вдругъ пронеслась вѣсть, что посадникъ поступилъ въ этомъ случаѣ несправедливо; такъ какъ судъ надъ посадникомъ принадлежалъ Князю, то послѣдній долженствовалъ, по жалобѣ гражданъ, разсмотрѣть справедливость обвиненія, и потомъ уже, если вина была доказана, свергнуть посадника и созвать вѣче для избранія новаго. Ничего подобнаго не случилось: два конца встали на посадника, два вступились за него, жители пятаго смотрѣли равнодушно на борьбу, кончившуюся кровопролитіемъ; испуганный Князь выпустилъ преступника; вѣче продолжалось цѣлую недѣлю [26]. Въ 1228 году обвиненъ былъ Тысяцкій: народъ прямо съ вѣча пошелъ грабить домъ его [27]. Въ 1230 году поссорились двое знаменитыхъ гражданъ, изъ которыхъ одинъ

былъ посадникъ, — слуги послѣдняго прибили противника. Оскорбленный гражданинъ созвалъ вѣче на дворъ Ярослава, которое разграбило дворъ посадника; этотъ, въ свою очередь, собралъ другое вѣче: убійство и сожженіе домовъ были слѣдствіемъ [28]. Противъ приведенныхъ двухъ случаевъ могутъ возразить: въ 1228 году городъ былъ въ ссорѣ съ Княземъ, а въ 1230 году Князь, Михаилъ Черниговскій былъ въ отсутствіи. Но въ 1287 году, когда Новгородъ спокойно повиновался Дмитрію Александровичу, возникли жалобы на одного изъ старыхъ посадниковъ: весь Новгородъ всталъ на него безъ *исправы*, говоритъ лѣтописецъ, домъ его былъ разграбленъ, его самаго едва уберегъ Архіепископъ [29]; въ 1290 году, при томъ же Князѣ, жители Прусской улицы убили одного гражданина: вѣче сожгло всю улицу вмѣстѣ съ церквами [30]; въ слѣдующемъ году произошелъ грабежъ на торгу: вѣче свергнуло съ мосту двоихъ грабителей. Подъ 1332 годомъ читаемъ: встали крамольники, смѣнили посадника, поставили другаго, пограбили домы и села гражданъ: [31] это было при Іоаннѣ Калитѣ, когда онъ еще не думалъ ссориться съ Новгородомъ и держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Въ 1342 году, при Симеонѣ Гордомъ, одинъ гражданинъ, мимо суда княжескаго, жаловался вѣчу на убійство своего отца: явилось два враждебныхъ вѣча, едва Владыка успѣлъ положить конецъ насиліямъ [32]. Этихъ примѣровъ довольно для показанія, что вѣче, наравнѣ съ княземъ, имѣло власть судить и наказывать всѣхъ гражданъ безъ исключенія, отъ посадника до простаго грабителя. Скажутъ: такого рода вѣча не были законными; это были мятежи крамольковъ, какъ ихъ и называетъ лѣтописецъ, и были терпимы только по причинѣ слабости Князя, не могшаго заставить уважать права свои. Но во первыхъ, между этими вѣчами и законными нѣтъ никаго различія; лѣтописецъ всѣ одинаково называетъ вѣчами: результаты тѣхъ и другихъ также одинакіе, крамольники избираютъ посадника и онъ остается законнымъ; обиженный жалуется вѣчу: никто не называетъ эту жалобу незаконною, никто не напоминаетъ о судѣ княжескомъ, лѣтописецъ говоритъ объ этомъ, какъ объ дѣлѣ обыкновенномъ; во вторыхъ, мы имѣемъ свидѣтельство, что вѣче судъ и расправу независимо отъ суда княжескаго, считало правомъ своимъ: въ 1209 году Всеволодъ III, на время отсутствія сына своего, бывшаго намѣстникомъ его въ Новгородѣ, далъ гражданамъ позволеніе управиться съ чиновниками, заслужившими ихъ негодованіе: лѣтописецъ говоритъ, что

В. Князь возвратилъ Новгородцамъ ихъ прежнюю волю „любить добрыхъ и казнить злыхъ [31].“ И такъ мы видимъ, что подлѣ власти князя стояла власть вѣча съ одинакими правами, и опредѣлить отношенія между обѣими властями нѣтъ никакой возможности для изслѣдователя: ему остается одно средство: объяснить исторически это странное двоевластіе, показать, какъ произошло первое столкновеніе обѣихъ властей и обстоятельства, содѣлавшія возможнымъ ихъ долгое пребываніе другъ подлѣ друга въ показанныхъ отношеніяхъ. Для этого мы должны обратиться къ первому появленію Княжеской власти въ Новгородѣ.

Писатели, какъ иностранные, такъ и своенародные, не оставили намъ особенныхъ извѣстій о городовомъ быту у Славянъ, и потому мы должны заключать объ немъ изъ краткихъ свидѣтельствъ, оставленныхъ ими вообще о бытѣ племенъ Славянскихъ. Лѣтописецъ отечественный говоритъ, что Славяне вели жизнь патріархальную: каждый жилъ особенно съ родомъ своимъ, на своемъ мѣстѣ, и владѣлъ своимъ родомъ [34]. Писатели иностранные указываютъ также на этихъ родоначальниковъ, старшинъ народныхъ [35], свидѣтельствуя однако, что при своемъ соединеніи въ большія массы, Славяне не знаютъ единодержавія, но обо всѣхъ дѣлахъ разсуждаютъ сообща въ народныхъ собраніяхъ [36]. Изъ этого мы имѣемъ право заключить, что и городъ у Славянъ первоначально былъ не иное что, какъ соединеніе многихъ родовъ въ одномъ мѣстѣ, привлеченныхъ выгодою его положенія. Первоначально, каждый родъ управляется своимъ патріархомъ, съ кончины послѣдняго наступаетъ нужда въ избраніи старшины: „когда умретъ глава племени, говоритъ одна старинная пѣсня Славянъ, то всѣ дѣти вмѣстѣ пользуются имуществомъ, выбравши себѣ изъ рода своего владыку [37].“ Мы знаемъ, какой законъ господствовалъ при этомъ избраніи: владычество принадлежало *всегда* старшему въ родѣ; но мы знаемъ также, какія были послѣдствія этого закона, когда родъ дробился болѣе и болѣе, линіи расходились и родственная связь ослабѣвала: столкновеніе правъ различныхъ линій было необходимо, ибо часто нужда заставляла нарушать законъ старшинства, когда личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго; линія, оскорбленная въ особѣ своего старшины, начинаетъ питать непримиримую вражду къ линіи, похитившей право, и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ для возбужденія неудо-

вольствія въ членахъ рода противъ соперника: отсюда внутренніе раздоры и усобицы необходимы. Право, разъ нарушенное, ведетъ къ дальнѣйшимъ нарушеніямъ: спорность правъ увеличивается, вмѣстѣ съ нею увеличиваются волненія и безпорядки. Эти безпорядки еще болѣе усиливаются близкимъ сосѣдствомъ другихъ родовъ, въ одномъ городѣ обитающихъ; они принимаютъ участіе въ распряхъ и питаютъ междоусобія. Если столкновенія между линіями одного и того же рода могли вести ко внутреннему нестроенію, то послѣднее было необходимо при безпрестанномъ столкновеніи многихъ родовъ чуждыхъ. Очевидно, что старшины отдѣльныхъ родовъ, въ общемъ совѣтѣ соединенные, должны были составить правительство города; но заключало ли это правительство въ самомъ себѣ условія силы и единства? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ; если произойдетъ между членами разныхъ родовъ враждебное столкновеніе и дѣло будетъ отдано на рѣшеніе старшинъ, то спрашивается, можно ли ожидать совершеннаго безпристрастія въ ихъ рѣшеніи? Каждый старшина *обязанъ* не выдавать своего родича, въ противномъ случаѣ навлечетъ на себя негодованіе цѣлаго рода, какъ слабый, недостойный блюститель его выгодъ. Кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Ясно, что она должна вызвать участіе цѣлаго народонаселенія: является общенародное *вѣче*. Здѣсь соберутся члены всѣхъ родовъ; распря, начавшаяся въ совѣтѣ старшинъ, должна повториться на вѣчѣ общенародномъ; каждый родъ заступится за своего члена, *родъ встанетъ на родъ*, и междоусобіе необходимо. Исторія Новгорода представляетъ самое лучшее доказательство вышесказаннаго. Съ теченіемъ времени родовыя отношенія здѣсь исчезли; но *пять концовъ* съ своими старостами *напоминали о пяти родахъ*, изъ которыхъ составилось первоначальное народонаселеніе, и вражда между концами заступила мѣсто родовой вражды; какъ прежде возставалъ родъ на родъ, такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сторону того или другаго, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Общество не долго могло существовать въ подобномъ положеніи; оно должно было искать силы, которая бы внесла миръ, нарядъ въ его среду, правительство, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго. Но къ отсутствію мира внутренняго присоединялось еще отсутствіе средствъ ко внѣшней безопасности. Разрозненный бытъ Славян-

скихъ племенъ былъ причиною ихъ всегдашней слабости, постоянно подвергалъ ихъ насилію воинственныхъ полчищъ, стремившихся чрезъ ихъ страны во всѣхъ направленіяхъ. Нѣсколько родовъ соединялись въ одномъ мѣстѣ, но приносили съ собою прежнюю разрозненность; выгодное положеніе города и случайное единеніе силъ, возбужденное общею опасностію, могло дать средства къ войнѣ оборонительной; но общество, ограничивающееся постоянно только одною оборонительною войною, тѣмъ самымъ ставитъ себя цѣлію безпрестанныхъ нападеній со стороны хищныхъ сосѣдей, а избраніе единаго общаго вождя для войны наступательной, для битвы въ чистомъ полѣ, сопряжено было съ величайшею трудностію среди вѣчныхъ родовыхъ распрей. Такимъ образомъ новое правительство, къ установленію котораго стремилось общество, должно было удовлетворять двумъ потребностямъ; во первыхъ, дать миръ внутренній, прекратить всѣ споры и междоусобія судомъ безпристрастнымъ, дать *нарядъ* городу, по старинному выраженію, а во вторыхъ, дать безопасность внѣшнюю, однимъ словомъ потребенъ былъ *судья и полководецъ*: слѣд. Князь въ Новгородѣ долженъ былъ необходимо удовлетворять этимъ двумъ условіямъ: должность вождя не была его должностію исключительною; онъ былъ столько же необходимъ какъ судья, какъ блюститель внутренняго наряда, верховный посредникъ въ безконечныхъ спорахъ родовъ. Лѣтопись говоритъ, что князья были *призваны* для возстановленія *наряда*, нарушеннаго усобицами *родовъ*, не говоря ни слова о необходимости внѣшней защиты. Изслѣдователи изумляются такому необыкновенному явленію; другіе, при его объясненіи, преимущественно останавливаются на завоеваніи или, по крайней мѣрѣ, на необходимости внѣшней защиты для племени, привыкшаго къ мирнымъ занятіямъ: но развѣ послѣдующая исторія Новгорода не представляетъ намъ множество примѣровъ подобнаго рода, развѣ это призваніе князя не повторяется безпрестанно? Если Рюрикъ съ братьями завоевалъ Новгородъ, то не уже ли во всѣхъ послѣдующихъ призваніяхъ имѣло мѣсто завоеваніе? Лѣтописецъ начальный говоритъ, что Варяги были изгнаны, и потомъ снова призваны; другіе лѣтописцы послѣдующіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ, или добровольно оставлялъ Новгородъ, то граждане немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли сидѣть безъ князя, говоритъ лѣтописецъ; [38] есть извѣстіе, что одинъ изъ В. Князей хотѣлъ наказать Новгородцевъ тѣмъ, что

долго не посылалъ къ нимъ князя [39]. Рюрикъ завоевалъ Новгородъ: но у внука Рюрикова Новгородцы просятъ князя и въ случаѣ отказа грозятся найти другаго. Имъ нуженъ былъ князь только для защиты отъ враговъ внѣшнихъ: но послушаемъ, что говорятъ они сыну Ростиславову: „не хотимъ тебя; мы призвали твоего отца *для* установленія *наряда*, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойство [40]". Сравнимъ теперь это свидѣтельство со свидѣтельствомъ о призваніи Рюрика, и увидимъ, что цѣль призванія одна и таже въ обоихъ случаяхъ. Князь призывается для установленія *наряда внутренняго*, какъ судья, миротворецъ. Но если князь былъ необходимъ въ Новгородѣ болѣе въ качествѣ судьи, нежели полководца, то ясно каковы долженствовали быть границы его судной власти? Если князь призывался какъ посредникъ, на судъ котораго всѣ стороны должны были полагаться: то очевидно, что надъ судомъ князя не могло быть никакого другаго верховнаго суда; княземъ могли быть недовольны, если онъ судилъ пристрастно, если онъ, вмѣсто того, чтобы умирить стороны, еще болѣе усиливалъ раздоръ, князя могли изгнать за это при возможности, но не могли подчинить его судъ суду высшему, ибо тогда уничтожилось бы все значеніе князя, исчезла бы его необходимость. Вотъ причина, почему князь въ Новгородѣ является судьею верховнымъ, не признающимъ надъ собою никакого высшаго суда. Князь, призванный въ качествѣ судьи, посредника, исключалъ собственно судную власть вѣча, но граждане не могли понимать идеи исключительнаго представительства, которую мы соединяемъ съ идеею властителя, и потому вѣче не отказалось отъ правъ своихъ рѣшать судьбу города во всѣхъ важныхъ случаяхъ; оно смотрѣло на Князя, какъ на лицо необходимое, какъ на посредника, долженствующаго постоянно присутствовать среди гражданъ, чтило въ немъ это достоинство, никогда не думало подчинять его себѣ, дѣлать изъ него своего чиновника, но между тѣмъ само не подчинялось ему, городъ оставался по прежнему государемъ самовластительнымъ, а Князь является подлѣ него также, какъ владѣтель независимый, избранный для посредничества и военачальства. Это странное двоевластіе, сопоставленіе власти Княжеской и власти вѣча другъ подлѣ друга на правахъ равныхъ, выражается повсюду, повсюду подлѣ князя является Великій Новгородъ [41]. Но ясно, что такое сопоставленіе двухъ властей, такая неопредѣленность ихъ отношеній, вызывала постоянное столкновеніе: князь, въ качествѣ верховнаго судьи, смотрѣлъ на

каждое самоуправство вѣча, какъ на мятежъ, похищеніе правъ своихъ; съ другой стороны граждане смотрѣли на князя, какъ на посторонняго посредника, и не понимали, что должны отказаться отъ права любить добрыхъ и казнить злыхъ. Когда князь, оскорбленный своеволіемъ вѣча, изъявлялъ свой гнѣвъ и приказывалъ намѣстнику своему удалиться, то граждане съ удивленіемъ спрашивали: „за что гнѣвается Князь, развѣ мы его оскорбили, вѣдь мы казнили свою братью?“ [42]. Такой порядокъ вещей, такая неопредѣленность въ отношеніяхъ между двумя сопоставленными властями, могли существовать только въ началѣ, ибо съ теченіемъ времени постоянныя столкновенія вызывали необходимо борьбу, при чемъ отношенія должны были опредѣляться въ пользу той или другой власти; но что же мы должны заключить, когда, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, находимъ въ Новгородѣ первоначальный порядокъ вещей, первоначальную неопредѣленность? Мы должны заключить, что обѣ власти были задержаны въ своемъ развитіи: власть вѣча не могла развиваться далѣе извѣстнаго предѣла; призвавъ на помощь власть чуждую, власть княжескую, вѣче тѣмъ самымъ показало, что оно не заключаетъ въ самомъ себѣ необходимыхъ условій для достиженія общественной цѣли; правда, ослабленіе власти княжеской дало вѣчу возможность смѣнять князя, предписывать ему извѣстныя условія; но смѣнивъ одного князя, вѣче немедленно призывало другаго, и тѣмъ самымъ показывало необходимость послѣдняго и собственную недостаточность, слѣд. князь былъ необходимъ не какъ чиновникъ, подчиненный вѣчу, но какъ верховный судья и посредникъ независимый; на это значеніе князя вѣче не могло посягнуть: вотъ предѣлъ, далѣе котораго власть его не могла усиливаться, вотъ почему князь сохранялъ постоянно характеръ судьи верховнаго и независимаго. Но если князь былъ призываемъ какъ лице, необходимое для наряда, для мира внутренняго, то откуда проистекаетъ явленіе, что князь не пользуется выгодою своего положенія, необходимостію, которую городъ въ немъ чувствовалъ, и вмѣсто того, чтобы предлагать самому условія, принимаетъ ихъ отъ вѣча? Это явленіе проистекаетъ отъ того, что выгода, бывшая на сторонѣ князя, какъ лица необходимаго, перевѣшивалась на сторонѣ вѣча возможностію выбирать изъ многихъ князей мѣнять ихъ по произволу. Слѣд. вотъ причина ослабленія власти княжеской; вотъ почему князь такъ долго не могъ опредѣлить своихъ отношеній къ вѣчу, въ свою пользу, позволялъ послѣдне-

му существовать подлѣ себя на правахъ равныхъ. Теперь мы должны обратиться къ изслѣдованію причинъ, произведшихъ въ Новгородѣ возможность выбирать изъ многихъ князей, должны рѣшить вопросъ, основывалась ли эта возможность на грамотѣ, данной извѣстнымъ княземъ въ слѣдствіе извѣстнаго случайнаго обстоятельства, послѣ чего Новгородъ отдѣлился отъ остальныхъ городовъ Русскихъ, пошелъ своимъ путемъ, составилъ свой особый міръ; или эта возможность зависѣла отъ явленій общихъ для всей Руси, при чемъ Новгородъ составлялъ всегда нераздѣльную часть послѣдней, жилъ съ ней одною жизнію, отражалъ въ стѣнахъ своихъ всѣ отношенія, попеременно въ ней господствовавшія.

Призванные князья не долго оставались въ Новгородѣ; преемникъ Рюрика уходитъ на Югъ и основывается въ Кіевѣ; послѣдующіе князья стремятся далѣе къ завѣтной цѣли своей—Византіи; области нынѣшней Россіи остаются для нихъ по прежнему только путемъ къ этой цѣли, на города, разсѣянные по этѣмъ областямъ, они смотрятъ, какъ на временныя стоянки, по окружнымъ племенамъ Славянскимъ разсылаютъ они дружину кормиться на зиму. Такое непостоянство, такая непрочность пребыванія первыхъ князей была одною изъ главныхъ причинъ, замедлившихъ опредѣленіе отношеній княжеской власти къ городамъ и окружному народонаселенію. Крещеніе Св. Владиміра отъ Греческой Церкви положило предѣлъ стремленію князей далѣе на Югъ, ограничило сферу ихъ дѣятельности областями нынѣшней Россіи; но этимъ не остановилось ихъ движеніе, напротивъ оно стало производиться еще съ большею силою внутри означеннаго круга; перемѣщенія князей изъ одного города въ другой, изъ одной области въ другую не прекратились и не переставали отвлекать ихъ отъ дѣлъ внутреннихъ, отъ точнѣйшаго опредѣленія и утвержденія своихъ отношеній къ народонаселенію подчиненному. Какія же были причины такого движенія?

Осенью 1195 годя, говоритъ лѣтописецъ, Мономаховичи: Рюрикъ Кіевскій, Давидъ Смоленскій и Всеволодъ, В. К. Владимірскій, послали въ Черниговъ сказать Ольговичамъ: „Дайте слово не отнимать у насъ и дѣтей нашихъ отчинныхъ нашихъ городовъ: Смоленска и Кіева; ибо, по раздѣлу Ярослава Великаго, вы получили земли по ту сторону Днѣпра, и Кіевъ принадлежать вамъ не можетъ [43].“ Ольговичи отвѣчали: „Соглашаемся оставить

Кіевъ во власти Всеволода и Рюрика, но вовсе отступиться отъ него не можемъ: мы не Венгры, не Ляхи, но потомки одного предка." Эти многознаменательныя слова, сказанныя при сношеніи двухъ враждебныхъ линій потомства Ярославова, могутъ указать намъ причины всѣхъ княжескихъ движеній и междоусобій, происходившихъ въ такъ называемый періодъ удѣловъ. Слова Ольговичей: „мы всѣ потомки однаго предка," показываютъ намъ, что князья смотрѣли на себя, какъ на членовъ одного семейства, и на области Русскія, какъ на нераздѣльную собственность этого семейства, при чемъ старшіе владѣли областями лучшими, и старѣйшій изъ всѣхъ сидѣлъ на главномъ столѣ, въ Кіевѣ. Но слова Мономаховичей: „оставайтесь въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ за Днѣпромъ и не вступайтесь въ наши родовые города" показываютъ, что существовало какое-то ограниченіе въ вышесказанномъ способѣ владѣнія, что было стремленіе нѣкоторыхъ линій Ярославова потомства ограничить другія извѣстными областями и отнять у нихъ право домогаться старѣйшаго стола. Общность, нераздѣльность владѣнія однаго рода всею землею, съ правомъ старшихъ на лучшіе удѣлы, условливало постоянное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, изъ однаго города въ другой. Если бы эти перемѣщенія слѣдовали постоянно порядку старшинства, если бы они были подчинены постоянно одному, всѣми равно признаваемому, закону, то это отстранило бы всякія враждебныя столкновенія между князьями, и постоянство ихъ взаимныхъ родовыхъ отношеній дало бы имъ возможность сообщить постоянство и своимъ отношеніямъ къ народонаселенію управляемому. Но стремленіе нѣкоторыхъ линій исключить другія изъ права, необходимо вызывало со стороны послѣднихъ стремленіе поддержать его, слѣдствіемъ чего были междоусобія. Какъ скоро смѣна князей перестала подчиняться одному общепринятому закону старшинства, какъ скоро получили мѣсто частыя изъ него исключенія въ пользу достойнѣйшаго, сильнѣйшаго, или болѣе смѣлаго, то города не могли долго оставаться праздными въ этой борьбѣ, гдѣ дѣло шло объ ихъ судьбѣ или, по крайней мѣрѣ, объ ихъ потеряхъ, или выгодахъ; какъ скоро послѣдовало нарушеніе права всѣмъ извѣстнаго и всѣми принятаго, то силѣ открылось обширное поприще продолжать нарушеніе права, силу же должно было употреблять и для поддержанія права: при такомъ господствѣ силы, сила городоваго народонаселенія, способная дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, не могла

остаться безъ важнаго значенія; борющіеся за свои права князья начали стараться пріобрѣтать эту силу, начали стараться пріобрѣтать приверженность жителей тѣхъ городовъ, владѣнія которыми добивались; но за эту приверженность они должны были необходимо давать нѣкоторое вознагражденіе, т. е., поступаться нѣкоторыми правами своими въ пользу гражданъ. Раздѣленіе, распри въ семействѣ князей, въ родѣ правителей, должны были необходимо отражаться въ раздѣленіяхъ и распряхъ городскаго народонаселенія; безпрерывная смѣна правителей, частое ихъ отсутствіе, заставляли гражданъ находиться въ постоянномъ движеніи, принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія, что поддерживало древнія формы вѣчеваго народовластія. Обратимся къ событіямъ, долженствующимъ подтвердить сказанное.

Къ преступленію братоубійства Святополкъ присоединилъ еще попытку развратить гражданъ, подкупомъ пріобрѣсть ихъ привязанность: лѣтописецъ говоритъ, что Святополкъ, по совершеніи трехъ братоубійствъ, началъ княжить въ Кіевѣ, и, призывая гражданъ, давалъ имъ богатые подарки [44]. При послѣдующихъ усобицахъ княжескихъ, обязанность самосохраненія должна была вывести гражданъ изъ страдательнаго положенія и заставить ихъ присвоить себѣ право изъ многихъ искателей выбирать достойнѣйшаго. Старшій сынъ Ярослава I-го измѣнилъ одной изъ самыхъ главныхъ своихъ обязанностей, убѣжавъ съ поля битвы; Кіевляне созываютъ вѣче и требуютъ отъ князя оружія и коней для отраженія враговъ: [45] исполнить это требованіе значило отказаться отъ своей главной обязанности, и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ своего главнаго права, потерять свое значеніе. Князь отказалъ, народъ находитъ себѣ защитника въ другомъ потомкѣ Св. Владиміра, Всеславѣ Полоцкомъ, котораго Изяславъ вѣроломно заключилъ въ темницу; покинутые Всеславомъ Кіевляне должны были обратиться къ первому князю, пришедшему на нихъ съ чужою помощію; при посредствѣ братьевъ Великаго Князя они получаютъ его прощеніе, но сынъ Изяслава казнью главныхъ вѣчниковъ возбуждаетъ нелюбье Кіевлянъ къ своему роду, которое еще болѣе усилилось въ княженье брата его, Святополка [46]. Потомство втораго сына Ярославова также не могло пользоваться расположеніемъ гражданъ, по слѣдующимъ причинамъ: они ничего не могли ожидать отъ Олега Святославича, кромѣ возобновленія насилій Святополковыхъ. Этотъ князь, изгнанникъ съ ранней молодости, Варягъ въ полномъ значеніи сло-

ва, долженъ былъ мечемъ отыскивать свои права, свою отчину; большая часть жизни его протекла не въ городѣ, наслѣдіи предковъ, но въ лагерѣ воинскомъ; съ ранней юности онъ былъ окруженъ смѣлыми воинами, неутомимыми и вѣрными товарищами его изгнаннической жизни, которые служили ему единственною опорою, на которыхъ онъ полагалъ всю свою надежду: ихъ только привыкъ онъ уважать, съ ними исключительно держалъ свой совѣтъ, и презиралъ городскихъ старцевъ и пастырей Христіанскихъ, какъ совѣтниковъ, храбраго князя недостойныхъ [47]. Ясно было, что такой князь, при столкновеніяхъ своихъ дружинниковъ съ горожанами не усумнился бы принести послѣднихъ въ жертву первымъ, что Кіевляне испытали уже разъ отъ младшей дружины слабаго Всеволода [48], и что после испытали отъ тіуновъ сына Олегова. Во вторыхъ: Олегъ и всѣ его родичи были ненавистны жителямъ городовъ Русскихъ, потому что эти князья измѣняли постоянно одной изъ самыхъ священныхъ своихъ обязанностей въ отношеніи гражданъ, а именно, вмѣсто защиты Русской земли отъ враговъ, они безпрестанно наводили на нее Половцевъ. Совершенно противоположнымъ характеромъ и поведеніемъ отличался сынъ Всеволода, Владиміръ. Съ ранней юности онъ стоялъ на стражѣ Русской земли, былъ грозою и бичемъ невѣрныхъ [49]; въ дѣлахъ внутреннихъ онъ является врагомъ всякой неправды, грозою насилія: ему Кіевляне были обязаны тѣмъ, что Святополкъ не давалъ всей воли страстямъ своимъ [50]. Отсюда понятна любовь Русской земли къ Мономаху, благоговѣніе къ его памяти, отсюда понятно, почему Кіевляне не хотѣли имѣть своимъ княземъ никого, кромѣ Мономаха, оставались вѣрными только его потомству [51]. По смерти Святополка, вѣче Кіевское опредѣлило звать Мономаха на столъ отца и дѣда. Владиміръ, разъ отказавшись отъ старшинства по смерти отца своего, въ пользу Святополка, не хотѣлъ и тутъ нарушить право Олега: онъ отказался отъ предложенія Кіевлянъ. Тогда послѣдніе отправили къ нему вторичное посольство съ угрозою, что если онъ не явится немедленно въ Кіевъ, то возметъ на себя отвѣтъ въ страшномъ кровопролитіи и оскверненіи святыни. Мономахъ долженъ былъ принять великокняжеское достоинство [52]. Такимъ образомъ граждане нарушили право старшинства, избравъ достойнѣйшаго мимо старѣйшаго. На этотъ разъ никто не воспротивился волѣ Кіевлянъ, ибо никто не посмѣлъ состязаться съ Мономахомъ. Старшій сынъ его Мстиславъ наслѣдовалъ потъ отца своего, гово-

ритъ Лѣтописецъ, и потому наслѣдовалъ безпрепятственно и старшинство между князьями. Но дѣла приняли другой оборотъ по смерти Мстислава; Олеговичи, пользуясь раздоромъ, возникшимъ въ потомствѣ Мономаха, домогивались старшинства. Тогда Кіевляне испытали всю невыгоду смѣны родовыхъ линій княжескихъ. Всеволодъ Ольговичъ привелъ своихъ Черниговскихъ дружинниковъ, которымъ роздалъ должности предпочтительно предъ старою дружиною Кіевскою [53]. Пришельцы сильно тѣснили гражданъ. Негодованіе послѣднихъ выразилось по смерти Всеволода: они до тѣхъ поръ не хотѣли признать княземъ брата его, Игоря, пока онъ не заключилъ съ ними клятвеннаго договора наблюдать самому за правосудіемъ и давать гражданамъ тіуна по ихъ волѣ [54]. Это былъ первый примѣръ на Югѣ ряда или договора княжескаго съ гражданами; онъ не остался единственнымъ: лѣтописецъ говоритъ, что не только Олеговичи, но и Мономаховичи, заключали ряды съ гражданами Кіевскими [55]. Такимъ образомъ безпрерывное движеніе, безпрерывная смѣна князей, въ слѣдствіе родовыхъ отношеній, воспрепятствовала развитію княжеской власти въ старыхъ городахъ, привыкшихъ къ вѣчевому народовластію, и дала даже имъ возможность опредѣлять иногда свои отношенія къ князьямъ въ свою пользу. Еще сильнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, является власть вѣча въ другихъ старыхъ городахъ: возможность выбора между многими враждебными князьями дала имъ возможность смѣнять ихъ безнаказанно: такъ этою возможностію пользуются жители Смоленска и Полоцка [56]; однимъ словомъ во все продолженіе, такъ называемаго, удѣльнаго періода въ старыхъ городахъ власть князя и власть вѣча находятся другъ подлѣ друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностію всѣхъ городовъ старыхъ, при чемъ Новгородъ причисляется къ послѣднимъ безо всякаго особаго отличія [57].

Но подлѣ этихъ городовъ, изъ которыхъ многіе существовали еще гораздо прежде приходя князей Варяжскихъ и привыкли къ вѣчевому народовластію, основалось въ послѣдствіи множество другихъ новыхъ. Семейныя Славянскія понятія, отразившіеся на отношеніяхъ князей, отразились также и на отношеніяхъ городовъ, въ слѣдствіе чего города новопостроенные вошли къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, т. е. должны были находиться въ волѣ послѣднихъ; отсюда младшіе города, или пригороды, не имѣли самостоятельнаго быта и во

всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тіуна; эта совершенная зависимость выражается въ лѣтописи такъ: „на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ [58].“ Ясно, что въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, княжеская власть могла развиваться гораздо свободнѣе, ясно что въ этихъ-то городахъ долженъ былъ родиться новый порядокъ вещей, должно было произвить самодержавіе. Но этотъ новый порядокъ вещей, изъ городовъ новыхъ не могъ произойти на Югѣ, ибо здѣсь старыхъ городовъ было такъ много, что они могли пересиливать вліяніе младшихъ; въ старыхъ городахъ старшіе князья утвердили свои столы, и тѣмъ сообщили имъ вѣсъ и знаменитость, съ распространеніемъ членовъ княжескаго семейства, новые города начали отдаваться въ младшіе удѣлы младшимъ членамъ; пріобрѣтши чрезъ это независимость отъ старшихъ, они не могли не слѣдовать ихъ близкому примѣру, ибо вступали въ подобныя же отношенія къ своимъ князьямъ; эти князья при своей неосѣдлости ждали только случая покинуть младшій удѣлъ для старшаго, и не имѣли ни времени, ни охоты пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ въ новыхъ городахъ. Не такъ было на Сѣверѣ. Въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Святославичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгорода, въ этой суровой и почти дикой странѣ, возвышался только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ: то былъ Ростовъ Великій, отъ котораго вся окружная страна получила названіе земли Ростовской [59]. Бывши удѣломъ Св. Бориса, отдаленный Ростовъ, во время разсылки дѣтей Ярославовыхъ, утратилъ свое мѣсто между старшими удѣлами и причисленъ былъ къ области Переяславской, удѣлу Всеволодову. Скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый. Такимъ образомъ Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ. Такое преобладаніе младшихъ городовъ не могло оставаться безъ послѣдствія, особенно если обратить вниманіе на то, что всѣ они были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностію. Такимъ образомъ на Сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, князь

создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ. Развитію этого полновластія въ области Ростовской благопріятствовали еще другія обстоятельства: какъ прежде стремленіе князей Варяжскихъ съ дружинами было направлено на Югъ, къ Византіи, и области нынѣшней Россіи были для нихъ только путемъ (Восточнымъ Греческимъ), а города ея мѣстомъ остановки, такъ въ послѣдствіи это стремленіе не перемѣнило своего направленія на Югъ; но получило уже другую цѣль, другую Византію — то былъ Кіевъ, старѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ Русскихъ, владѣніе которымъ давало старшинство между братьею; около него толпились которующіеся князья; города имѣли знаменитость и привлекательность по мѣрѣ отдаленія отъ Кіева; домогались: Переяславля или Владиміра Волынскаго, Вышегорода или Бѣлгорода, не любили дальняго Новгорода, презирали еще болѣе отдаленнымъ Ростовомъ, въ странѣ бѣдной и дикой. Отсюда область Ростовская считалась мѣстомъ изгнанія, удѣломъ самымъ младшимъ. Мономахъ отдалъ ее младшему изъ сыновей — Юрію. Послѣдній раздѣлялъ общую всему княжескому роду привязанность къ Югу, къ Кіеву и землѣ Русской, и считалъ себя отлученнымъ изгнанникомъ на Сѣверѣ; съ горестію говорилъ онъ: „Не уже ли и дѣтямъ моимъ не будетъ части въ землѣ Русской! [60].“ и всѣми силами старался добыть Кіева. Не такъ уже думалъ сынъ его, Андрей. Рожденный и воспитанный въ помѣстьяхъ отца, въ городахъ, имъ основанныхъ, Андрей любилъ Сѣверъ, какъ родину, и еще болѣе любилъ новые города за ихъ приверженность къ потомству основателя, за ихъ повиновеніе безприкословное. Чего было ожидать ему на Югѣ? При жизни сыновей старшаго изъ Мономаховичей, онъ не имѣлъ никакого права заступить мѣсто отца своего; видѣлъ своевоѣліе гражданъ, ихъ нелюбовь къ князьямъ Сѣвернымъ [61], не имѣлъ на Югѣ довольно силы, чтобъ идти на перекоръ и правамъ Князей, и нерасположенію народа. Все это заставило его, вопреки волѣ отцовской, удалиться въ наслѣдственную область; [62] Юрій завѣщалъ ее самымъ младшимъ сыновьямъ; но Ростовцы измѣнили клятвѣ, данной старому князю, и охотно приняли Андрея, спасаясь тѣмъ отъ позора быть всегда достояніемъ самыхъ младшихъ въ родѣ. Но они ошиблись въ своемъ разсчетѣ: на Сѣверѣ пробилъ часъ для господства старыхъ городовъ и старыхъ формъ, господство младшихъ городовъ и новаго порядка вещей начиналось. Андрей, прибывъ на Сѣверъ, утвердилъ свое

пребываніе не въ Ростовѣ, и даже не въ Суздалѣ, но въ городахъ новыхъ, Владимірѣ и Боголюбовѣ, предпочитая второй, какъ новѣйшій. Здѣсь, окруженный преданностію и покорностію новаго народонаселенія, Андрей принимаетъ характеръ Самодержца [63]. Бывъ на Югѣ самымъ безстрашнымъ изъ бойцевъ, даже въ геройской семьѣ Мономаховичей, на Сѣверѣ Андрей сложилъ съ себя характеръ полководца, доселѣ господствовавшій въ князьяхъ, и принялъ характеръ правителя: онъ уже не ходилъ болѣе самъ на войну [64], но посылалъ сыновей и воеводъ, въ слѣдствіе чего и дружина, сонмъ храбрецовъ, безотлучныхъ товарищей, друзей храбраго князя, измѣнила свой воинскій характеръ и стала *Дворомъ*. Однимъ словомъ въ областяхъ Андрея все принимаетъ совершенно другой видъ, чѣмъ на Югѣ, все принимаетъ характеръ осѣдлости, прочности, постоянства. Мы видѣли, что этотъ новый характеръ произошелъ изъ природы новыхъ городовъ, господствовавшихъ по числу своему на Сѣверѣ, изъ природы ихъ отношеній къ Князю; мы видѣли что эти города, по своему происхожденію, смотрѣли на Князя, какъ на господина полновластнаго, и Князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую; отсюда понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ Князя - владѣльца, имѣющаго право располагать имъ, начинаетъ господствовать на Сѣверѣ, въ противоположность господствующему на Югѣ понятію общности, нераздѣльности владѣнія; на Сѣверѣ является въ первый разъ *завѣщаніе*, знакъ, что Князь завѣщавающій имѣетъ собственность, которою можетъ располагать произвольно, чего не могло быть на Югѣ, гдѣ В. Князь не имѣлъ ничего, собственно ему принадлежащаго; вся страна была въ общемъ владѣніи рода, и при каждой смѣнѣ В. Князя новый, какъ старшій въ родѣ, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею, чѣмъ кому владѣть, или вѣрнѣе сказать, чѣмъ кому кормиться. Пусть на Сѣверѣ повторятся тѣже самыя явленія, что на Югѣ, пусть Ростовская область раздробится и Великое Княженіе со стольнымъ городомъ Владиміромъ, будетъ переходить къ старшему въ родѣ: въ самомъ способѣ дѣленія лежитъ уже другое начало, которое необходимо повлечетъ за собою другія явленія. Здѣсь членъ княжескаго семейства, получивъ удѣлъ, смотритъ на него, какъ на собственность неотъемлемую; пусть получитъ онъ великое княженіе, онъ не поѣдетъ жить въ стольный городъ, но останется въ своемъ родовомъ, отчинномъ городѣ, въ своемъ наслѣдствен-

номъ удѣлѣ, гдѣ онъ всѣхъ знаетъ, и его всѣ знаютъ, и всѣ къ нему привержены; при смерти онъ опять раздробитъ этотъ удѣлъ между сыновьями; но это раздробленіе будетъ носить тотъ же самый характеръ: каждый Князь будетъ отдѣльнымъ владѣльцемъ въ своемъ удѣлѣ, и не перемѣнитъ его ни на какой другой; на немъ сосредоточитъ всѣ свои попеченія, его будетъ улучшать, его увеличивать; но какъ можетъ произойти это увеличеніе? На Югѣ В. Князь, по праву старшаго, по праву отца, могъ наказать ослушнаго Князя отнятіемъ у него удѣла; но тотчасъ отдавалъ отнятый городъ другому Князю, сыну или племяннику, и при новомъ рядѣ между Князьями этотъ городъ могъ перейти совершенно въ другую линію, и потому здѣсь отнятіемъ удѣловъ, изгнаніемъ Князей одинъ родъ исключалъ другой, но область одного княжества не увеличивалась на счетъ другаго. Совершенно другое явленіе видимъ мы на Сѣверѣ. Здѣсь собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями; каждый Князь смотритъ на себя какъ на отдѣльнаго владѣльца извѣстной области, а не какъ уже на члена извѣстнаго рода, извѣстной линіи; отсюда родственная связь слабѣетъ, а послѣ и совершенно рушится; В. Князь отнимаетъ какой нибудь удѣлъ, и тотчасъ присоединяетъ его къ своему наслѣдственному удѣлу, называетъ это своимъ примысломъ, прибыткомъ и не дѣлится съ родомъ, съ братьями: отсюда открывается свободный путь увеличенію одного княжестжества на счетъ другаго, сильнѣйшаго на счетъ слабаго. На Югѣ В. Князь былъ силенъ только своимъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ старшій въ родѣ, [65] политической же силы не имѣлъ никакой, особенно въ послѣдствіи, когда удѣлъ великокняжеской ограничивался почти однимъ Кіевомъ; на Сѣверѣ наоборотъ, В. Князь былъ необходимо сильнѣе всѣхъ прочихъ, ибо по раздробленіи Ростовской области на отдѣльные удѣлы, владѣлецъ однаго изъ нихъ, становясь В. Княземъ, не отчуждалъ своего прежняго наслѣдственнаго удѣла, слѣд. къ удѣлу, равнявшему его въ силѣ съ остальными Князьями, онъ присоединялъ еще область В. Княженія, никогда не дробившуюся, и такимъ образомъ увеличивалъ свою силу, не въ примѣръ предъ остальными князьями. Отсюда необходимое слѣдствіе: если какимъ нибудь случаемъ В. Княжеское достоинство будетъ нѣсколько разъ сряду доставаться Князьямъ одного и того же удѣла, то эти Князья, пользуясь своею силою, необходимо поработятъ всѣхъ прочихъ и станутъ единовластителями: такъ точно и поступали Московскіе Князья. При-

томъ обычаи Сѣверныхъ Князей, при полученіи В. Княжескаго достоинства оставаться въ отчинномъ городѣ, повлекъ къ раздѣленію на многія Великія Княжества, слѣд. къ совершенному разрушенію единства рода Ярославова и Мономахова, къ совершенному ослабленію родственныхъ отношеній. Прежде единство княжеской семьи поддерживалось *однимъ* В. Княземъ, однимъ общимъ патріархомъ, въ которомъ всѣ остальные Князья чтили отца. Боголюбскій, овладѣвъ Кіевомъ, не поѣхалъ туда, и остался во Владимірѣ Князьменскомъ; Кіевъ въ глазахъ всѣхъ Князей и всѣхъ Русскихъ не могъ утратить своего прежняго величія, прежняго достоинства, какъ старѣйшій городъ въ Русской землѣ; его Князья, особенно умѣвшіе поддержать свое достоинство, какъ на пр. Святославъ Всеволодовичь, назывались также В. Князьями; съ другой стороны Владиміръ разъ ставши стольнымъ В. Княжескимъ городомъ, не утратилъ этого значенія, и Князья его продолжали именоваться Великими: такимъ образомъ, съ появленіемъ двухъ Великихъ Князей, единство потомства Ярославова рушилось, Россія раздѣлилась на двѣ части, княжеская семья на два особые рода, съ двумя старшими, двумя патріархами; тоже явленіе повторилось въ Сѣверной Руси, когда Тверской Князь, ставши Великимъ, остался въ Твери, Московскій въ Москвѣ: Тверь и Москва стали Великими Княженіями, Рязань и Нижній Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру, явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу; Князья были уже не братья, не дѣти одного отца, но владѣльцы-соперники; сила получила право прекратить борьбу, соперничество въ свою пользу, и Москва воспользовалась этимъ правомъ. Такъ для собранія земли Русской въ одно могущественное цѣлое, для сообщенія ей единства государственнаго, необходимо было раздѣленіе областей, ослабленіе родственныхъ связей въ потомствѣ Ярослава, отчужденіе родовъ и линій княжескихъ другъ отъ друга. Это могло произойти только тогда, когда понятія собственности, наслѣдственности владѣнія, начали господствовать надъ понятіями семейными, когда родовыя отношенія Князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, привязали къ себѣ Князя тѣсными узами собственности, сдѣлали его осѣдлымъ. Эта осѣдлость Князей, начавшаяся на Сѣверѣ, въ области Ростовской, оканчиваетъ, такъ называемый, періодъ удѣльный, періодъ, характеризуемый господствомъ родовыхъ отноше-

ній. Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимірѣ, и по признаніи себя старѣйшимъ въ родѣ, или Великимъ Княземъ, начинаетъ новый періодъ, періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ. Начало этой борьбы обозначилось борьбою старыхъ городовъ съ новыми, а именно: Ростова Великаго съ Владиміромъ Клязьменскимъ; окончательное торжество новаго порядка вещей надъ старымъ обозначилось борьбою Новгорода съ Москвою и торжествомъ послѣдней: но для уразумѣнія второй борьбы мы должны обратить вниманіе на первую, ибо отношенія, въ ней раскрывшіяся, бросаютъ свѣтъ на послѣдующія явленія.

По смерти Андрея, зародышу новаго порядка вещей грозило совершенное подавленіе отъ стараго, еще во всей своей силѣ находившагося. Мы видѣли что Ростовцы, по смерти Юрія, нарушили присягу, данную этому Князю, и приняли Андрея вмѣсто законныхъ наслѣдниковъ, младшихъ его братьевъ. По смерти Боголюбскаго, Ростовцы возобновили прежнюю попытку взять къ себѣ Князя мимо законныхъ наслѣдниковъ, возвратить своему городу прежнее старшинство, и унизить ненавистный Владиміръ, привести его въ свою волю, распоряжаться имъ какъ пригородомъ. Съ этою цѣлію они, миновавъ опять младшихъ дѣтей Долгорукаго, призвали сыновей старшаго его сына, Ростислава, съ условіемъ, чтобы старшій изъ нихъ Мстиславъ оставался въ Ростовѣ, и такимъ образомъ возвратилъ этому городу прежнее достоинство. Владимірцы, не привыкшіе къ самостоятельному быту, охотно бы повиновались вѣчевому приговору городовъ старшихъ, если бъ съ одной стороны тому не припятствовала ихъ правда [66], ихъ крестное цѣлованіе, а съ другой стороны безразсудство Ростовцевъ, грозившихъ Владиміру или совершеннымъ истребленіемъ, или, по крайней мѣрѣ, совершенною зависимостію. При такихъ обстоятельствахъ Владимірцы должны были дѣйствовать рѣшительно: они принимаютъ Михаила Юрьевича, затворяются съ нимъ, и выдерживаютъ семинедѣльную осаду; наконецъ голодъ заставляетъ ихъ проститься съ добрымъ Княземъ, который, въ такой крайности, самъ разрѣшилъ ихъ отъ присяги. Они со слезами проводили Михаила и вышли на встрѣчу Ростиславичамъ, бывъ, по крайней мѣрѣ, утѣшены тѣмъ, что не подчинятся Ростовцамъ, но будутъ имѣть своего особаго Князя, хотя младшаго [67]. Однако и эта радость ихъ была непродолжительна: Ростиславичь привелъ къ нимъ изъ Руси свою дружину; мы видѣли, какъ

тяготились Кіевляне пришлецами Черниговскими и Суздальскими; точно также тягостны были пришлецы Русскіе гражданомъ Владимірскимъ: несправедливостямъ ихъ въ судахъ не было конца; всего болѣе раздражало гражданъ похищеніе казны и волостей, принадлежавшихъ храму Богородицы; въ народѣ слышались слова: „Мы приняли Князей добровольно, утвердили сь ними рядъ крестнымъ цѣлованьемъ; а они смотрятъ на нашъ городъ, точно какъ на чужой, грабятъ не только уже всю волость, но даже и церкви, мы должны сами подумать о себѣ [68].“ Но Владимірцы и тутъ, по старому обычаю, обратились сперва съ жалобою къ старымъ городамъ, Ростову и Суздалю. Граждане послѣднихъ на словахъ были за нихъ, а на дѣлѣ радовались ихъ горю и не мыслили о помощи, особенно бояре, крѣпко державшіеся Ростиславичей [69]. Тогда Владимірцы снова послали за Михаиломъ, которому и удалось, съ Черниговскою помощію, выгнать Ростиславичей. Снова Владиміръ сталъ главнымъ городомъ всей Ростовской земли; Ростовцы потеряли опять свое старшинство, къ нимъ даже не пошелъ и младшій братъ В. Князя, Всеволодъ, а предпочелъ Переяславль Залѣскій [70], по утвердившемуся уже у Сѣверныхъ Князей обычаю предпочитать пригороды городамъ старымъ. Но этимъ борьба не кончилась. Доблестный Михаилъ княжилъ не долго; по смерти его Владимірцы тотчасъ послали въ Переяславль за Всеволодомъ и присягнули ему и *дѣтямъ его* [71]. Но вторичное торжество Владиміра озлобило еще болѣе Ростовцевъ: они послали опять за Мстиславомъ Ростиславичемъ, и безпрестанно понуждали его идти войною на Всеволода и ненавистныхъ Владимірцевъ; тщетно Всеволодъ предлагалъ мировую сдѣлку, обѣщаясь оставить Мстислава спокойнымъ владѣльцемъ въ Ростовѣ; Ростовцы сказали послѣднему: „Если ты хочешь мириться, то мы не хотимъ, Владиміръ не имѣетъ права быть особымъ княженіемъ, то нашъ пригородъ, въ немъ живутъ наши смерды, холопы, каменьщики, плотники и мужики [72].“ Война должна была рѣшить споръ и рѣшила его въ пользу Всеволода и Владимірцевъ; Ростовъ въ третій разъ потерялъ старшинство, но все еще не оставилъ на него своихъ притязаній. Всеволодъ послалъ въ Ростовъ старшаго сына своего, Константина, бывшаго прежде въ Новгородѣ, этотъ Князь напитался тамъ понятіями о старшинствѣ городовъ и началъ смотрѣть глазами Ростовцевъ; видѣлъ въ Ростовѣ городъ старшій, несправедливо лишенный В. Княжескаго пребыванія, а во Владимірѣ пригородъ, беззаконно

похитившій право старшаго. Слѣдствіемъ такихъ понятій было то, что, когда Всеволодъ, предъ смертію своею, вызывалъ Константина во Владиміръ, желая отдать ему, какъ старшему, эту столицу Велико-Княжескую, Константинъ велѣлъ объявить отцу: „Я твой старшій сынъ, и у тебя, какъ вижу, нѣтъ намѣренія лишить меня этого старшинства; но какъ же ты хочешь отнять у меня старшій городъ, и отдать одинъ младшій? Дай мнѣ, какъ старшему, старшій Ростовъ, и къ нему уже пригородъ его, Владиміръ.“ Всеволодъ разгнѣвался на ослушнаго сына, и, созвавъ соборъ, объявилъ В. Княземъ и старшимъ въ родѣ втораго сына своего, Юрія, далъ ему Владиміръ, со всѣми людьми, укрѣпилъ къ нему всѣхъ крестнымъ цѣлованіемъ и поручилъ ему младшихъ братьевъ [73]. Это явленіе есть одно изъ самыхъ обильнѣйшихъ послѣдствіями въ нашей исторіи. Торжество младшаго города влечетъ за собою торжество младшаго въ родѣ. Мы видѣли, что на Сѣверѣ, въ слѣдствіе господства новопостроенныхъ городовъ, собственности княжеской, начало преобладать понятіе о собственности, и Князья начинаютъ располагать городами, какъ неотъемлемымъ достояніемъ, откуда является завѣщаніе, необходимо повлекшее за собою постоянное пребываніе Князей въ своихъ, полученныхъ по завѣщанію, удѣлахъ; ибо сдѣлать новый рядъ, перемѣнить удѣлъ, значило бы нарушить святость завѣщанія родительскаго. Юрій Долгорукій завѣщалъ область, наполненную новопостроенными городами, младшимъ сыновьямъ своимъ; торжество Владимірцевъ надъ Ростовцами, было вмѣстѣ торжествомъ правды, вѣрности къ завѣщанію [74]. Наконецъ, Всеволодъ III, въ наказаніе за ослушаніе, завѣщаніемъ своимъ торжественно исключаетъ старшаго изъ старшинства, и даетъ его младшему; здѣсь, въ первый разъ, освящено нарушеніе права старшинства въ пользу младшихъ; освящено волею Князя, волею отца-завѣщателя, которую всѣ поклялись исполнить. Такимъ образомъ по смерти Всеволода III прежнія отношенія стали запутаннѣе, прежняя вражда сложнѣе, ибо теперь къ борьбѣ старыхъ городовъ съ новыми присоединилась еще борьба младшихъ Князей со старшими, борьба древняго права старшинства съ правомъ по завѣщанію.

Въ этой знаменитой борьбѣ самое дѣятельное участіе принимаетъ Новгородъ, къ исторіи котораго теперь и обратимся.

Преемникъ Рюрика оставилъ Новгородъ, но не отказался отъ владычества надъ нимъ: вмѣстѣ съ другими покоренными племе-

нами, Новгородцы принуждены были признать зависимость свою отъ князя Кіевскаго, знакомъ которой служила дань къ Кіеву, въ двѣ тысячи гривенъ. Кромѣ этой ежегодной дани, Новгородцы обязаны были давать посаднику своему сперва 300, а потомъ 1000 гривенъ для раздачи дружинѣ, которая блюла за сохраненіемъ внутренняго наряда, общественной безопасности [75]. Новгородцы принимаютъ постоянное участіе въ походахъ княжескихъ [76]; ополченія ихъ, вѣроятно вмѣстѣ съ Кривскими или Смоленскими, называются въ лѣтописи *верховными*, т. е. *верхними воинами* [77]. Мать Святослава устанавливаетъ повозы, оброки и дани въ земляхъ Новгородскихъ [78]. Узнавъ, что Святославъ отправляется на Дунай, и посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Ольга въ Деревахъ, Новгородцы послали также просить себѣ князя съ угрозою, что если Рюриковичи не пойдутъ, то они отыщутъ себѣ князя изъ другаго рода. Причину, побудившую Новгородцевъ къ такому настоятельному требованію, объяснить не трудно. Святославъ отправлялся въ дальній походъ, Кіевъ и Древляне получили особенныхъ, другъ отъ друга независимыхъ владѣтелей, Новгородцы также хотѣли имѣть подобнаго; съ другой стороны мы знаемъ религіозное уваженіе, которое питали Сѣверные народы къ князьямъ, какъ потомкамъ боговъ, одареннымъ въ слѣдствіе того особеннымъ счастіемъ на войнѣ [79]. Лѣтописецъ нѣсколько разъ упоминаетъ о необходимости князя въ битвѣ, присовокупляя, что бояръ не такъ слушались [80]. Тоже самое побужденіе, которое заставляло Святослава стремиться на Югъ, заставило и старшихъ сыновей его отказаться отъ далекаго Сѣвернаго владѣнія. Новгородцы получили третьяго сына Владиміра. По смерти Святослава они не долго пользовались независимостію отъ Кіева. Владиміръ, убоявшись единовластія Ярополка, отправился къ Варягамъ за море для набора многочисленнѣйшей дружины; Посадники Ярополковы явились въ Новгородѣ. Владиміръ скоро возвратился, но ушелъ на Югъ; Новгородъ снова увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ посадника, которымъ былъ Добрыня, дядя Владиміровъ [81]. Послѣ него являются опять князья: Вышеславъ и за нимъ Ярославъ. Ярославъ, еще при жизни отца своего, объявляетъ себя независимымъ, т. е. отказывается платить дань Кіеву, которую платили всѣ предшествовавшіе посадники; Лѣтописецъ, прибавляя послѣднія слова, указываетъ намъ на причину поступка Ярослава: его заставляли дѣлать то, что дѣлали прежніе посадники, слѣд. князь Новгородскій былъ посадникомъ Кіевскаго князя, тогда

какъ остальные князья въ своихъ удѣлахъ были совершенно независимы отъ послѣдняго, касательно внутренняго управленія, и не обязаны были ему никакою данью; эта разница въ отношеніяхъ Новгорода и другихъ удѣловъ къ В. Князю видна изъ того, что Ярополкъ Владиміровичь Мономашичь требуетъ отъ Новгорода дани, а отъ Смоленска только дара [82]. Ярославъ не хотѣлъ быть посадникомъ князя Кіевскаго, хотѣлъ одинакой независимости съ прочими братьями и потому отказался платить дань. Готовясь къ войнѣ съ отцемъ, Ярославъ призвалъ толпы Варяговъ; наемники начали поступать съ Новгородскими гражданами, какъ съ побѣжденными; раздраженные Новгородцы перебили ихъ. Тогда князь заманилъ на совѣщаніе главныхъ виновниковъ убійства и велѣлъ лишить ихъ жизни. Это событіе ясно показываетъ намъ, въ какихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ находились призванные князья къ призывавшимъ гражданамъ: обѣ власти существовали другъ подлѣ друга, каждая съ своими особыми интересами, заключали другъ съ другомъ союзы и вели войны при взаимныхъ недоразумѣніяхъ. Въ ту же ночь, въ которую Ярославъ перебилъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ, пришла къ нему вѣсть о смерти отца и злыхъ намѣреніяхъ Святополка; онъ собралъ вѣче и со слезами объявилъ народу о своемъ положеніи; Новгородцы тронулись несчастіемъ князя, и выразили готовность свою слѣдовать за нимъ противъ братоубійцы [83]. Причина таковаго великодушія ясна: по тогдашнимъ понятіямъ, Ярославъ убійствомъ Новгородцевъ исполнилъ долгъ мести за истребленную дружину, а съ другой стороны выгоды Новгородцевъ были тѣсно связаны съ благомъ Ярослава; послѣдній предпринялъ войну противъ отца съ намѣреніемъ дать независимость Новгороду отъ Кіева; если бъ граждане отказались помочь Ярославу, то онъ убѣжалъ бы къ Варягамъ, и вмѣсто князя Новгородцы опять принуждены были бы принять посадниковъ отъ Кіевскаго князя, да кромѣ того жить въ безпрестанномъ опасеніи отъ прихода раздраженнаго Ярослава съ многочисленными толпами Варяговъ. Они не усумнились подать вторично помощь разбитому на Бугѣ Ярославу, ибо не могли ждать ничего хорошаго отъ Святополка, раздраженнаго первымъ заступничествомъ ихъ за врага его; наконецъ въ Новгородѣ же Ярославъ нашелъ убѣжище въ третій разъ, послѣ пораженія отъ Мстислава Тмутараканскаго. Такое усердіе Новгородцевъ не могло остаться безъ награды, и точно мы встрѣчаемъ упоминовеніе о какихъ-то грамотахъ Ярославовыхъ, служившихъ основаніемъ правъ

и вольностей Новгорода. Какого же рода были этѣ грамоты? Изъ условій, въ соблюденіи которыхъ послѣдующіе В. Князья клялись Новгородцамъ, мы можемъ имѣть полное понятіе о правахъ послѣднихъ въ отношеніи къ В. Князю. Главное, основное изъ этихъ правъ есть право ограничивать власть князя народнымъ чиновникомъ, посадникомъ: изслѣдуемъ, можно ли уступку этого права отнести ко временамъ Ярослава 1-го.

Мы видѣли, что главною обязанностію князя въ Новгородѣ была обязанность верховнаго судьи; въ судѣ своемъ онъ сообразжался съ законами, имѣющими силу въ городѣ; если бы князь родился, воспитывался и постоянно пребывалъ въ Новгородѣ, то онъ зналъ бы законы своей родины, и умѣлъ бы измѣнять ихъ, сообразуясь съ требованіями. Но князья смѣнялись безпрестанно; они приходили изъ странъ отдаленныхъ, изъ областей Кіевскихъ, Волынскихъ, Смоленскихъ, Черниговскихъ, Суздальскихъ; въ каждой изъ этѣхъ областей, несмотря, быть можетъ, на одинаковость главныхъ положеній, законы были различны [84], слѣд. князья-пришлецы не имѣли никакого понятія о судѣ Новгородскомъ, точно такъ какъ Новгородцы не вѣдали обычаевъ Низовской земли; отсюда въ судѣ княжескомъ долженствовали происходить безпрестанные недоразумѣнія, безпорядки и насилія. Для предотвращенія всѣхъ этихъ неудобствъ, Новгородцы требовали отъ всякаго новаго князя, чтобъ онъ судилъ всегда въ присутствіи чиновника, избраннаго изъ гражданъ, свѣдущаго въ законахъ и обычаяхъ страны; вотъ самое первое ограниченіе власти княжеской, первое условіе, исполненія котораго Новгородцы требовали у каждаго новоприбывшаго князя: „А безъ посадника ти, княже, не судити.“

Вторымъ правомъ князя въ Новгородѣ было право назначать правителей по областямъ. Но мы уже имѣли случай видѣть, какую невыгоду въ этомъ отношеніи имѣло для горожанъ частое перемѣщеніе князей изъ одного удѣла въ другой; каждый приводилъ съ собою своихъ любимцевъ, которые съ одной стороны не знали обычаевъ новаго отечества, съ другой смотрѣли на новыхъ согражданъ, какъ на чужихъ и не стыдились обогащаться на ихъ счетъ, продавая справедливость. Мы видѣли, какъ Черниговскіе Тіуны раздражали своимъ мздоимствомъ гражданъ Кіевскихъ, и потомъ Владимірскихъ, видѣли, что первый рядъ Кіевлянъ съ князьями состоялъ въ томъ, чтобы послѣдніе смѣнили

Тіуновъ чужеземныхъ. Въ Новгородѣ это неудобство долженствовало быть еще чувствительнѣе, ибо смѣна князей происходила чаще: отсюда второе главное условіе, чтобы князья назначали въ судьи не своихъ мужей, но гражданъ Новгородскихъ; но такъ какъ безпрестанно смѣнявшіеся князья не могли знать гражданъ, достойныхъ довѣренности, и притомъ могли этимъ средствомъ пріобрѣтать себѣ многочисленныхъ доброжелателей въ городѣ, то здѣсь присоединялось необходимое условіе, чтобы князь не раздавалъ волостей безъ посадника: „А безъ посадника, ти, княже ни волостей раздавати [85].“ Третьимъ правомъ князя было право давать грамоты, сообщать и скрѣплять своимъ именемъ извѣстныя права: и здѣсь Князья-пришлецы не могли обойтись безъ руководства туземнаго сановника, ибо не знали обычныхъ границъ правъ и могли вредить выгодамъ общественнымъ въ пользу частныхъ лицъ, къ нимъ приверженныхъ; отсюда третье необходимое условіе: „А безъ посадника, княже, ни грамотъ ти даяти.“

Безпрерывная смѣна князей, почти всегда враждебныхъ другъ другу, влекла за собою еще другія неудобства, а именно: каждый новый князь, враждебный своему предшественнику, естественно недоброжелательнымъ окомъ смотрѣлъ на всё, сдѣланное послѣднимъ: чиновники, назначенные Ольговичемъ, естественно не нравились Мономаховичу, грамота, данная Мстиславичемъ, должна была являться незаконною въ глазахъ Юрьевича: отсюда каждая перемѣна князя влекла за собою перемѣну чиновниковъ и лишеніе пріобрѣтенныхъ правъ; для отвращенія этого неудобства, каждый новый князь обязывался: во-1) не лишать никого безъ суда, безъ вины, должностей, во-2) не пересуживать грамотъ, данныхъ предшественникомъ: „А безъ вины ти, княже, мужа безъ вины не лишати волости; а грамотъ ти не посужати.“ Но посадникъ былъ лице, необходимое при каждомъ судѣ и пересудѣ.

Такимъ образомъ самыя главныя ограниченія власти князя, слѣд. самыя главныя права гражданъ Новгородскихъ, состояли въ сопоставленіи съ княземъ посадника, *выборнаго* изъ народа, со значеніемъ послѣдующихъ цѣловальниковъ; уничтоженія должности посадника Іоаннъ III требуетъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ вѣча. Мы видѣли значеніе вѣча, теперь должны обратить вниманіе на значеніе посадника, и преимущественно на время его появленія въ качествѣ народнаго чиновника; ибо, если ограничс-

ніе власти княжеской присутствіемъ посадника, при всѣхъ ея отправленіяхъ, было самымъ главнымъ правомъ Новгородцевъ, если оно является неизмѣнно первымъ условіемъ во всѣхъ договорахъ съ В. Князьями и если это право уступлено Новгороду Ярославомъ I-мъ, то посадникъ тотчасъ же послѣ уступки права долженъ явиться въ качествѣ чиновника народнаго, ограничивающаго власть князя; но если онъ является съ такимъ характеромъ гораздо позднѣе, то мы должны естественно заключить, что и право ограничивать власть князя посадникомъ не могло быть дано Ярославомъ I-мъ.

Слово *посадникъ* происходитъ не прямо отъ глагола *посадить*; но по сравненію съ другими словами того же окончанія, на пр. *ключникъ*, *вирникъ*, *мечникъ*, происходитъ отъ существительнаго: *посадъ* или *посада*; какъ вирникъ, мечникъ, ключникъ, означаютъ отношеніе лица къ извѣстному предмету, имя котораго лежитъ въ корнѣ слова, обыкновенно означаютъ власть надъ предметомъ; такъ и слово: посадникъ, должно означать отношеніе къ посадѣ, должно означать чиновника, которому ввѣрено смотрѣніе, власть надъ посадою. Слово посада или посадъ, означало и означаетъ въ Славянскихъ языкахъ пришлый элементъ народонаселенія. (Польское posada знач. колонія). Относительно города, означаетъ ту часть народонаселенія, которая живетъ за городскими стѣнами и отличается отъ собственно городскихъ жителей. Изъ этого легко заключить, что должно было называться посадою въ старыхъ городахъ Славянскихъ въ первый періодъ отечественной исторіи? не иначе, какъ элементъ пришлый, чуждый первому народонаселенію, а мы знаемъ, что этотъ пришлый, чуждый элементъ, *насельницы*, по выраженію лѣтописца, были Варяжскія дружины князей, слѣд. посадою называлась та часть дружины, которую князья оставляли въ городахъ, признавшихъ надъ собою власть ихъ, а посадникомъ назывался начальникъ этого отряда. Лѣтописецъ говоритъ, что Рюрикъ разослалъ своихъ спутниковъ по городамъ [86], Олегъ сажалъ мужей своихъ въ новозанятыхъ городахъ [87], Владиміръ роздалъ города лучшимъ изъ наемныхъ Варяговъ [88]. Послѣ этого ясно, что посадникъ былъ чиновникъ княжескій, мужъ изъ его дружины, намѣстникъ его. Въ послѣднемъ значеніи посадникъ является постоянно въ двухъ первыхъ періодахъ Русской Исторіи, въ этомъ же значеніи посадникъ является и въ Новгородѣ до смерти Ярослава, и въ

первое время послѣ нея, до смерти Мстислава Великаго. Ярополкъ, узнавъ о бѣгствѣ Владиміра, отправилъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ [89]; Владиміръ, удалясь на Югъ, оставилъ въ Новгородѣ посадникомъ дядю своего Добрыню [90]. Ярославъ, получивъ престолъ Кіевскій, далъ посадничество Новгородское сыну Добрыни Константину, котораго послѣ велѣлъ заточить, а потомъ и умертвить [91]; по смерти Владиміра Ярославича, Изяславъ поручилъ столъ брата своего посаднику Остроміру [92]. Мономахъ и сынъ его Мстиславъ посылаютъ въ Новгородъ посадниковъ изъ Кіева [93]. Изъ этого мы должны заключить, что первоначально посадникъ Новгородскій былъ то же самое, что въ послѣдствіи Намѣстникъ, — бояринъ, присылаемый В. Княземъ вмѣсто себя изъ Твери или изъ Москвы. Но какое же значеніе имѣли въ Новгородѣ посадники, присылаемые изъ Кіева Мономахомъ и сыномъ его, когда въ Новгородѣ и безъ нихъ былъ уже намѣстникъ, именно сынъ Мстислава, Всеволодъ, какое значеніе имѣлъ посадникъ при князѣ, какъ чиновникъ послѣдняго, а не народный? Естественно, что онъ былъ помощникомъ князя, помогалъ ему въ судѣ, исполнялъ его приказанія, преимущественно же заступалъ мѣсто князя во время отсутствія послѣдняго; возможность существованія посадника при князѣ, въ качествѣ его чиновника, доказываетъ намъ примѣръ Полоцка [94]. Теперь остается рѣшить вопросъ: когда и какъ посадникъ изъ чиновника княжескаго сталъ народнымъ и ограничилъ власть князя? Мы сказали, что главная обязанность посадника состояла въ томъ, чтобы замѣнять князя на время его отсутствія изъ города, слѣд. посадникъ всего болѣе былъ необходимъ въ томъ городѣ, гдѣ отсутствіе князя случалось чаще; но мы знаемъ, что всего чаще смѣнялись князья въ Новгородѣ по причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь послѣ. Если князь смѣнялся народомъ въ слѣдствіе неудовольствія, то до прибытія новаго необходимъ былъ посадникъ, который бы заступалъ его мѣсто; но могъ ли оставаться посадникомъ чиновникъ изгнаннаго князя и слѣд. его приверженецъ: смѣна князя необходимо влекла за собою и смѣну его посадника; но кто же будетъ заступать княжеское мѣсто до прибытія новаго князя? Ясно, что народъ долженъ былъ самъ выбрать правителя: отсюда необходимость народнаго избранія, превратившаяся послѣ въ право. Но, какъ увидимъ въ послѣдствіи, князья смѣнялись не столько по волѣ народа, сколько въ слѣдствіе собственныхъ родовыхъ отношеній и подчиненности Новгорода В. Князю: въ этомъ случаѣ

сказанное нами выше обо всѣхъ вообще должностныхъ лицахъ относилось и къ посаднику; послѣдній долженъ былъ перемѣняться съ каждою перемѣною князя, и притомъ, если Новгородцы, не смотря на всѣ свои усилія, не могли имѣть у себя постояннаго князя, то должны были стараться уменьшить невыгоды смѣны, по крайней мѣрѣ постоянствомъ намѣстника, помощника княжескаго; а единственнымъ къ тому средствомъ было — освободить посадника отъ произвола безпрерывно мѣняющихся князей, превратить его изъ чиновника княжескаго въ чиновника народнаго, хотя и здѣсь назначеніе посадника не изъято было совершенно изъ подъ вліянія князя: князь избиралъ его вмѣстѣ съ народомъ [95]. Но чѣмъ народъ руководствовался при этомъ избраніи, и каковъ былъ срокъ отправленія должности посаднической, ибо кромѣ настоящаго посадника, или степеннаго мы видимъ еще старыхъ посадниковъ, прежде исправлявшихъ должность, изъ которыхъ часто опять возводились въ санъ степеннаго? Если посадникъ сперва былъ назначаемъ княземъ, то срокъ отправленія его должности естественно зависѣлъ отъ воли князя; въ послѣдствіи, когда посадникъ сталъ чиновникомъ народнымъ, воля народа смѣнила волю князя; кромѣ того посадникъ, вмѣстѣ съ прочими должностными лицами, подлежалъ надсмотру князя: послѣдній имѣлъ право отрѣшить и даже наказать посадника, объявивъ прежде вину его на вѣчѣ. Что же касается до опредѣленнаго срока для отправленія посадниской должности, то назначать его мы не имѣемъ никакого права, ибо въ лѣтописи постоянно встрѣчаемъ только слова: *отъяша и даша*, что указываетъ на смѣну насильственную; при этомъ также легко замѣтить, что старые посадники вступаютъ снова въ должность степеннаго въ слѣдствіе торжества своей стороны, низложеніе которой повлекло ихъ смѣну. Впрочемъ касательно избранія посадника въ лѣтописи есть слѣды ограниченія произвола народнаго, именно правомъ старшинства: такъ сказано, что въ 1211 году Твердиславъ соступился посадничества въ пользу Димитрія Якунича, ибо послѣдній былъ старше его [96]. Все вышесказанное о превращеніи посадника изъ чиновника княжескаго въ народнаго объясняется примѣромъ Тысяцкаго. Тысяцкій до 2-й половины XIV вѣка существовалъ вездѣ подлѣ князя въ качествѣ его чиновника; въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія, что такой-то князь далъ тысячу такому-то изъ своихъ приближенныхъ:

въ Новгородѣ и этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ посадникомъ, сталъ подлежать народному избранію.

Изслѣдовавъ, какимъ образомъ посадникъ изъ чиновника княжескаго превратился въ народнаго, мы должны обратиться теперь къ опредѣленію времени, когда произошло это превращеніе. Мы имѣли уже случай сказать, что не только старшій сынъ Ярослава 1-го назначилъ отъ себя посадника въ Новгородъ, но и Владиміръ Мономахъ, равно какъ и сынъ его Мстиславъ, посылалъ туда посадниковъ изъ Кіева. Ясно, что такіе чиновники не могли имѣть значенія посадниковъ позднѣйшихъ, упоминаемыхъ въ договорныхъ грамотахъ, т. е. ограничивать власть князя, ибо какъ могъ ограничивать власть князя чиновникъ, имъ избранный и отъ его произвола зависящій, какъ могъ блюсти интересы Новгорода противъ князя Кіевлянинъ, присланный отцомъ этого князя? И такъ мы должны заключить, что посадникъ въ значеніи народнаго сановника, ограничивающаго власть князя, явился гораздо позднѣе временъ Ярослава 1-го, и потому право ограничивать власть князя посадникомъ не могло быть уступлено Новгороду этимъ государемъ.

То же должно сказать и о другихъ условіяхъ, встрѣчающихся въ позднѣйшихъ договорахъ, какъ на пр.: „А и Суждальской ти земле Новагорода не рядити, — ни волостей ти раздавати.“ Или: „А на Низу, княже, Новгородца не судити,“ ибо мы знаемъ, что Мономахъ рядилъ Новгородъ, судилъ Новгородцевъ и раздавалъ волости изъ Кіева. Къ этому должно прибавить еще, что сами Новгородцы, требуя отъ В. князей клятвы въ соблюденіи вышеозначенныхъ условій, и приводя въ примѣръ прежнихъ князей, дававшихъ подобную клятву, нигдѣ однако не упоминаютъ имени Ярослава 1-го. Приведенное обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что въ другихъ случаяхъ Новгородцы именно указываютъ на грамоты Ярославовы. О содержаніи этѣхъ грамотъ мы должны заключить по обстоятельствамъ, въ которыхъ онѣ упоминаются. Въ 1228 году Новгородцы поссорились съ Княземъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ за то, что онъ поступалъ не по граматамъ Ярославовымъ, а именно присвоилъ себѣ новую пошлину, и посылалъ судей по волостямъ, что обогощало казну княжескую во вредъ жителямъ [97]. На слѣдующій годъ прибылъ къ нимъ князь Михаилъ изъ Чернигова и цѣловалъ крестъ

на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, въ слѣдствіе чего тотчасъ же сдѣлалъ финансовое распоряженіе, а именно далъ свободу смердамъ на пять лѣтъ не платить дани [98]. Въ 1230 году Ярославъ, снова призванный, уступилъ Новгородцамъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ [99]. Въ 1339 году, когда В. Князь Іоаннъ Даниловичь прислалъ требовать у Новгородцевъ ханскаго запроса, то они отвѣчали: „того у насъ не бывало отъ начала міра, а ты князь цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлинѣ и по Ярославовымъ грамотамъ" [100]. Вотъ всѣ случаи, въ которыхъ Новгородцы упоминаютъ о грамотахъ Ярославовыхъ! Видя, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о финансовыхъ льготахъ, мы имѣемъ полное право заключить, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ постановленій: и точно въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы получили подобную грамоту отъ Ярослава 1-го [101].

Мы сказали, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ распоряженій; ибо Новгородцы упоминаютъ объ нихъ только тогда, когда дѣло идетъ о нарушеніи ихъ финансовыхъ льготъ. Но въ степенной книгѣ (1300) находится извѣстіе, что Ярославъ своею грамотою далъ Новгородцамъ право выбирать себѣ князей по произволу, но только между его потомками *въ роды и роды во вѣки*. Повѣркою справедливости этого извѣстія должны служить послѣдующія отношенія Новгорода къ В. Князьямъ [102].

Ярославъ 1-й посадилъ въ Новгородѣ сына своего Илью, а по смерти его Владиміра [103]; по кончинѣ послѣдняго Новгородъ достался Изяславу, который, оставивъ въ немъ посадника Остроміра, удалился въ Кіевъ, откуда отправилъ въ Новгородъ сына своего Мстислава. Такимъ образомъ Новгородъ достался на долю князя Кіевскаго, или Великаго, точно такъ, какъ Ростовъ достался на долю князя Переяславскаго, и Тмутораканъ на долю Черниговскаго, и какъ жители Тмутораканя, вѣрные распоряженію Ярослава, просятъ себѣ князя отъ руки Святослава Черниговскаго [104], такъ Новгородцы постоянно просятъ князя отъ руки державца Кіевскаго, сообразуясь со всѣми перемѣнами, въ столицѣ Великокняжества происходящими, и никогда не упоминая о правахъ, данныхъ имъ знаменитою грамотою Степенной книги.

Изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣны и въ Новгородѣ: здѣсь является княземъ сынъ Святослава

Глѣбъ; но послѣдній, въ свою очередь, долженъ былъ оставить Новгородъ въ слѣдствіе вторичнаго торжества Изяслава, который послалъ сына своего Святополка [105]. Въ 1088 году Святополкъ добровольно покинулъ Новгородъ, и Всеволодъ Ярославичь, бывшій тогда В. Княземъ, послалъ на его мѣсто внука своего Мстислава Владиміровича. Такимъ образомъ Новгородъ скоро ощутилъ слѣдствія княжескихъ междоусобій: онъ увидѣлъ, что будетъ постоянно игрушкою переворотовъ, въ Руси происходящихъ, что его правители будутъ смѣняться безпрестанно въ слѣдствіе безпрестанно новыхъ рядовъ между князьями старшими, въ слѣдствіе перевѣса, какой возметъ та или другая княжеская линія.

Въ 1095 году В. Князь Святополкъ и двоюродный братъ его Владиміръ выводятъ изъ Новгорода Мстислава, котораго граждане любили, какъ у нихъ взросшаго, и посылаютъ на его мѣсто Давида Святославича. Новгородцы покорились рѣшенію князей, однако нерадушно приняли Давида; послѣдній, замѣтивъ нерасположеніе гражданъ, оставилъ добровольно Новгородъ, и на мѣсто его опять пріѣхалъ Мстиславъ [106]. Между тѣмъ власть великокняжеская все никла болѣе и болѣе: Святополкъ Изяславичь не умѣлъ подержать ее, и день ото дня терялъ всеобщее расположеніе; особенно не любили его Новгородцы за то, что онъ ушелъ отъ нихъ. Въ 1101 году они узнаютъ, что по учиненному между Святополкомъ и Владиміромъ ряду, Новгородъ становится родовымъ удѣломъ Святополка, что любимый Мстиславъ отнимается у нихъ во второй разъ, и на его мѣсто пришлется внукъ Изяслава. Тогда Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія тѣмъ, что судьба ихъ будетъ зависѣть отъ безпрестанныхъ сдѣлокъ между разными князьями, объявляютъ рѣшительно свое несогласіе на мѣну, представляя законную причину, а именно, что В. Князь Всеволодъ далъ имъ Мстислава, котораго они вскормили и хотятъ удержать навсегда [107]. Позднѣйшіе лѣтописцы упрекаютъ Новгородцевъ въ непостоянствѣ, въ безпрерывной смѣнѣ князей, въ безчестьи, которое они наносятъ имъ этою смѣною; но по обращеніи надлежащаго вниманія открывается, что̀ было причиною смѣны князей Новгородскихъ. Въ продолженіе 17 лѣтъ, отъ 1054 до 1101 года, въ Новгородѣ шесть разъ смѣнялись князья: двое изъ нихъ ушли сами, остальные выводились въ слѣдствіе смѣны В. Князей или ряду ихъ съ другими. При этомъ надобно обратить еще вниманіе на запутанность, происшедшую

въ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ по смерти Ярослава, неизвѣстно было, зависѣлъ ли онъ отъ Изяслава, какъ отъ В. Князя, или отданъ былъ ему въ родъ; оба отношенія смѣшались и повели къ недоразумѣніямъ. Если Святополкъ былъ родовой князь Новгорода, то онъ потерялъ на него всѣ свои права, добровольно отказавшись отъ него и позволивъ утвердиться въ немъ другой линіи; это ясно выражается въ отвѣтѣ Новгородцевъ: „ты ушелъ отъ насъ." Если же Святополкъ хотѣлъ располагать Новгородомъ въ качествѣ В. Князя, то онъ не долженъ былъ нарушать распоряженія Всеволода. Эта ссылка на распоряженіе Всеволода имѣла также смыслъ въ устахъ Новгородцевъ: надобно припомнить только, что на предшествовавшемъ съѣздѣ князей въ Любечѣ положено было — касательно всѣхъ измѣненій, послѣдовавшихъ по смерти Ярослава, держаться распоряженій Всеволода [108]. Если-бъ у Новгородцевъ была грамота, дававшая имъ право произвольнаго выбора между князьями, то имъ было бы всего приличнѣе основать свой отказъ въ принятіи Святополкова сына на этой грамотѣ; нѣтъ, они основываютъ его на естественномъ правѣ искать себѣ другаго князя, когда одинъ добровольно отказался управлять ими, и потомъ на волѣ В. К. Всеволода, давшаго имъ Мстислава. Такимъ образомъ вмѣсто непостоянства Новгородцевъ въ началѣ такъ называемаго удѣльнаго періода, мы видимъ со стороны ихъ совершенно противоположные поступки, а именно усиленное стараніе достать себѣ такого князя, который бы постоянно оставался въ ихъ городѣ. Но всѣ ихъ усилія были тщетны: Князья шли въ Новгородъ, когда не было другаго удѣла лучшаго; при первомъ случаѣ они уходили изъ него, стремясь на Югъ, къ Руси, поближе къ Кіеву, главной цѣли ихъ желаній. Съ другой стороны Русская земля раздирается отъ усобицъ; различныя линіи княжескія хотятъ исключить одна другую изъ владѣнія Кіевомъ; этотъ городъ безпрестанно мѣняетъ властителей; Мономаховичи старшіе, Олеговичи, младшіе Мономаховичи, изгоняютъ другъ друга; каждый изъ нихъ, ставъ В. Княземъ, державцемъ Кіевскимъ, требуетъ отъ Новгородцевъ повиновенія, хочетъ назначить имъ князя отъ себя, и велитъ изгнать присланнаго предшественникомъ; Новгородцы повинуются этимъ требованіямъ, изгоняютъ прежнихъ князей, принимаютъ новыхъ; о грамотѣ Ярославовой, давшей имъ право избирать князей, какихъ хотятъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминовенія. Но ясно, что такія безпрестанныя смѣны не могли остаться

безъ вліянія на внутренній бытъ Новгорода. На Югѣ они произвели ослабленіе власти княжеской, заставили спорящихся князей покупать приверженность гражданъ уступками, договариваться съ ними; тѣ же самыя явленія должны были повториться и въ Новгородѣ; часто являлось нѣсколько притязателей на великокняжеское достоинство: которому изъ нихъ должны были повиноваться Новгородцы, отъ котораго требовать себѣ князя? На ихъ сторонѣ было право выбора, слѣд. на ихъ сторонѣ было право предложенія условій, тѣмъ болѣе необходимыхъ, что каждый князь могъ приносить свой обычай, нарушать старину Новгородскую. Далѣе, безпрестанныя междукняжья должны были условить постоянное присутствіе помощника княжескаго, и дать этому чиновнику высокое значеніе. Наконецъ смятеніе въ землѣ Русской, безпрестанныя междоусобія князей и смѣны ихъ, должны были необходимо отразиться и въ Новгородѣ. Одинъ В. Князь смѣняетъ другаго; эта смѣна необходимо влечетъ за собою и смѣну князя въ Новгородѣ; но прежній князь успѣлъ составить себѣ сторону между гражданами, пріобрѣсть многочисленныхъ приверженцевъ; сторона прежняго князя хочетъ удержать его, другая ему неблагопріятная желаетъ его изгнанія, основываясь на требованіи В. Князя: что рѣшитъ тутъ дѣло? одна сила, одно вѣчевое междоусобіе; сторона прежняго князя побѣждена, однако не хочетъ отказаться отъ своихъ прежнихъ желаній, усиливается въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Вдругъ происходитъ новая перемѣна В. Князя, она пользуется теперь случаемъ подкрѣпить свое требованіе, противная сторона не хочетъ уступить — и новое вѣче, новое кровопролитіе необходимо. Часто недовольнымъ не нужно было дожидаться смѣны В. Князя, ибо князь Смоленскій, Волынскій, Черниговскій, могли имѣть равныя права на Великое Княженіе, и недовольные могли выбирать между ними; особенно это начало имѣть мѣсто тогда, когда въ Россіи появилось двое В. Князей: Кіевскій и Владимірскій. Отсюда уясняется причина столь частыхъ вѣчей, привычка къ нимъ, привычка рѣшать дѣла силою; отдаленіе и слабость В. Князя препятствовали ему имѣть непосредственное вліяніе на дѣла Новгородскія; приговоръ вѣча не встрѣчалъ ни откуда сопротивленія. Частыя междукняжья необходимо должны были пріучить Новгородъ къ вѣчевому народовластію, ибо особа посадника, народомъ избраннаго, въ слѣдствіе перевѣса одной какой нибудь стороны, могла ли внушать уваженіе всеобщее, могла ли быть неприкосновенною при перевѣсѣ пар-

тіи противной? Иногда князья, помирившись, сдѣлавши рядъ, не хотѣли снова ссориться за отдаленныхъ Новгородцевъ, и оставляли на ихъ волю выбрать себѣ правителя изъ того или другаго рода; иногда В. Князь, постоянно верховный судья въ глазахъ Новгородцевъ, озабоченный дѣлами ближайшими, не могъ самъ отправиться сотворить нарядъ, и потомъ, желая еще оказать Новгородцамъ благоволеніе за какія нибудь услуги, позволялъ имъ самимъ управлять своими дѣлами, уполномочивалъ вѣче казнить нелюбимыхъ чиновниковъ и награждать достойныхъ. Всѣ эти обстоятельства, особенно возможность выбора изъ многихъ князей, при частой смѣнѣ и борьбѣ Великихъ, обратившаяся послѣ въ право, и возможность предлагать условія князьямъ избраннымъ, превратившаяся также послѣ въ право, наконецъ отдаленность и небреженіе Князей Великихъ, соизволявшихъ самоуправству вѣча, всё это дало Новгороду, особенно въ сравненіи съ младшими городами, безпрекословно волѣ князя подчиненными, видъ города вольнаго, и жителямъ его право на названіе людей вольныхъ. Обратимся къ событіямъ, долженствующимъ подтвердить всё сказанное.

Не долго Новгородцы жили съ своимъ любимымъ Мстиславомъ. Въ 1116 году, В. К. Владиміръ Мономахъ, желая упрочить Кіевъ за своимъ родомъ, вызвалъ его поближе къ себѣ и далъ Бѣлгородъ; въ Новгородѣ былъ оставленъ сынъ Мстислава Всеволодъ [109]. Юность князя и смерть двухъ посадниковъ, почти въ одинъ годъ послѣдовавшая [110], подала поводъ ко внутреннимъ смятеніямъ; нѣкоторые бояре и сотскій Ставръ позволили себѣ грабежъ. Тогда В. К. Владиміръ вмѣстѣ съ сыномъ Мстиславомъ вызвали всѣхъ бояръ изъ Новгорода въ Кіевъ, и взяли съ нихъ присягу повиноваться молодому Всеволоду и не замышлять безпокойствъ. Невинные въ упомянутомъ преступленіи были отпущены, виновные оставлены и заточены [111]. Кѣмъ былъ избранъ въ то время посадникъ Константинъ Моисѣевичь, неизвѣстно: вѣроятно В. Княземъ, если обратимъ вниманіе на обстоятельства. На слѣдующій годъ онъ умеръ, и на его мѣсто В. Князь прислалъ изъ Кіева Бориса [112]. Въ 1125 году умеръ Мономахъ; сынъ его Мстиславъ сѣлъ въ Кіевѣ, однако не перевелъ старшаго сына своего къ себѣ на Югъ, но утвердилъ вторично въ Новгородѣ [113]. На слѣдующій годъ Всеволодъ отправился къ отцу въ Кіевъ; въ отсутствіе его умеръ старый посадникъ, и гра-

ждане, оставшись безъ князя и его намѣстника, принуждены были сами избрать послѣдняго [114]. Однако, кажется, В. Князь и сынъ его были недовольны этимъ народнымъ избраніемъ: черезъ годъ, при жизни стараго посадника, назначенъ былъ ему преемникомъ Давидъ Дмитріевичь, шуринъ В. Князя [115]. Новоизбранный посадникъ умеръ въ томъ же году: тогда В. Князь послалъ на его мѣсто изъ Кіева Даніила [116]. Но въ слѣдующій годъ лѣтопись упоминаетъ о избраніи уже другаго посадника Петрила, вѣроятно также въ отсутствіи Всеволода, ходившаго къ отцу [117]. Такъ еще при жизни Мстистава началось колебаніе въ избраніи посадника между княземъ и народомъ. Смерть Мстислава и послѣдовавшія за нею событія, ослабивъ, уничиживъ власть великокняжескую и раздравъ Русь, имѣли сильное вліяніе на бытъ Новгорода, были главною причиною измѣненій, въ немъ происшедшихъ, главною причиною усиленія народовластія на счетъ власти княжеской.

Старшій по Мстиславѣ изъ Мономаховичей, Ярополкъ, сталъ В. Княземъ, и по уговору съ покойнымъ братомъ, послалъ въ Новгородъ за Всеволодомъ, съ тѣмъ, чтобъ посадить его на столъ Переяславскій. Боясь болѣе всего перемѣны Князя, Новгородцы еще прежде взяли со Всеволода клятву не разлучаться съ ними до смерти; но вдругъ послѣдовалъ вызовъ отъ Ярополка, и Всеволодъ, прельщенный Переяславлемъ, равно какъ надеждою получить Кіевъ по смерти дяди, позабылъ клятву и покинулъ Новгородъ, не оставивъ преемника [118]. Между тѣмъ дядя Всеволода Георгій, въ приближеніи племянника къ Кіеву видѣлъ явный признакъ своего исключенія изъ старѣйшинства, и переходъ его въ родъ Мстислава [119], и потому вооружился для защиты правъ своихъ. Утромъ въѣхалъ Всеволодъ въ Переяславль, и до обѣда еще былъ выгнанъ Юріемъ [120]. Изгнанникъ принужденъ былъ отправиться назадъ къ Новгороду, который между тѣмъ, будучи оставленъ самому себѣ, предоставлялъ зрѣлище страшнаго волненія народнаго, усиленнаго приходомъ Псковитянъ и Ладожанъ, вѣроятно требовавшихъ смѣны посадниковъ Всеволодовыхъ. Въ это время является Всеволодъ; раздраженный народъ сперва не хочетъ и слышать о князѣ, презрѣвшемъ клятву свою, потомъ, вѣроятно убѣжденный приверженцами сына Мстиславова, согласился опять принять его [121]. Однако это принятіе имѣло уже другой характеръ, нежели первое вступленіе Всеволода на столъ Новгородскій; теперь Новгородцы были люди вольные [122], ибо

освобождены были удаленіемъ Всеволода, и потому могли принять его на всей волѣ своей, съ условіями и рядомъ; изгнанникъ долженъ былъ на всё согласиться. Вѣроятно въ это время было положено начало тѣмъ условіямъ, развитіе которыхъ видимъ въ послѣдующихъ рядахъ Новгородцевъ съ князьями; вѣроятно въ это-то время посадникъ перемѣнилъ свой характеръ чиновника княжескаго на характеръ чиновника народнаго, отъ вѣча избираемаго; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ говоритъ, что тогда было выбрано два посадника, одинъ для Новгорода, другой для Пскова [123]. Что-же дѣлалъ Великій Князь? Ярополку было не до Новгорода: дѣла въ Руси запутывались всё болѣе и болѣе. Не желая нарушить клятвы, данной покойному брату, Ярополъ вывелъ Георгія изъ Переяславля, и отдалъ этотъ городъ другому сыну Мстислава, Изяславу. Но скоро онъ началъ забывать данное слово и склоняться къ убѣжденіямъ братьевъ, желавшихъ отстранить племянниковъ отъ Кіева, или даже совершенно исключить ихъ изъ удѣловъ въ землѣ Русской. Съ этою цѣлію В. Князь убѣдилъ Изяслава отдать Переяславль дядѣ Вячеславу, и въ замѣнъ взять Туровъ и Пинскъ, въ прибавокъ къ прежней своей Минской области. Изяславъ согласился, но скоро Вячеславъ отнялъ обратно у племянника старый свой удѣлъ, а между тѣмъ Ярополкъ отдалъ Переяславль Долгорукому. Мстиславичи, увидавъ замыслъ дядей, рѣшились оружіемъ достать себѣ удѣлы. Въ такомъ намѣреніи они просили помощи у Ольговичей: тѣ обрадовались случаю вмѣшаться въ распри Мономахова потомства, надѣясь возвратить себѣ утраченное старшинство и Кіевъ; земля Русская раздралась, говоритъ Новгородскій лѣтописецъ [124]: онъ имѣлъ причину употребить столь сильное выраженіе, ибо вмѣстѣ съ Русскою землею раздрался и Новгородъ.

Несчастный Всеволодъ, послѣ бѣгства изъ Переяславля, терялъ всё болѣе и болѣе въ уваженіи и привязанности Новгородцевъ. В. Князь, не имѣя ни охоты, ни возможности вмѣшиваться во внутреннія дѣла ихъ, не думалъ однако отказаться отъ дани Печерской, ему слѣдующей. Всеволодъ, при своемъ слабомъ вліяніи на гражданъ не могъ получить съ нихъ этой дани для отсылки къ дядѣ, и Ярополкъ принужденъ былъ послать за нею Изяслава, когда тотъ держалъ еще удѣлъ Туровскій и охотно исполнялъ повелѣнія В. Князя; Изяславъ получилъ дань [125]. На слѣдующій годъ онъ опять явился въ Новгородъ, но уже не за

Печерскою данью, а съ просьбою о помощи противъ дядей, лишившихъ его удѣла. Всеволодъ созвалъ гражданъ на вѣче, и предложилъ имъ идти въ Ростовскую землю, достать удѣлъ Изяславу. Вѣче было самое шумное: граждане, чтившіе память отца Изяславова и Всеволодова, требовали похода для защиты ихъ отъ дядей хищниковъ; другіе упорствовали [126]. Однако большинство было на сторонѣ гражданъ, преданныхъ Мстиславичамъ; они воспользовались этимъ большинствомъ, побили противниковъ и походъ былъ назначенъ [127]. Оба Мстиславича отправились, взявъ съ собою и посадника Петрила; но едва достигли они до рѣки Дубны, какъ несогласія городскаго вѣча повторились въ полкахъ: противники похода опять возвысили голосъ. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на причину, почему эта война казалась имъ беззаконною, ибо ту же самую причину привели послѣ на вѣчѣ и граждане Кіевскіе, отказываясь слѣдовать въ походъ за тѣмъ же самымъ Изяславомъ Мстиславичемъ: какъ Новгородцы такъ и Кіевляне не хотятъ поднимать рукъ на дѣтей Мономаховыхъ и негодуютъ на Мстиславичей, соединявшихся со врагами ихъ рода [128]. Вѣче на Дубнѣ имѣло совершенно другой конецъ, чѣмъ Новгородское: противники похода пересилили, заставили князя возвратиться, и тутъ же, отнявъ посадничество у Петрила, желавшаго войны, отдали его Ивану Павловичу [129]. Приходъ войска, возвратившагося ни съ чѣмъ, подалъ поводъ къ новымъ волненіямъ: сторона, преданная Мстиславичамъ, снова пересилила, и снова Всеволодъ пошелъ съ полками воевать землю Ростовскую. На Ждановой горѣ Новгородцы показали необыкновенное мужество, но побѣда осталась не за ними: въ другой разъ возвратились они безъ успѣха. Между тѣмъ, какъ Новгородъ волновался въ слѣдствіе усобицъ князей, послѣдніе не думали прекращать которъ своихъ. Ольговичи, пользуясь враждою въ семьѣ Мономаховой, вздумали дать силу потеряннымъ правамъ своимъ на старшинство. Новгородцы еще не предугадывали, что распри князей, давъ имъ возможность выбора между многими, послужатъ основаніемъ всѣхъ будущихъ вольностей ихъ. Боясь болѣе всего междоусобій, при чемъ князь ихъ не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ, и необходимо вовлекалъ ихъ въ безполезныя войны, Новгородцы послали посадника своего Мірослава мирить Мономаховичей съ Ольговичами [130]. Какъ же поступили князья въ этомъ случаѣ? Они не приняли посредничества Новгородцевъ, и каждый началъ переманивать ихъ на свою сторону [131], т. е.

давать имъ право выбора. Вотъ начало права Новгородскаго касательно выбора Князей: оно досталось имъ въ слѣдствіе распри между Ярополкомъ Владиміровичемъ и Всеволодомъ Ольговичемъ, а не дано Ярославомъ I-мъ; Новгородцы не замедлятъ воспользоваться этимъ правомъ, но кого же выберутъ они? Судьба битвы, судъ Божій, по тогдашнимъ понятіямъ, будетъ руководствовать ихъ выборомъ. Побѣда осталась на сторонѣ Ольговичей; Ярополкъ былъ принужденъ уступить ихъ требованіямъ [132]. Это обстоятельство поставило Новгородцевъ въ затруднительное положеніе: Князь ихъ Всеволодъ, бывшій сперва на сторонѣ Ольговичей, потомъ, примирившись съ дядею, началъ возбуждать ихъ противъ Всеволода Черниговскаго, и такимъ образомъ вовлекалъ ихъ во вражду съ побѣдителемъ. При такомъ положеніи дѣлъ Новгородцы рѣшились пріобрѣсть расположеніе побѣдителя принятіемъ себѣ Князя отъ его руки. Въ 1136 году они изгнали Всеволода; по ихъ объявленію онъ нарушилъ всѣ обязанности Князя: 1) отказывалъ въ защитѣ своей простому народу; 2) нарушилъ клятву оставаться до смерти своей въ Новгородѣ, уѣхалъ въ Переяславль, покинулъ городъ въ жертву безначалію; 3) какъ верховный вождь, посрамилъ себя постыднымъ бѣгствомъ въ битвѣ при Ждановой горѣ; 4) вовлекаетъ гражданъ безпрестанно въ войны междоусобныя: сперва вступилъ въ союзъ съ Ольговичами противъ своего рода, теперь идетъ противъ нихъ [133]. Но изгнаніе сына Мстиславова не могло обойтись безъ важныхъ послѣдствій: кровопролитныя усобицы Мономаховичей и Ольговичей перенеслись въ Новгородъ со всѣми ихъ ужасами. Множество гражданъ благопріятствовало Всеволоду и не хотѣло перемѣны. Въ годъ прибытія Святослава Ольговича лѣтописецъ извѣщаетъ уже о мятежѣ и убійствахъ; не смотря на неудачу своего намѣренія умертвить Ольговича [134], приверженцы Всеволода вызвали его опять изъ Вышегорода, гдѣ пріютилъ его незлопамятный Ярополкъ; самъ посадникъ Константинъ побѣжалъ на встрѣчу къ старому князю. Страшный мятежъ возгорѣлся въ Новгородѣ, какъ скоро узнали о прибытіи Всеволода: противная ему сторону пересилила и заставила бѣжать его друзей, которыхъ имущество было разграблено; но во Псковѣ перемогла сторона Всеволодова, и область Новгородская раздѣлилась, какъ Русь: Новгородъ остался за Ольговичами, Псковъ за Мономаховичами [135]. Всеволодъ умеръ въ томъ же году (1136): Псковитяне взяли на его мѣсто брата его Святополка [136]. Между тѣмъ Новгородцы увидѣли, что обманулись въ своемъ расчетѣ, взявши Ольговича,

какъ сильнѣйшаго. На Югѣ опять приготовлялась война между враждебными родами, и можно было предвидѣть, что успѣхъ не останется на сторонѣ Ольговичей; а на Сѣверѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ владѣніями Мономаховичей, Новгородъ видѣлъ прекращеніе своей торговли, и нуждался въ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ [137].

Но и здѣсь враждебное раздѣленіе, послѣдовавшее въ княжескомъ семействѣ, помогло Новгороду выдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Мы видѣли, что причиною торжества Ольговичей было раздвоеніе въ самой семьѣ Мономаха: племянники хотѣли исключить младшихъ дядей изъ старшинства, но едва сами не подпали было исключенію. Такимъ образомъ въ семьѣ Мономаховой произошелъ раздѣлъ между сыновьями старшаго сына его Мстислава и дядьми ихъ; Мстиславичамъ легко было управиться съ слабыми и добродушными Ярополкомъ и Вячеславомъ, но трудно было отстранить отъ притязаній на старшинство и Кіевъ третьяго дядю Юрія Ростовскаго. Слѣд. главная борьба должна была происходить между дѣтьми Мстислава и Юріевъ съ передачею въ потомство ихъ. Пользуясь этою страшною борьбою между двумя линіями Мономаховичей, Ольговичи часто успѣвають дать силу своимъ утраченнымъ правамъ, часто получають старшинство съ Кіевомъ. Это тройное раздѣленіе потомства Ярославова чрезвычайно важно въ отношеніи исторіи Новгорода, ибо съ одной стороны частая смѣна В. Князей изъ трехъ враждебныхъ линій заставляла Новгородцевъ, постоянно признававшихъ зависимость свою отъ старѣйшаго въ родѣ Ярослава, сообразоваться съ этою смѣною и перемѣнять своихъ князей, что усиливало внутреннія волненія, производимыя приверженцами смѣняемыхъ князей и врагами ихъ; съ другой стороны давала Новгороду возможность выбора изъ трехъ линій, что необходимо усиливало произволъ народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало его требованія, давало ему значеніе народа вольнаго. Такъ Новгородъ, сообразуясь съ перемѣною, послѣдовавшею на Югѣ въ пользу Ольговичей, смѣняетъ Мономаховича; будучи приведенъ этою смѣною въ затруднительное положеніе, онъ находитъ средство изъ него выйти безъ всякой потери пріобрѣтеннаго значенія, не имѣетъ нужды признать себя мятежнымъ въ отношеніи къ Ярополку, подчиниться ему на всей волѣ его, онъ можетъ примириться съ Мономаховичами и минуя Князя Кіевскаго, а именно можетъ отдаться въ покровительство

сильнѣйшаго изъ нихъ, т. е. Юрія Суздальскаго: этотъ князь защититъ его отъ Ольговичей, какъ ближайшій сосѣдъ, и примиритъ съ Мономаховичами, избавивъ отъ уничиженія принять Святополка, т. е. признать торжество своего пригорода —Пскова; наконецъ призваніе Юрьевича примиряло въ Новгородѣ всѣ стороны: для приверженцевъ фамиліи Мономаха онъ былъ внукъ его, для враговъ Всеволода онъ не былъ Мстиславичемъ. Расчетъ казался вѣренъ: Ростиславъ Юрьевичь призванъ на столъ Новгородскій [138].

Но въ слѣдующемъ году (1139) умеръ Ярополкъ, и Всеволодъ Ольговичь Черниговскій, изгнавъ Вячеслава Владиміровича, утвердился на старѣйшемъ столѣ Русскомъ. Новгородцы опять стали между двухъ огней, опять война была необходима, опять вовлекались они въ междоусобіе, опять должны были поднять оружіе противъ В. Князя. Юрій, собравшись на Всеволода, потребовалъ войска у Новгородцевъ: граждане рѣшительно отказались поднять руки на В. Князя, какъ прежде отказывались идти противъ Юрія. Отказъ на требованіе отца послужилъ знакомъ къ отъѣзду сына: Ростиславъ уѣхалъ въ Смоленскъ, Новгородъ остался безъ Князя. Въ такой крайности Новгородцы обратились ко Всеволоду, и принуждены были принять снова Святослава Ольговича, прежде изгнаннаго, т. е. должны были воспламенить въ нѣдрахъ своего города всѣ потухшія бывшія вражды, а между тѣмъ озлобленный Юрій взялъ у нихъ Торжекъ. Новый Князь не забылъ враговъ своихъ, болѣе другихъ бывшихъ причиною его изгнанія: шесть самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ были отосланы въ Кіевъ въ оковахъ [139]. Волненіе усилилось; самъ Святославъ наконецъ соскучился жить среди безпрестанныхъ мятежей; онъ послалъ къ брату жаловаться на Новгородцевъ и просить другаго удѣла [140]. Всеволодъ прислалъ въ Новгородъ взять брата и объявить гражданамъ, что даетъ имъ сына своего. Новгородцы согласились, отправили епископа и лучшихъ гражданъ за сыномъ В. Князя, а между тѣмъ боясь болѣе всего междукняжья, просили Святослава подождать прихода племянникова. Онъ обѣщалъ и потомъ, боясь задержки, тайно ночью убѣжалъ изъ города вмѣстѣ съ посадникомъ Якуномъ, своимъ приверженцемъ. Этотъ поступокъ въ высочайшей степени раздражилъ Новгородцевъ: они догнали бѣглецовъ, взяли Якуна, едва не умертвили его, взыскали большую пеню, и сослали въ Чудь съ братомъ, откуда вывелъ его къ себѣ Юрій Ростовскій, и держалъ съ честію, чтя вѣрность къ Князю

хотя и врагу своему [141]. Раздраженный Всеволодъ задержалъ Епископа и пословъ Новгородскихъ. Тогда послѣдніе, желая избавить себя отъ неволи, а гражданъ своихъ отъ безкняжья, предложили Всеволоду послать въ Новгородъ шурина своего Святополка Мстиславича [142]. Мы уже прежде видѣли, какъ Новгородцы, желая избѣжать враждебныхъ столкновеній, старались выбрать себѣ Князя, который болѣе другихъ могъ бы быть нейтральнымъ; такъ и въ этомъ случаѣ они хотятъ согласить выгоды враждебныхъ линій княжескихъ, остаться вѣрными роду Мономахову, а между тѣмъ не перемѣнить отношеній своихъ къ В. Князю: для этого они требуютъ отъ Всеволода къ себѣ въ князья Мономаховича, но его шурина. Всеволодъ, не желая, какъ говоритъ лѣтописецъ, чтобъ Новгородъ перешелъ въ родъ Мономаховъ, не соглашается на просьбу пословъ, продолжаетъ держать ихъ въ Кіевѣ и даетъ Святополку Берестій, съ условіемъ не думать о Новгородѣ [143]; „пусть посидятъ ихъ одни, говоритъ онъ, пусть сами найдутъ себѣ Князя, гдѣ хотятъ [144]". Тогда Новгородцы, не имѣя возможности сидѣть безъ князя, принуждены были снова обратиться къ Юрію и снова принять въ себѣ Ростислава, а между тѣмъ Всеволодъ, узнавъ о призваніи Юрьевича, согласился отправить къ нимъ желаннаго Святополка. Что было тогда дѣлать Новгородцамъ? Изъ двухъ золъ они рѣшились выбрать меньшее, т. е. предпочли вражду Юрія враждѣ В. Князя и Мстиславичей: Ростиславъ принужденъ былъ уѣхать, Святополкъ былъ принятъ [145].

Пріѣздъ желаннаго князя успокоилъ волненія внутреннія: лѣтопись не упоминаетъ болѣе о вѣчахъ; но которы княжескія не давали покоя Новгороду. По смерти Всеволода Ольговича, Кіевляне свергнули брата его Игоря и передались Изяславу Мстиславичу. Новгородцы не могли желать ничего лучше; ибо теперь отношенія ихъ къ В. Князю совершенно совпадали съ отношеніями ихъ къ роду Мономахову, съ ихъ привязанностію къ потомству старшаго его сына, теперь возобновлялось для нихъ счастливое время Владиміра и Мстислава; но, къ несчастію, обстоятельства уже были не тѣ. Изяславъ занялъ Кіевъ мимо дядей; Юрій Ростовскій не могъ смотрѣть равнодушно на такое нарушеніе правъ своихъ, и цыдалъ неукротимою ненавистію къ племяннику [146], а этотъ Юрій былъ ближайшій сосѣдъ Новгороду, могъ, по волѣ, заморить его голодомъ, прекратить торговлю. Ни

походъ Святополка со всею областью Новгородскою [147] на владѣнія Юрія, ни мирныя предложенія, подкрѣпляемыя увѣщаніями Епископа Нифонта, мужа святаго, повсюду славнаго своею ревностію къ правдѣ, ничто не могло укротить Долгорукаго [148]: онъ требовалъ непремѣнно, чтобы Новгородцы измѣнили В. Князю и снова приняли Ростислава, и не хотѣлъ слушать пословъ Новгородскихъ, представлявшихъ ему, что Новгородъ не можетъ измѣнить В. Князю и вмѣстѣ сыну Мстислава, роду котораго они прежде клялись въ вѣрности, но пусть Юрій станетъ В. Княземъ, и тогда Новгородцы будутъ повиноваться ему [149]. Своевольная пересылка съ заклятымъ врагомъ, обѣщаніе повиноваться ему въ случаѣ удачи его замысловъ, все это раздражило Изяслава: онъ послалъ выговоръ Новгородцамъ за ихъ непостоянство, и думая, что сынъ будетъ вѣрнѣе брата, послалъ къ нимъ Ярослава Изяславича и вывелъ Святополка во Владиміръ [150], а между тѣмъ собравши сильную рать, двинулся на сѣверъ, дабы защитить свой Новгородъ [151] отъ Юрія. Новгородцы, услышавъ о приближеніи В. Князя, изъявили необыкновенную радость, и выразили всю свою привязанность къ роду Мстиславову: многіе вышли къ нему на встрѣчу за три дня пути, другіе за день пути. Вступивъ съ такимъ торжествомъ въ городъ, Изяславъ отблагодарилъ гражданъ великолѣпнымъ пиромъ для всего народа и, созвавъ вѣче, объявилъ, что пришелъ нарочно изъ Руси защитить ихъ отъ злобы Юрія, но что отдаетъ на ихъ волю — воевать или мириться. Отвѣтомъ были трогательныя восклицанія: „ты нашъ Князь! ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ! ради съ тобою мстить свои обиды, пойдемъ всѣ отъ мала до велика, пусть остаются одни только духовные молить за насъ Бога!“ [152]. Изяславъ выступилъ въ походъ и причинилъ страшное опустошеніе области Юрьевой; только оттепель заставила его возвратиться назадъ. Исполнивъ свою обязанность въ отношеніи къ Новгороду, Изяславъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ ожидала его превратность счастія. Юрій оставался спокойнымъ, по крайней мѣрѣ не дѣйствовалъ рѣшительно противъ племянника, пока В. Князь ласкалъ сына его Ростислава, пріютивъ его въ Руси и давъ пять городовъ во владѣніе. Но узнавъ, что Ростиславъ лишился своего удѣла по несправедливости Изяслава, повѣрившаго клеветникамъ, Юрій съ горестію воскликнулъ: „не ужели и дѣтямъ моимъ не будетъ части въ Руси!“ и пошелъ на Кіевъ. Началось страшное междоусобіе, ка-

кого никогда еще не бывало на Руси: Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Что же дѣлали тогда Новгородцы? Не должны ли они были, слѣдуя за переходомъ Кіева, мѣнять своихъ князей, намѣстниковъ Великаго, не говорили ли они Юрію, что будутъ повиноваться ему, какъ скоро онъ добудетъ Кіевъ? Не должны ли были усобицы Русскія отразиться и въ Новгородѣ? Они отразились: лѣтописецъ говоритъ, что нарядъ былъ нарушенъ.

Для его возстановленія Новгородцы прибѣгнули къ своему постоянному правилу выбирать князя, который былъ бы угоденъ всѣмъ враждующимъ сторонамъ: для этого они смѣняютъ Ярослава Изяславича и берутъ дядю его Ростислава изъ Смоленска, ибо Ростиславъ былъ любимъ Юріемъ [154]. Этимъ удачнымъ выборомъ они сохранили вѣрность ко Мстиславичамъ и примирялись съ Юріемъ, который оказалъ имъ большое расположеніе, отпустивъ Епископа ихъ Нифонта, заключеннаго Изяславомъ за несогласіе на выборъ Митрополита Климента. Однако Новгородцы хитрили напрасно; смерть Изяслава опять перемѣнила порядокъ дѣлъ: Ростиславъ, вызванный дядею Вячеславомъ, покинулъ Новгородъ, для Кіева, оставивъ въ немъ сына Давида; волненія усилились. Мы видѣли, какъ раздражало Новгородцевъ удаленіе князей; теперь Ростиславъ разрушилъ всѣ ихъ планы и надежды: Ростиславу не удержать Кіева вопреки правамъ Долгорукаго, расположеніе послѣдняго къ нему теперь должно перемѣниться во вражду, тогда что станется со владѣніями сѣверными, съ богатыми данями, которыя безпрестанно будетъ останавливать князь Ростовскій. Новгородцы призвали Рюрика изъ-за моря для возстановленія внутренняго спокойствія: Ростиславъ только увеличилъ мятежъ. Граждане, озлобленные на отца, указали путь сыну, и послали къ Юрію просить князя; онъ отправилъ къ нимъ сына Мстислава [155]. Но усобицы не прекратились на Руси: не могли прекратиться и волненія Новгородскія. Вячеславъ умеръ; Изяславъ Давыдовичь изгналъ Ростислава изъ Кіева, но самъ, въ свою очередь, былъ изгнанъ Юріемъ Ростовскимъ. Тишина была возстановлена, но не на долго. Ростовскаго Князя не терпѣли на Югѣ; Мстиславичи и Давыдовичь соединились для его изгнанія. Смерть Юрія предотвратила кровопролитіе въ Руси, но была поводомъ къ страшному мятежу въ Новгородѣ. Здѣсь нѣкоторые граждане, вѣрные своей зависимости только отъ В. Князя и приверженные къ роду Мстислава, вызываютъ Ростислава Мстисла-

вича; но Юрьевичь успѣлъ пріобрѣсть себѣ приверженцевъ: торговая сторона стала за него, и усобица между Мстиславичами и Юрьевичами повторилась въ Новгородѣ. Однако дѣло не дошло до кровопролитія; прибытіе сыновей Ростиславовыхъ, а потомъ и самаго Ростислава, усилило приверженцевъ ихъ и заставило Мстислава уступить. Ростиславъ вознаградилъ Новгородцевъ за прежній свой поступокъ: онъ примирилъ стороны, учинилъ нарядъ, и оставивъ сына Святослава въ Новгородѣ, а Давида въ Торжкѣ, отправился назадъ въ Смоленскъ [156].

Скоро Ростиславъ былъ позванъ племянникомъ на столъ Кіевскій. Казалось это обстоятельство упрочитъ тишину въ Новгородѣ, но вышло противное. Ближайшимъ сосѣдомъ вольныхъ людей былъ сынъ Долгорукаго, который, сидя въ своемъ Владимірѣ, ненавидѣлъ старые города и замышлялъ быть *самовластцемъ* на Сѣверѣ [157]. Желая получить старшинство надъ всѣми князьями и зная, что Новгородъ есть неотъемлемая собственность В. Князя, Андрей послалъ сказать его гражданамъ: „да будетъ вамъ вѣдомо: хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ [158]." Услышавъ грозное слово, Новгородцы не знали, что дѣлать: послѣдовали смятенія и частыя вѣча [159]. Не желая оскорбить В. Князя Кіевскаго, сына любезной памяти Мстислава, они начали дѣйствовать полумѣрами, надѣясь, что Святославъ догадается и самъ выѣдетъ отъ нихъ. Для этого они просили его, чтобъ вывелъ брата Давида изъ Торжка, ибо содержаніе двухъ князей тяжко для ихъ области [160]. Святославъ исполнилъ просьбу, однако не казался оскорбленнымъ и не думалъ оставить города. Тогда граждане принуждены были приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ: они выслали его въ Ладогу, и отправили пословъ къ Андрею за княземъ. Князь Владимірскій далъ имъ племянника Мстислава Ростиславича. Но это не положило конца Новгородскимъ бѣдамъ: Андрей не любилъ племянниковъ; притомъ же скоро заключенъ былъ рядъ между нимъ и Ростиславомъ [161], на основаніи котораго Новгородъ переходилъ къ Ростиславу. В. Князь Кіевскій отправилъ снова въ Новгородъ сына Святослава: что могли Новгородцы противъ согласной воли двухъ князей, двухъ сильнѣйшихъ властителей въ Россіи? Святославъ, пользуясь своимъ положеніемъ и помня оскорбленіе, причиненное ему Новгородцами, потребовалъ отъ нихъ покорности безусловной [162], и они принуждены были принять его *на всей волѣ его*. Послѣднее выраженіе въ первый разъ упомянуто здѣсь лѣтописцемъ. Если Свято-

славъ былъ принятъ на всей волѣ его, то мы должны прямо заключить, что предшественники его были принимаемы на всей волѣ Новгородской, т. е. что прежде Святослава начали заключаться между Новгородомъ и Князьями условія, изложеніе которыхъ находимъ въ послѣдующихъ грамотахъ. Иначе и быть не могло въ смутное время, послѣдовавшее за смертію Мстислава Владиміровича. Такимъ образомъ, принявъ вторично Святослава Ростиславича, Новгородцы вошли къ нему и отцу его въ тоже отношеніе, въ какомъ находились ко Мстиславу и отцу его Мономаху, ко Всеволоду, и отцу его Мстиславу. Вторичное принятіе Всеволода Мстиславича, послѣ бѣгства его изъ Переяславля, съ достовѣрностію можно считать временемъ, въ которое возникли первыя условія, первый рядъ Новгородцевъ съ княземъ; вторичное принятіе Святослава, когда онъ данъ былъ Новгородцамъ противъ воли ихъ силою двухъ соединенныхъ князей, нарушало установившійся было порядокъ вещей и снова подчинялo Новгородцевъ неограниченной власти князя. Это лишеніе пріобрѣтенныхъ вольностей произвело сильную ненависть Новгородцевъ къ Святославу, которая видна будетъ изъ послѣдующихъ событій. Первымъ дѣломъ неограниченной власти Святослава была смѣна посадника [163]. Нежата былъ врагомъ Святослава: онъ былъ избранъ послѣ его изгнанія. Новгородцы не стерпѣли новаго порядка дѣлъ: Святославъ встрѣчалъ безпрестанныя препоны своей волѣ. Услыхавъ объ этомъ, В. К. Ростиславъ отправился самъ изъ Кіева въ Новгородъ, дабы вторично учинить тамъ нарядъ [164]; заболѣвъ тяжко въ Великихъ Лукахъ, онъ не поѣхалъ далѣе, вызвалъ туда сына и знатнѣйшихъ гражданъ Новгородскихъ и взялъ съ нихъ клятву повиноваться Святославу [165]. Но едва узнали въ Новгородѣ о смерти Ростислава, какъ уже недовольные начали собирать вѣча по домамъ. Приверженцы Святослава увѣдомили его объ опасности; князь созвалъ дружину и спрашивалъ совѣта; отвѣтъ былъ единогласенъ: „Надобно промышлять намъ самимъ о себѣ, а то объ насъ начнутъ промышлять другіе [166].“ Святославъ выѣхалъ изъ Новгорода, засѣлъ въ Великихъ Лукахъ, и послалъ оттуда сказать Новгородцамъ: „не хочу быть вашимъ княземъ!“ Долго сдерживаемая злоба выразилась во всей силѣ; Новгородъ въ первый разъ явилъ примѣръ народнаго изступленія: граждане поклялись Богородицею не хотѣть Святослава, собрали полки и пошли на него. Святославъ удалился къ Торопцу, а Новгородцы послали въ Русь къ новому В. Князю Мстиславу Изиславичу за сыномъ [167]. Съ этого времени исторія Новгорода принимаетъ другой характеръ. Мы видѣли, что сначала Новгородцы безу-

словно повиновались В. Князьямъ, что́ продолжалось до смерти Мстислава Владиміровича Мономашича. Послѣ злыя которы, возникшія въ Руси между князьями, появленіе трехъ соперничествующихъ линій, высвободили Новгородцевъ изъ-подъ вліянія Великихъ Князей, дали имъ возможность выбора, дали возможность предлагать условія избранному князю. Въ продолженіе этого періода отъ смерти Мстислава Великаго до вторичнаго прихода Святослава Ростиславича Новгородцы постоянно слѣдуютъ за смѣною В. Князей, и стараются избрать въ ихъ намѣстники къ себѣ угоднаго всѣмъ враждебнымъ сторонамъ или, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшей изъ нихъ. Святославъ Ростиславичь сдѣлалъ первую попытку принудить Новгородцевъ отказаться отъ пріобрѣтенныхъ вольностей. Эта попытка вызвала со стороны Новгородцевъ энергію, которую доселѣ въ нихъ не замѣчали, а между тѣмъ попытка Святослава не останется безъ повторенія: подлѣ Новгорода образовалось княжество, новая Русь, въ которой господствуетъ совершенно иной порядокъ вещей; здѣсь явился первый Самовластецъ, который утвердилъ свое пребываніе въ пригородѣ и началъ страшную, долголѣтнюю борьбу между Старою и Новою Русью, между Русью Старыхъ и Новыхъ городовъ, между Русью со старыми родовыми отношеніями, и Русью съ господствомъ понятія собственности, владѣнія, постоянно въ родѣ остающагося. Новгородъ долженъ принять самое дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, какъ представитель городовъ старыхъ; скоро южная Русь будетъ подавлена Татарами, и надолго отторгнута Литвою отъ сѣверной; одинъ Новгородъ останется представителемъ стараго порядка вещей, стараго быта Руси; послѣдній изъ городовъ Славянскихъ, онъ долго будетъ защищать свою Славянскую особность, свой бытъ, отрѣшенный отъ общей жизни цѣлаго народа, свое право жить особо и владѣть самъ собою, имѣть свой обычай. До сихъ поръ Новгородъ выражалъ негодованіе на которы княжескія, ибо онѣ лишали его спокойствія, подавали поводъ къ народнымъ волненіямъ, вовлекали въ войны дальнія и безплодныя; теперь онъ узналъ пользу ихъ для себя, узналъ выгоду въ безпрестанной смѣнѣ князей, узналъ, какъ опасно ихъ соединеніе, какъ опасна ихъ сила, теперь онъ начнетъ дѣйствовать иначе: онъ будетъ радоваться продолженію княжескихъ которъ, будетъ стараться объ ихъ продолженіи, о продоженіи стараго быта Руси. Въ своемъ ожесточеніи противъ Святослава Новгородцы забыли прежнее благоразуміе, не разочли, что требуя князя отъ Мстислава Кіевскаго, они возбуждаютъ противъ себя гнѣвъ могущественнаго Андрея,

нетерпѣвшаго Мстислава [168], точно такъ какъ отецъ его не терпѣлъ отца Мстиславова. Святославъ удалился изъ Торопца на Волгу; получивъ помощь отъ Андрея, онъ сжегъ Торжекъ, жители котораго удалились къ Новгороду; домы и села ихъ были истреблены. Съ другой стороны братья Святослава, Князья Смоленскіе, сожгли В. Луки; Полочане пристали также къ Смолянамъ и Суздальцамъ; союзники захватили всѣ пути и не пропускали никакого извѣстія изъ Новгорода въ Кіевъ; они хотѣли силою дать Святослава Новгородцамъ, говоря: „нѣтъ вамъ другаго князя, кромѣ Святослава!" Но это еще болѣе ожесточило Новгородцевъ: они убили посадника Захарію и съ нимъ еще двоихъ чиновниковъ, считая ихъ приверженцами Святослава, и дали посадничество умному Якуну, который прославился отраженіемъ Святослава отъ Русы. При помощи энтузіазма, примирившаго всѣ стороны, Якунъ одинъ могъ управить Новгородомъ въ долгое междукняжье, а между тѣмъ Даниславъ Лазутиничь успѣлъ пробраться изъ Новгорода въ Кіевъ ко Мстиславу [169]. Въ 1168 году прибылъ наконецъ Романъ Мстиславичь изъ Кіева на столъ Ногородскій, и Новгородцы обрадовались исполненію своего желанія. Храбрый Романъ тотчасъ пошелъ мстить за ихъ обиды: онъ опустошилъ область Полоцкую и пожегъ Торопецъ [170]. Но между тѣмъ прибытіе Романа въ Новгородъ еще болѣе раздражило Андрея противъ Мстислава [171]. Пользуясь неудовольствіемъ большаго числа князей на В. Князя Кіевскаго, Андрей рѣшился отыскивать старшинства: онъ собралъ страшную рать и послалъ ее къ Кіеву; Мстиславъ не могъ противиться соединеннымъ усиліямъ одиннадцати князей. Старшинство Андрея было признано, но Князь Владимірскій, пренебрегшій прежде Великимъ Ростовомъ, теперь пренебрегъ матерью городовъ Русскихъ, и остался въ своемъ пригородѣ: дурное предвѣщаніе для Великаго Новгорода!

Управившись со Мстиславомъ, Андрей приготовлялся управиться и съ сыномъ его, княземъ Новгородскимъ. Узнавъ, что Даниславъ Лазутиничь, славный умѣньемъ своимъ пробиваться сквозь полки непріятельскіе и вѣрно исполнять повелѣнія Государя Новагорода, пошелъ за Волокъ для собранія даней, Андрей выслалъ противъ него войска. Новгородскій отрядъ состоялъ только изъ 400 человѣкъ, Суздальцевъ было 7000; но Даниславъ не испугался множества непріятелей, истребилъ у нихъ 1300 человѣкъ, отступилъ съ потерею 15 человѣкъ своихъ, потомъ возвратился

опять, взялъ дань съ Двинянъ, да еще другую съ жителей Суздальской области, и прибылъ благополучно въ Новгородъ [172]. Тогда Андрей вознамѣрился нанести ударъ рѣшительный: онъ послалъ на Новгородъ всю землю просто Русскую, по выраженію лѣтописца [173]. Новгородцы знали, что уступить силѣ значитъ подвергнуться насилію, принять князя на всей волѣ его, нажить себѣ новаго Святослава, и потому рѣшились оборонятъся съ Романомъ и Якуномъ. Мстиславъ Андреевичь обложилъ городъ, но скоро былъ наказанъ за собственную неосторожность: онъ опустошилъ всѣ окрестности, слѣдствіемъ чего былъ страшный голодъ въ полкахъ Суздальскихъ; сынъ Боголюбскаго принужденъ былъ отступить безъ успѣха, и потерялъ множество людей, подобранныхъ Новгородцами [174].

Новгородъ освободился отъ опасности, но не могъ долго оставаться во враждѣ съ В. Княземъ: угрозы его продолжались, а между тѣмъ дороговизна усиливалась въ городѣ, лишенномъ сообщенія съ восточными областями; притомъ по смерти соперника Андреева, Мстислава Изяславича, онъ долженъ былъ подчиниться В. К. Владимірскому, какъ единственному. Пользуясь несчастнымъ отступленіемъ Андреева войска, Новгородцы послали во Владиміръ просить себѣ князя [175]: здѣсь они явились опять въ видѣ вольныхъ просителей, и слѣд. съ правомъ предложить условіе; Андрей, освобождаемый ихъ покорностію отъ необходимости употребить снова оружіе, согласился на условія и отправилъ къ нимъ Рюрика Ростиславича, брата Святославова: Новгородцы снова получили князя на всей волѣ своей [176]. Братъ Святослава не долго жилъ въ Новгородѣ; отнявъ посадничество у Жирослава, въ тотъ же годъ самъ добровольно оставилъ столъ свой. Граждане отправили къ Андрею посольство просить князя; В. Князь обѣщалъ прислать сына, а на время отправилъ къ нимъ опять посадникомъ Жирослава, нашедшаго во Владимірѣ убѣжище отъ гоненій Рюриковыхъ. Въ слѣдующій годъ явился въ Новгородѣ княжить Георгій Андреевичь, а Архіепископъ Илья ходилъ къ В. Князю для приведенія въ порядокъ дѣлъ Новгородскихъ [177], слѣдствіемъ чего было врученіе посадничества Ивану Захарьичу [178].

Въ 1174 году Андрей былъ убитъ; Ростовцы взяли къ себѣ на столъ сына старшаго брата его Ростислава; новый Князь послалъ смѣнить князя Новгородскаго, и на мѣсто его далъ сво-

его сына. Возникли неустройства въ новомъ В. Княженіи, и Новгородцы были предоставлены самимъ себѣ. Изгнанный Михаиломъ Юрьевичемъ изъ Ростовской области, Мстиславъ Ростиславичь пришелъ самъ въ Новгородъ и сѣлъ на мѣсто сына. По смерти Михаила, позванный снова Ростовцами, и снова побѣжденный Всеволодомъ Юрьевичемъ, онъ явился въ Новгородъ, но не былъ принятъ гражданами, оскорбленными его удаленіемъ; они послали просить князя у Всеволода и получили племянника его Ярослава Мстиславича. Однако на слѣдующій годъ Новгородцы раскаялись въ изгнаніи Мстислава, узнавъ, что онъ чудеснымъ образомъ получилъ въ Смоленскѣ зрѣніе [179]; они взяли его вмѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ, думая, что Всеволодъ не вооружится на мужей, любимыхъ Богомъ; но В. Князь думалъ иначе. Когда Новгородцы по смерти Мстислава, случившейся тотчасъ по прибытіи его въ Новгородъ, посадили княземъ брата его Ярополка, Всеволодъ велѣлъ задержать купцовъ ихъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ знакѣ великокняжескаго гнѣва, Новгородцы поспѣшили выслать Ярополка; но князь новыхъ городовъ замыслилъ уже примышлять къ своей собственности: онъ отправился къ Торжку, и требовалъ отъ жителей его подданства и ежегодной дани; они обѣщались, но замедлили исполненіемъ: тогда В. Князь взялъ городъ и предалъ его разграбленію. Узнавъ что Всеволодъ, не довольствуясь покорностію, забираетъ ихъ владѣнія, Новгородцы снова обратились къ Смоленскимъ Ростиславичамъ и приняли изъ нихъ Романа [180]. Романъ не долго оставался въ Новгородѣ, уѣхалъ добровольно въ Смоленскъ, а на его мѣсто Новгородцы послали звать брата его, знаменитаго Мстислава.

Здѣсь начинается союзъ Новгорода съ двумя Мстиславами — отцемъ и сыномъ, знаменитѣйшими изъ князей, потомковъ старшаго сына Мономахова. Интересы Новгорода и обоихъ Мстиславовъ были одинакіе: какъ тотъ, такъ и другіе хотѣли поддержать старый порядокъ вещей противъ новаго, поддержать родовыя отношенія между князьями, и вмѣстѣ съ тѣмъ старый бытъ старыхъ городовъ. Мстиславъ сначала не хотѣлъ идти въ Новгородъ, увлекаемый, подобно предкамъ, сильною любовію къ Руси, къ Кіеву, но, уговоренный братьями, отправился въ старѣйшій изъ городовъ [181].

Въ Ноябрѣ пришелъ храбрый на столъ свой, а на зиму уже пошелъ мстить обиды Новгородскія: онъ пожегъ всю Чудскую землю, а жителей загналъ къ морю [182]. Но не судьба была Новгородцамъ имѣть князя по сердцу: среди воинскихъ замысловъ храбрый былъ пораженъ смертію. Теперь Новгородцамъ предлежалъ выборъ, у котораго изъ В. Князей требовать намѣстника, у Кіевскаго Святослава Всеволодовича или Владимірскаго Всеволода III-го. Не трудно было рѣшиться: Всеволодъ показалъ уже свою непріязнь къ Новгороду, показалъ, что былъ сыномъ Долгорукаго и братомъ Боголюбскаго; Новгородцы обратились къ Святославу и взяли въ князья сына его Владиміра [183]. Скоро возгорѣлась война между обоими В. Князьями; Святославъ пошелъ на Всеволода и вызвалъ на помощь сына съ Новгородцами [184]. Всеволодъ, котораго характеръ имѣетъ необыкновенное сходство съ характеромъ поздняго потомка его Іоанна III, подобно послѣднему отличался необыкновенною осторожностію въ битвахъ: онъ остановился въ неприступныхъ мѣстахъ и никакъ не хотѣлъ начать бой съ полками Святослава; послѣдній принужденъ былъ удалиться ни съ чѣмъ, и отправился въ Новгородъ [185], который тогда впервые увидалъ въ стѣнахъ своихъ В. Князя изъ Ольговичей. Скоро противники примирились; Святославъ уступилъ Новгородъ Всеволоду, но послѣдній, любя племянницу свою, жену Владиміра Новгородскаго, оставилъ послѣдняго спокойно княжить [186]. Это спокойствіе продолжалось недолго: Новгородцы имѣли неосторожность посадить въ Торжокъ Ярополка Ростиславича, заклятаго врага Всеволодова. Ярополкъ началъ своевольно раззорять Суздальскія области; Всеволодъ осадилъ его, взялъ въ плѣнъ, выжегъ Торжекъ, и жителей его увелъ въ оковахъ во Владиміръ. Новгородцы, устрашенные неравною борьбою съ Княземъ Владимірскимъ, дабы умилостивить его, просили Владиміра Святославича выѣхать изъ города, и послали ко Всеволоду просить князя отъ руки его: они получили Ярослава Владиміровича, внука Мстислава Великаго [187]. Новый князь не учинилъ наряда въ Новгородѣ: побужденный безпрестанными жалобами гражданъ, Всеволодъ вывелъ его отъ нихъ и не имѣя никого около себя, позволилъ имъ выбрать кого хотятъ изъ племени Владимірова: они выбрали Мстислава, сына Давида Смоленскаго [188].

Выведенный князь оставилъ по себѣ приверженцевъ, и потому правленіе Мстислава Давыдовича не могло быть спокойно.

Въ 1185 году шумное вѣче окончилось кровопролитіемъ, а въ слѣдующемъ году приверженцы Ярослава пересилили, показали путь Мстиславу и послали просить Всеволода отпустить къ нимъ опять Ярослава [189]. Восемь лѣтъ протекли спокойно въ Новгородѣ, благодаря спокойствію на Сѣверѣ, гдѣ Всеволодъ твердою рукою держалъ правленіе. Въ 1195 году возгорѣлась война между Ольговичами и Мономаховичами. Всеволодъ, собравшись въ походъ, велѣлъ и Новгородцамъ за собою слѣдовать; они не послушались: огнищане, гридьба и купцы выступили въ походъ, но едва прибыли въ Торжекъ, какъ получили отъ В. Князя приказаніе возвратиться. Думая, что послушаніемъ заслужили расположеніе Всеволода, Новгородцы отправили во Владиміръ посадника Мирошку и съ нимъ еще двоихъ знатныхъ гражданъ просить у Всеволода сына вмѣсто свояка. Всеволодъ, озабоченный войною съ князьями Черниговскими и негодуя на докуки Новгородцевъ, задержалъ пословъ, не обратилъ вниманія на вторичное посольство, молившее объ отпущеніи задержанныхъ, и повелъ ихъ съ собою въ походъ. По вступленіи его въ области Черниговскія дѣло не дошло до кровопролитія; заключенъ былъ миръ между враждующими князьями, при чемъ они согласились, чтобъ Новгородъ оставался нейтральнымъ и выбиралъ себѣ князя изъ какой линіи хочетъ [190]. Это второе позволеніе, которое Новгородцы получили отъ князей выбирать себѣ правителя по волѣ [191]. Всеволодъ согласился на это условіе, зная, что Новгородъ не избѣгнетъ его власти и самъ отречется отъ права безполезнаго. Возвратившись домой, В. Князь отпустилъ въ Новгородъ одного изъ задержанныхъ, но другихъ оставилъ у себя. Новгородцы, оскорбленные этимъ поступкомъ, и желая воспользоваться вышесказаннымъ правомъ, выгнали Ярослава и послали къ Черниговскому князю за сыномъ [192]. Но уже прошло то время, когда изгнанные князья выѣзжали, не думая о мести; уже Святославъ Ростиславичь, надѣясь на помощь Андрея, не хотѣлъ спокойно оставить области Новгородскія; Ярославъ Владиміровичь послѣдовалъ его примѣру: онъ засѣлъ въ Торжкѣ, и спокойно бралъ дани по верху, Мстѣ и даже за Волокомъ, а В. Князь перехватывалъ вездѣ Новгородцевъ и не пускалъ изъ Владиміра [193]. Тогда сильная сторона Ярославова опять восторжествовала [194]: рѣшено было выслать Ярополка Ярославича Черниговскаго и снова принять Ярослава. Всеволодъ, не желая, чтобъ Новгородцы присвоивали себѣ право ссориться и мириться съ своими князь-

ями безъ вѣдома Великаго, вызвалъ Ярослава изъ Торжка во Владиміръ, и заставилъ Новгородскихъ пословъ пріѣхать за нимъ туда и просить его отъ руки В. Князя [195]. Самые лучшіе граждане отправлены были послами: они едва могли испросить прощеніе, и должны были отдаться на всю волю В. Князя [196]. Такъ во второй разъ Новгородъ лишился пріобрѣтенныхъ вольностей; съ этихъ поръ Всеволодъ началъ поступать съ Новгородомъ, какъ поступалъ Мономахъ и старшій сынъ его: въ 1199 году онъ вызвалъ Ярослава, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ явиться Епископу, посаднику и лучшимъ гражданамъ за сыномъ своимъ, десятилѣтнимъ Святославомъ. На дорогѣ преставился Епископъ Мартирій: Всеволодъ, вопреки старому обычаю Новгородцевъ — выбирать Владыку на вѣчѣ, самъ выбралъ и послалъ къ нимъ Епископа Митрофана, котораго потомъ отправили къ Митрополиту на поставленіе съ Новгородскими мужами и Всеволодовыми [197]. Тишина водворилась въ Новгородѣ, какъ во времена Мономаха. Чрезъ пять лѣтъ Всеволодъ вывелъ Святослава за малолѣтствомъ, и прислалъ старшаго сына своего, Константина: Новгородцы обрадовались, увидавъ у себя взрослаго и самостоятельнаго князя, избавлявшаго ихъ отъ управленія бояръ Владимірскихъ, опекуновъ Святославовыхъ. Смѣна князя повлекла за собою, по обыкновенію, смѣну посадника [198]. Въ 1208 году В. Князь показалъ въ Новгородѣ всё свое самовластіе, ибо условіе не казнить безъ объявленія вины не существовало болѣе: онъ послалъ въ Новгородъ мужа своего Лазаря и посадникова брата, Бориса Мирошкинича, съ повелѣніемъ убить какого-то Алексѣя Сбыславича на дворѣ Ярослава, и убили его *безъ вины*, прибавляетъ лѣтописецъ [199]. Въ 1209 году пошелъ Всеволодъ на Черниговъ [200] и велѣлъ Новгородскому князю съ полками слѣдовать за собою въ походъ. Войска соединились въ Москвѣ, но вмѣсто Чернигова пошли на Рязань. Довольный Новгородцами за ихъ храбрость, В. Князь отпустилъ ихъ изъ Коломны домой, одаривъ безъ числа и, такъ какъ онъ оставлялъ Константина при себѣ, то въ отсутствіе князя позволилъ имъ управиться по прежнему съ нелюбимыми чиновниками, сказавъ: „любите добрыхъ и казните злыхъ.“ Новгородцы обрадовались случаю: они ненавидѣли посадника Дмитрія Мирошкинича за его корыстолюбіе, и такъ какъ посадникъ самъ, по причинѣ ранъ, оставленъ былъ В. Княземъ во Владимірѣ, то граждане созвали вѣче на братьевъ его (которые, какъ мы видѣли, были ревностными исполнителями воли В. Князя вопреки правамъ

В. Новгорода), зажгли ихъ домы, разграбили имущество, поклялись не держать у себя дѣтей Дмитріевыхъ и просили прибывшаго между тѣмъ князя Святослава Всеволодовича отправить ихъ въ Ростовскую область въ заточеніе.

Новгородцы думали, что Всеволодъ возвратилъ имъ опять прежнія вольности, но обманулись въ своей надеждѣ. Святославъ началъ поступать по Суздальскому обычаю, т. е. не обращая вниманія на старые ряды Новгородцевъ съ князьями. Нѣкоторые изъ оскорбленныхъ имъ гражданъ попытались возвратить прежній порядокъ вещей, принять князя на всей своей волѣ, и между тѣмъ такого, который бы умѣлъ защитить ихъ отъ гнѣва В. Князя. Въ Торопцѣ княжилъ тогда знаменитый сынъ славнаго отца, Мстиславъ Мстиславичь Удалой, наслѣдственный врагъ потомства Юріева и вводимаго имъ новаго порядка вещей. Новгородцы обратились къ нему съ просьбою избавить ихъ отъ насилія Суздальскаго. Удалой согласился. Зная однако, что въ случаѣ избранія его Новгородцами месть Всеволода падетъ на несчастный Торжекъ, Мстиславъ поспѣшилъ занять этотъ городъ и оттуда послалъ ко Св. Софіи предложить гражданамъ избавленіе отъ насилій; Новгородцы охотно его приняли, а Святослава заключили въ домѣ архіепископскомъ. Новый князь немедленно отправился въ походъ на встрѣчу рати Всеволодовой; однако дѣло не дошло до кровопролитія: В. Князь, боясь за сына своего, задержаннаго Новгородцами, зная необыкновенную храбрость и воинское искусство Удалаго, помня пораженіе, претерпѣнное войскомъ могущественнаго Андрея отъ отца Мстиславова, примирился съ Новгородцами и Княземъ ихъ, довольствуясь тѣмъ, что Святославъ былъ освобожденъ и Мстиславъ призналъ себя сыномъ В. Князя, который, съ своей стороны, отпустилъ всѣхъ захваченныхъ имъ купцовъ Новгородскихъ. Такъ разсказываетъ это событіе лѣтопись Новгородская и нѣкоторые другіе списки; совершенно иначе представляетъ дѣло Татищевъ: В. Князь, по словамъ его, отправилъ на Мстислава троихъ сыновей своихъ Константина, Юрія и Ярослава; Новгородцы испугались и послали къ Константину просить міра, отправивъ вмѣстѣ и захваченнаго ими Святослава и надлежащую В. Князю дань. Константинъ, слѣдуя всегдашней своей умѣренности, вопреки совѣту младшихъ братьевъ, согласился на миръ, въ слѣдствіе котораго Мстиславъ удалился назадъ въ Торопецъ, и на его мѣсто В. Князь прислалъ сына своего Владиміра. Новгородцы, видя тщету своего возстанія, излили ярость на тѣхъ, которые

уговорили ихъ къ нему: они хотѣли умертвить друзей Мстиславовыхъ, и едва были укрощены Владыкою. Но въ 1211 году Новгородцы снова послали за Мстиславомъ; тогда Владиміръ, опасаясь участи брата, уѣхалъ тотчасъ къ отцу, а Мстиславъ безпрепятственно вступилъ въ Новгородъ и удержался въ немъ [201]. Къ этому-то второму вступленію Мстислава въ Новгородъ и должно отнести договоръ его со Всеволодомъ о старшинствѣ послѣдняго. В. Князь, чувствуя приближеніе смерти и ослабѣвъ духомъ, вѣроятно не хотѣлъ оставить дѣтямъ своимъ непримиримаго врага въ особѣ храбрѣйшаго изъ потомковъ Мономаховыхъ. Какъ бы то ни было, Новгородцы освободились отъ В. Князя Владимірскаго и приняли къ себѣ князя на всей волѣ своей; но ихъ хотѣніе исполнялось не долго. Въ 1215 году Мстиславъ, призываемый дѣлами на Югъ, оставилъ Новгородъ, не назначивъ преемника, но давъ гражданамъ волю выбирать себѣ князя какого хотятъ [202]. Новгородцы долго думали, наконецъ послали за Ярославомъ Всеволодовичемъ, братомъ новаго В. Князя Владимірскаго, Юрія II-го. Мы видѣли, какъ въ Ростовской области борьба старшихъ городовъ съ младшими, или пригородами, и побѣда послѣднихъ, повлекли за собою преимущество младшаго брата надъ старшимъ, торжественно признанное Всеволодомъ III въ слѣдствіе непослушанія старшаго сына его Константина, хотѣвшаго-было возвратить прежній порядокъ вещей. Всеволодъ III умеръ; ни Ростовцы, ни князь ихъ не хотѣли подчиниться волѣ покойнаго; вражда между братьями нѣсколько разъ вспыхивала, но Константинъ не имѣлъ довольно силы противиться Юрію: скоро дождался онъ вѣрнаго союзника. Братъ его Ярославъ принесъ въ Новгородъ Владимірскія привычки; Новгородцы не отставали отъ своихъ обычаевъ, считая Ярослава княземъ, призваннымъ на всей волѣ ихъ. Тогда Ярославъ, наскучивъ старыми вѣчниками, вздумалъ поступить съ ними также, какъ дядя его Андрей поступилъ съ Ростовцами. Онъ покинулъ Новгородъ, оставивъ въ немъ своего намѣстника, а самъ удалился въ пригородъ Торжекъ [203], утвердилъ тамъ свое пребываніе, и для приведенія Новгорода въ свою волю, запретилъ пускать туда съѣстные припасы. Удручаемые голодомъ, Новгородцы молили князя возвратиться къ Св. Софіи: Ярославъ не внималъ просьбамъ. Тогда геній старой Руси, Удалой является внезапно среди гражданъ и воспламеняетъ ихъ мужество: „не быть Торжку Новгородомъ и Новгороду Торжкомъ“, сказалъ онъ [204] и пошелъ на Ярослава, и повелъ за собою старую Русь — Новгородцевъ,

Псковичей, Смольнянъ. Старшій князь старшаго города, Константинъ соединилъ со Мстиславомъ свою дружину; Георгій Владимірскій и братъ его Святославъ соединились съ Ярославомъ; страшно было глядѣть, говорятъ лѣтописцы: сынъ шелъ на отца, братъ на брата [205]. Тщетно старые бояре говорили молодымъ князьямъ: „Новгородцы, Псковичи и Смольняне окрѣпли въ битвахъ междоусобныхъ; Владимірцы и Суздальцы къ нимъ не привыкли: имъ не выдержать удара храбрѣйшаго и опытнѣйшаго изъ вождей [206].“ Князья не слушались ихъ и уже дѣлили заранѣе города, и Новгородъ, и Кіевъ, и Галичь, надѣясь, что превосходство силъ ихъ сокрушитъ разомъ древнюю Русь и дастъ имъ возможность начать новую исторію; но молодость обманула ихъ: потребна была не одна битва, но цѣлые вѣка бѣдствій и кровопролитій для утвержденія новаго порядка вещей. Предсказаніе старыхъ бояръ сбылось: побѣда осталась за старою Русью. Новгородъ со Мстиславомъ восторжествовали надъ Ярославомъ, Константинъ надъ Георгіемъ, но это торжество было не продолжительно. Чувствуя приближеніе смерти, Константинъ передалъ старшинство опять Георгію; Мстиславъ снова покинулъ Новгородъ для Юга. Оставленные самимъ себѣ, Новгородцы призвали изъ Смоленска Святослава Мстиславича, сына Кіевскаго князя Мстислава Романовича [207]: такъ Липецкая битва освободила ихъ отъ страха предъ Владимірскими князьями, и они снова обратились къ старшей линіи Мономаховичей. Они приняли Святослава на всей волѣ своей: между прочимъ онъ цѣловалъ имъ крестъ не лишать никого ни должности, ни имущества, ни жизни, безъ объявленія вины [208]. Въ это время Новгородцы находились на высшей степени своего могущества: они свергнули иго самовластныхъ князей, одержали блистательную побѣду надъ ними, возвратили своею храбростію право, похищенное у старшаго князя; наконецъ по удаленіи Мстислава, оставленные самимъ себѣ, они могли вызвать князя, какого хотѣли, не опасаясь ни откуда стѣсненія; въ это время они могли по справедливости говорить: „кто противъ Бога и В. Новгорода!“ слѣд. къ этому времени должно отнести самое полное развитіе Новгородскаго народовластія. Въ 1206 году одинъ гражданинъ, совершивъ преступленіе, бѣжалъ. Посадникъ Твердиславъ велѣлъ догнать его и отдалъ князю для наказанія. Вдругъ пронеслась вѣсть по городу, что посадникъ выдалъ князю преступника несправедливо. Два конца: Онипоповскій и Неревскій собрали вѣче противъ Твердислава; князь, испуганный волненіемъ, освободилъ захваченнаго преступника, безъ

оправданія и безъ обвиненія, въ угоду двумъ только отдѣленіямъ города. Но возставшій народъ не удовольствовался робостію князя, вооружился и пошелъ на посадника; за послѣдняго стали два другіе конца, а жители пятаго спокойно смотрѣли на междоусобіе: 8 человѣкъ были убиты, множество переранено, вѣче продолжалось цѣлую недѣлю, наконецъ враждебные концы примирились [209]. Но сколько Новгородцы были небрежны въ установленіи внутренняго наряда въ городѣ, столько на оборотъ ревностно охраняли права свои въ отношеніи къ князю. Святославъ, видя недоброжелательство извѣстной части народонаселенія къ посаднику, ему непріятному, послалъ тысяцкаго объявить гражданамъ о смѣнѣ посадника; граждане спросили объ винѣ смѣняемаго; князь, позабывъ скрѣпленныя присягою условія, отвѣчалъ „безъ вины!" тогда граждане напомнили ему клятву, и Твердославъ остался посадникомъ [210]. Въ 1219 году В. Князь Кіевскій Мстиславъ Романовичь смѣнилъ Святослава и на мѣсто его прислалъ другаго сына, Всеволода. Всеволодъ наслѣдовалъ вражду брата своего къ Твердиславу; однако граждане стали опять за посадника, и князь принужденъ былъ мириться при посредствѣ Владыки [211]. Новгородцы, призывая Князя для наряда, ненавидѣли его нарушителей, и потому положили выслать Всеволода, что могли сдѣлать безпрепятственно, ибо съ одной стороны не могли опасаться мести отъ далекаго В. Князя Кіевскаго, а съ другой имѣли еще В. Князя, Юрія Владимірскаго, который, помня Липецкую битву, не будетъ неуступчивъ при заключеніи условій: и точно Юрій обрадовался предложенію Новгородцевъ, осыпалъ дарами пословъ ихъ, и отпустилъ сына Всеволода на всей волѣ Новгородской [212]. Такъ обстоятельства заставили Сѣверныхъ князей отложить на время борьбу со старымъ городомъ, однако не надолго. Прежніе князья Южные часто оставляли Новгородъ, стремясь поближе къ Кіеву; Сѣверные князья покидаютъ Новгородъ, не любя господствующаго въ немъ порядка вещей, отъ котораго они отвыкли въ своихъ новопостроенныхъ городахъ. Осьмилѣтнему Всеволоду или, лучше сказать, боярамъ его, не понравилось въ Новгородѣ: они взяли малютку князя и удалились тайно ночью въ Суздальскую область. Опечаленные Новгородцы послали къ В. Князю просить брата его Ярослава, надѣлавшаго имъ столько зла предъ Липецкою битвою [213]. Но и этотъ недолго у нихъ оставался: въ слѣдующемъ же году онъ выѣхалъ въ свой Переяславль, не смотря на всѣ просьбы Новгородцевъ; они послали опять за Всеволодомъ [214]. На слѣду-

ющій годъ (знаменитый 1224) В. Князь рѣшился возобновить съ Новгородцами поведеніе отца своего: Всеволодъ вторично оставилъ Новгородъ, но, подражая дядѣ, занялъ Торжокъ; къ нему на помощь пришелъ самъ отецъ, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько Ростовскій и шуринъ Михаилъ Черниговскій. Новгородцы прислали просить В. Князя вывести войско изъ ихъ областей, и отпустить къ нимъ опять Всеволода. Георгій требовалъ выдачи семи гражданъ, наиболѣе его сыну непріязненныхъ. Новгородцы не забыли еще Липецкой битвы, и поклялись умереть за Св. Софію, а не выдавать братью на вѣрную гибель. Юрій, видя рѣшимость Новгородцевъ, предложилъ имъ въ Князья шурина своего, Михаила Черниговскаго, а за обвиненныхъ гражданъ требовалъ выкупа въ 7000 гривенъ. Новгородцы согласились [215].

Южный князь изъ стараго города былъ по нраву Новгородцамъ: имъ было легко при немъ [216]; но Михаилъ любилъ Югъ, и покинулъ Новгородъ, подобно Мстиславу, не смотря на всё усердіе и просьбы гражданъ, которые принуждены были снова послать за княземъ Переяславскимъ. Три года жилъ Ярославъ въ Новгородѣ; неповиновеніе Псковитянъ и согласіе Новгородцевъ съ своими младшими братьями раздосадовали князя; онъ уѣхалъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ двоихъ сыновей Александра и Ѳеодора съ двоими боярами. Отсутствіе князя нарушило нарядъ и подало поводъ къ вѣчамъ. Приписывая продолжительную оттепель недостоинству своего Архіепископа, суевѣрные Новгородцы изгнали кроткаго Святителя, разграбили домы многихъ знатныхъ гражданъ, и не будучи въ состояніи сидѣть безъ князя, послали сказать Ярославу: „пріѣзжай къ намъ, но безъ самоуправства; будь на всей нашей волѣ, исполняй свято грамоты Ярославовы, а иначе намъ тебя не нужно [217].“ Вмѣсто отвѣта бояре Ярослава взяли обоихъ молодыхъ князей, и ночью убѣжали съ ними къ отцу. Тогда Новгородцы послали опять за Михаиломъ Черниговскимъ, который цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, далъ большія льготы смердамъ и подтвердилъ распоряженіе прежнихъ князей [218]. Приверженцы Ярослава принуждены были отплачиваться деньгами, но самъ Ярославъ не думалъ угождать Новгородцамъ: послѣдніе послали требовать у него Волока и захваченныхъ волостей и товаровъ; князь отвѣчалъ: „захваченнаго не отдаю и креста вамъ не цѣлую, между мною и вами нѣтъ теперь ничего общаго [219].“

Частая смѣна В. Князей, производившая смѣну князей въ Новгородѣ, равно какъ добровольный уходъ послѣднихъ, ослабили связь между ними и гражданами, заставили послѣднихъ недовѣрять имъ, принимать мѣры для свой безопасности, ограничивать власть ихъ. Съ другой стороны это самое ограниченіе, условія, изгнаніе въ случаѣ ихъ неисполненія, отвратили князей отъ Новгорода: они смотрѣли на него, какъ на удѣлъ въ случаѣ крайней нужды, и оставляли его при первой возможности. Князья Сѣверные, болѣе сильные, начали дѣлать безпрестанныя попытки перемѣнить существующій въ Новгородѣ порядокъ вещей, упрочить свои къ нему отношенія, сдѣлать его своею собственностію; князья Южные, менѣе сильные и неумѣющіе понимать новаго порядка вещей, начавшагося на Сѣверѣ, поступали противоположнымъ образомъ: не имѣя вовсе притязаній на постоянное обладаніе для себя и для потомства, они усиливали вольности гражданъ для пріобрѣтенія ихъ расположенія, для чести именоваться княземъ старѣйшаго изъ городовъ, для нѣкоторыхъ денежныхъ выгодъ, для того, чтобъ имѣть готовый удѣлъ на всякій случай, чтобъ *кормить имъ* дѣтей своихъ. Такъ Михаилъ, принявъ достоинство князя Новгородскаго, не думалъ объ исполненіи своей обязанности, занимался исключительно дѣлами Юга, и былъ постоянно въ отлучкѣ, оставляя въ Новгородѣ малолѣтнаго сына Ростислава безъ власти и вліянія. Новгородцы, имѣя повидимому князя, были однако совершенно предоставлены самимъ себѣ: страшныя смятенія господствовали во все время отсутствія Михаилова. Степенный посадникъ Водовикъ началъ котору съ сыномъ знаменитаго Твердислава, цѣлый городъ принялъ въ ней участіе: вѣча, усобицы, грабежи, кровопролитія не прерывались [220], Михаилъ не возвращался, вопреки обѣщанію, сынъ его уѣхалъ въ Торжекъ, Ярославъ грозилъ войною, Новгородцы слѣд. нуждались и въ нарядѣ внутреннемъ, и въ защитѣ внѣшней, князь былъ необходимъ; они объявили Михаила лишеннымъ этого достоинства, какъ измѣнившаго обѣщанію, и послали за Ярославомъ [221]. Каковы же долженствовали быть условія принятія Ярослава? Необходимость была на сторонѣ Новгородцевъ, а не Ярослава, слѣд. условія не могли быть въ пользу первыхъ, т. е. Новгородцы должны были принять князя на всей волѣ его, такъ говорятъ источники, которыми пользовался Татищевъ, совершенно иначе Новгородская лѣтопись [222]; всё заставляетъ насъ вѣрить болѣе первымъ, нежели второй, которая могла погрѣшить

въ пользу своихъ. Какъ бы то ни было, Ярославъ прибылъ въ Новгородъ, но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ опять въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ вторично сыновей Ѳеодора и Александра: такъ бѣдный, но *свой* пригородъ былъ пріятнѣе Сѣверному князю, чѣмъ богатый, но невѣрный Новгородъ. Отсутствіе князя условливало отсутствіе наряда: въ Новгородѣ произошелъ сильный мятежъ, ибо князя не было, говоритъ лѣтописецъ [223]. Пренебрегая одною изъ своихъ обязанностей, обязанностію судьи и миротворца, Ярославъ не пренебрегалъ однако второю, и во всѣхъ нужныхъ случаяхъ являлся защитникомъ Новгорода отъ враговъ внѣшнихъ. Въ 1239 году ему достался Кіевъ; знаменитый Александръ остался одинъ въ Новгородѣ [224]. А между тѣмъ пришли Татары и довершили раздвоеніе Руси: Русь новая, Сѣверо-восточная освободилась совершенно отъ вліянія старой, Южной, стала жить своимъ собственнымъ обычаемъ, въ ней самой начало воспріявшимъ; города и области уже не переходятъ здѣсь отъ одного князя къ другому, или лучше сказать, князья не странствуютъ изъ одного города въ другой, наблюдая старшинство. Ярославъ Всеволодовичь, получивъ В. Княженіе, не поѣхалъ во Владиміръ, но остался въ своемъ Переяславлѣ, который онъ и прежде предпочиталъ Новгороду; одинъ Новгородъ Великій являлся на Сѣверѣ представителемъ стараго быта Руси, былъ одинокъ и потому безсиленъ среди маленькихъ пригородовъ, но могущественныхъ своимъ соединеніемъ; на одинъ Новгородъ будетъ обращена теперь ненависть этихъ новыхъ городковъ къ старымъ вѣчникамъ, ихъ прежнимъ владыкамъ; ихъ князья будутъ стараться княжить въ немъ какъ въ своихъ пригородахъ, и кто защититъ его отъ ихъ притязаній? Ни одинъ воинственный князь не явится изъ Южной Руси для обороны стараго города: Липецкій герой побѣжденъ Татарами за то, что которовался съ братіею на Калкѣ; Михаилъ замученъ тѣми же Татарами; тщетно Новгородъ будетъ обращаться къ старой Руси, выбирать между Москвою и Кіевомъ: выборъ будетъ тяжелъ для стараго города, ибо на Югѣ дѣла идутъ уже не по старинѣ: тамъ Литва, тамъ Латинство!

Новгородцы любили сражаться подъ знаменами Невскаго Героя, но часто не могли ужиться съ нимъ, какъ съ правителемъ: Александръ былъ родной внукъ Всеволода III-го! Въ 1240 году онъ долженъ былъ выѣхать изъ Новгорода, разсорившись съ

гражданами. Новгородцы послали къ В. Князю просить другаго сына его, Андрея. Ярославъ согласился; но Литва, Нѣмцы и Чудь напали на область Новгородскую: надобно было опять Александра, и Новгородцы его выпросили [225], на какихъ условіяхъ, неизвѣстно, но вѣроятно не на всей своей волѣ: мы увидимъ послѣ самовластіе Александра [226] въ Новгородѣ: жалобы гражданъ на это самовластіе остались въ договорахъ ихъ съ братомъ Александровымъ. Скоро Невскій сталъ В. Княземъ, и отдалъ Новгородъ сыну Василью. Отношенія и тутъ не перемѣнились; Новгородцы послали Владыку Далмата къ В. Князю для подтвержденія старыхъ грамотъ, Александръ медлилъ; эта медленность вывела изъ терпѣнія вольныхъ людей: они выгнали Василія и призвали дядю его Ярослава Ярославича. Новгородцы поступили по старому своему обычаю, изгнанный князь и отецъ его по новой привычкѣ Сѣверныхъ князей: Василій остался въ Торжкѣ и ждалъ отца; послѣдній не замедлилъ явиться съ войскомъ; устрашенный Ярославъ убѣжалъ, и граждане были оставлены на жертву гнѣвному В. Князю и гибельному раздвоенію, господствовавшему въ стѣнахъ самого города: Бояре отдѣлили свои интересы отъ интересовъ остальнаго народонаселенія, и составили заговоръ побѣдить младшихъ гражданъ и ввести князя на всей волѣ своей. Но заговоръ не удался, младшіе граждане вооружились и дали другъ другу клятву не уступать князю, если онъ будетъ требовать выдачи своихъ враговъ. Александръ точно потребовалъ сперва выдачи посадника, но увидя стойкость народа, согласился на его смѣну и заключилъ миръ на всей своей волѣ, говорятъ источники Татищева; на всей волѣ Новгородской, говоритъ Новгородская лѣтопись [227]. И тѣ, и другая правы: Новгородская воля исполнилась потому, что граждане не выдали князю свою братью, а княжеская потому, что посадникъ былъ смѣненъ и все осталось по прежнему. Но спокойствіе было непродолжительно: страшная вѣсть о переписи Монгольской подала поводъ къ волненіямъ. Посадникъ сталъ-было уговаривать народъ къ покорности: его убили [228]. Самъ сынъ Александра былъ противъ переписи и удалился во Псковъ; раздраженный В. Князь послалъ ослушника въ Восточныя области и жестоко наказалъ его совѣтниковъ. Власть В. Князя и сила Татарская, подкрѣпленная согласіемъ богатѣйшей части народонаселенія, принудили остальную къ покорности; перепись была сдѣлана: Александръ далъ Новгородцамъ другаго сына своего Димитрія [229]. Самовластіе В. Князя въ отношеніи къ Новгороду кон-

чилось смертію Александра: весь Сѣверъ повиновался послѣднему, слѣд. у Новгородцевъ не было возможности выбора; но теперь снова начнутся усобицы, снова ослабѣетъ на время власть В. Князя, опять представится возможность выбора изъ многихъ соперниковъ, и народовластіе въ Новгородѣ опять усилится. Ярославъ Ярославичь Тверской занялъ по старшинству престолъ великокняжескій: Новгородцы выслали Димитрія Александровича, и послали къ Ярославу въ Тверь съ предложеніемъ княжескаго достоинства и условій. Ярославъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ отношеніяхъ Новгородскихъ: до сихъ поръ Новгородъ принадлежалъ В. Князьямъ, какъ В. Князьямъ, которые посылали туда сыновей своихъ или родичей. Ярославъ по примѣру отца, хочетъ владѣть Новгородомъ, какъ пріобрѣтенною собственностію, для чего принимаетъ титулъ Великаго Князя Новгородскаго, не посылаетъ въ Новгородъ ни сыновей, ни родичей, но правитъ имъ самъ, или чрезъ намѣстниковъ-бояръ. Ярославъ видѣлъ соперниковъ въ дѣтяхъ Невскаго, зналъ, что право старшинства теперь болѣе ненадежно, и согласился на условія [230]. Рядъ Новгородцевъ съ Ярославомъ дошелъ до насъ во всей полнотѣ въ двухъ грамотахъ; Новгородцы называютъ предложенныя В. Князю условія древними [231], и справедливо: быть можетъ они были предложены въ первый разъ Всеволоду, внуку Мономахову; Новгородцы не забыли внести въ условія, чтобъ поступки Невскаго не повторялись [232]. Они повторились, Ярославъ не исполнилъ условій. Новгородцы, объявивъ вины князя, требовали, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ города ихъ [233], надѣясь найти защитника въ сынѣ Невскаго, но на этотъ разъ обманулись въ надеждѣ: Димитрій Александровичь, гнѣваясь за прежнее изгнаніе, велѣлъ повѣстить Новгородцамъ, что не можетъ занять ихъ стола мимо воли старшаго, а между тѣмъ Ярославъ послалъ въ Орду съ клеветою на Новгородцевъ въ непослушаніи Хану и съ просбою о помощи. Страшная опасность начинала грозить Новгороду, какъ вдругъ явился защитникъ въ особѣ брата великокняжескаго, Василія Ярославича: онъ поѣхалъ въ Орду, и оправдалъ тамъ Новгородцевъ. Ярославъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ: противъ нихъ Новгородцы могли еще бороться, и поклялись не уступать князю. Уступчивость Ярослава еще болѣе усилила ихъ рѣшимость; наконецъ Митрополитъ вступился въ дѣло и примирилъ враждующихъ на всей волѣ Новгородской: Ярославъ снова обязался условіями [234]. Такъ усиленіе и ослабленіе Новгородскаго народовластія слѣдовало за

ослабленіемъ и усиленіемъ власти великокняжеской; такъ Новгородцы утратили права при Всеволодѣ III-мъ, возвратили ихъ во время борьбы его наслѣдниковъ, снова утратили при Александрѣ и опять возвратили при его преемникѣ, слабомъ силами матеріальными и личнымъ достоинствомъ. Теперь наступаетъ періодъ времени, который для Новгородскаго народовластія въ особенности былъ столь же благопріятенъ, какъ и періодъ времени отъ смерти Мстислава Великаго до Боголюбскаго; наступаетъ время борьбы между дѣтьми Невскаго, а потомъ между Тверью и Москвою. Но между борьбою Мономаховичей съ Ольговичами, Мстиславичей съ Юрьевичами, и борьбою Андрея Городецкаго съ Димитріемъ Переяславскимъ, и Москвы съ Тверью, было большое различіе: тамъ боролись за старшинство, за первенство между князьями равными, здѣсь борятся за то, кому быть сильнѣе всѣхъ, кому подчинить себѣ всѣхъ прочихъ, и потому первая борьба окончилась всеобщимъ безсиліемъ, вторая усиленіемъ одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ; при окончаніи первой борьбы Новгородъ явился могущественнымъ и независимымъ, при окончаніи второй онъ долженъ былъ необходимо пасть, хотя бы въ продолженіе ея и успѣлъ усилить свое народовластіе.

По смерти Ярослава Тверскаго, князья предоставили Новгородцамъ право выбора: Василій Ярославичь Костромской, старшій въ родѣ Ярослава Всеволодовича, и Димитрій Переяславскій, старшій изъ сыновей Невскаго, прислали въ Новгородъ просить княженія [235]. Новгородцы выбрали Димитрія; Татищевъ представляетъ причину такого поступка: Василій, по его словамъ, какъ В. Князь, отправилъ въ Новгородъ намѣстниковъ съ повелѣніемъ отвергнуть грамоты брата своего [236], слѣд. Новгородцы выбрали того, кто согласился княжить у нихъ на всей ихъ волѣ. Однако В. Князь, по примѣру всѣхъ предшественниковъ, не думалъ уступать своихъ правъ: при помощи Татаръ и племянника своего, князя Тверскаго, онъ воевалъ Новгородскія волости и захватывалъ купцовъ въ землѣ Низовской: тогда Новгородцы *захотѣли* Василія, говоритъ лѣтопись, и Димитрій, не дожидаясь изгнанія, добровольно удалился въ свой Переяславль [237]. Какъ былъ принятъ Василій въ Новгородѣ, можно судить по слѣдующимъ извѣстіямъ: въ лѣтописи сказано, что Новгородцы *поклонились* ему, а Татищевъ говоритъ, что В. Князь наказалъ своихъ противниковъ, въ числѣ которыхъ былъ Тысяцкій [238]; судя по обстоятель-

ствамъ, съ вѣроятностію можно положить, что условія были отмѣнены.

Въ 1276 году Василій скончался: Новгородцы призвали Димитрія Александровича. Новый Князь просилъ у Новгородцевъ позволенія поставить для себя крѣпость Копорье на ихъ землѣ они сперва согласились, но потомъ, когда Димитрій, въ качествѣ строителя, началъ располагать новою крѣпостью, какъ своимъ достояніемъ, и ввелъ въ неё свою дружину, перемѣнили мысли; В. Князь не хотѣлъ отдать имъ назадъ разъ уступленнаго, за что и возгорѣлась вражда. Димитрій явился съ войскомъ въ области Новгородской и причинилъ ей сильное опустошеніе; Владыка содѣйствовалъ заключенію мира на волѣ князя [239]; послѣдній оставилъ дружину свою въ Копорьѣ. Но скоро В. Князь былъ смѣненъ и Новгородцы освободились отъ обязанности исполнять волю Димитрія. Андрей возсталъ на брата и привелъ Татаръ; изгнанный изъ Переяславля, Димитрій хотѣлъ было водвориться въ своемъ новомъ городкѣ Копорьѣ, но Новгородцы воспользовались его несчастіемъ, и силою не пустили его въ Копорье. Новый В. Князь былъ признанъ и Новгородцами и принятъ съ честію; зная непрочность своего положенія, предвидя, что Димитрій можетъ воспользоваться имъ же самимъ указанными средствами, Андрей хотѣлъ обезпечить себя на счетъ Новгорода, имѣть тамъ на всякій случай безопасное убѣжище. Съ этою цѣлію онъ пріѣхалъ въ Торжекъ, и вызвавъ туда посадника съ знатнѣйшими гражданами, цѣловалъ крестъ не уступать никому никогда Новгорода. Новгородцы не предвидя ничего добраго со стороны оскорбленнаго ими Димитрія, съ радостію поклялись не искать другаго князя, кромѣ Андрея, но жестоко были обмануты послѣднимъ. Въ томъ же году страшный Ногай прислалъ грамоту въ пользу Димитрія: Андрей отказался отъ В. Княженія и отъ Новгорода; мало того, когда Новгородцы, съ своей стороны, хотѣли исполнить обѣщаніе, онъ самъ пошелъ на ихъ волость съ полками Димитріевыми [240]. Новгородцы принуждены были признать Димитрія, вѣроятно не на выгодныхъ для себя условіяхъ: они отдали ему Волокъ; Татищевъ говоритъ также о наказаніи людей, ему непріязненныхъ [241]; страшное возстаніе на пріятеля Андрея, знаменитаго боярина и посадника Семена Михайловича, было безсмысленнымъ выраженіемъ народнаго негодованія на неудачу, отъ обстоятельствъ зависѣвшую [242]. Между тѣмъ и другіе города не были спокойнѣе, ибо усобицы братьевъ не прекращались: Андрей

привелъ опять Татаръ на Димитрія; Новгородцы опять передались Андрею, и взяли обратно Волокъ у Димитрія [243]. — Димитрій скоро умеръ; правленіе Андрея было бурно; смерть его подала поводъ еще къ бо́льшимъ смятеніямъ, причиненнымъ борьбою Москвы съ Тверью [244]. Тверичи, обрадовавшись, что городъ ихъ будетъ столицею В. Князя, ибо право старшинства было на сторонѣ Михаила, и пользуясь случаемъ унизить ненавистныхъ вѣчниковъ стараго города, отправили, въ отсутствіе князя, намѣстниковъ въ Новгородъ; Новгородцы не пустили ихъ, пославъ сказать Тверичамъ, что еще неизвѣстно, получитъ ли князь ихъ старшинство отъ Хана [245]. Михаилъ возвратился изъ Орды съ ярлыкомъ и былъ принятъ Новгородцами на всей ихъ волѣ [246]. В. Князю нельзя было много спорить: у нихъ была возможность выбора изъ двоихъ соперниковъ. Между тѣмъ новый порядокъ вещей, утвердившійся на Сѣверѣ, произвелъ перемѣну въ отношеніяхъ В. Князей къ Новгороду: на Сѣверѣ удѣлъ князя, разъ ему данный, былъ отъ него неотъемлемъ; В. Князь не могъ уже перемѣщать своихъ родственниковъ изъ одного города въ другой, заставлять ихъ ѣздить въ Новгородъ въ качествѣ его намѣстниковъ; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ оставить свой вѣрный удѣлъ для невѣрнаго Новгорода: отсюда В. Князь нашелся въ необходимости посылать въ Новгородъ намѣстниками уже не князей, но бояръ своихъ. Это появленіе великокняжескихъ бояръ въ Новгородѣ съ одной стороны содѣйствовало усиленію народовластія, ибо князя чтили болѣе, чѣмъ простаго мужа, а съ другой, намѣстники, присланные изъ чуждаго княженія, смотрѣли враждебно на Новгородъ и на существующій въ немъ порядокъ вещей, пренебрегая выгодами ненавистныхъ старыхъ вѣчниковъ этсюда новыя причины неудовольствій [247]. Въ 1312 году началась ссора Новгородцевъ съ Михаиломъ, ссора опасная по близкому сосѣдству столицы великокняжеской: Михаилъ тотчасъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, не пустилъ туда съѣстныхъ припасовъ, занялъ Торжекъ и Бѣжецкій Верхъ со всею волостью. Новгородцы принуждены были послать Владыку Давида въ Тверь за миромъ: Михаилъ отправилъ опять своихъ намѣстниковъ, *отворилъ ворота* въ Новгородъ [248], но взялъ за это съ него 1500 гривенъ серебра. Новгородцы увидѣли всю опасность своего положенія отъ сосѣдства Твери, и начали стараться какъ бы прекратить свою зависимость отъ ея князя; скоро представился къ этому благопріятный случай. Михаилъ уѣхалъ въ Орду и жилъ

тамъ два года; Новгородцы слѣд. были предоставлены вполнѣ его намѣстникамъ, которыхъ поведеніе не могло улучшиться послѣ недавняго событія; граждане обратились къ сопернику Михаилову, Князю Московскому, съ просьбою избавить ихъ отъ насилія Тверичей [249]; Юрій согласился, сперва отправилъ къ нимъ князя Ѳеодора Ржевскаго, а потомъ, когда послѣдній не допустилъ сына Михаилова вторгнуться въ Новгородскую область, пріѣхалъ самъ съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ и былъ принятъ съ радостію, ибо на всей волѣ Новгородской [250]. Новгородцы пользовались борьбою князей для утвержденія правъ своихъ, но должны были трепетать за нихъ каждую минуту, должны были заботливо слѣдить за склоненіемъ побѣды то на ту, то на другую сторону, и это безпрестанное склоненіе, эта жизнь среди безпрерывнаго безпокойства усиливали волненія внутреннія, но между тѣмъ усиливали энергію народа. Новгородцы, предавшись Князю Московскому, кончили навсегда съ Тверскимъ, отъ котораго не могли ожидать ничего болѣе, кромѣ вражды непримиримой, и потому должны были рѣшиться на отчаянную борьбу: они рѣшились. Ханъ, по жалобамъ Михаила, вызвалъ Георгія въ Орду; гибель Московскаго князя влекла за собою гибель Новгорода; они должны были поддерживать другъ друга: Новгородцы отправили въ Орду, вмѣстѣ съ Юріемъ, пословъ своихъ ходатайствовать за Московскаго Князя [251]. Между тѣмъ Михаилъ приближался съ войскомъ; Новгородцы съ княземъ Аѳанасіемъ вышли къ нему на встрѣчу, но не съ просьбою о мирѣ. Сѣча была злая, говоритъ лѣтописецъ: Новгородцы потерпѣли страшное пораженіе и затворились въ Торжкѣ. Михаилъ не столько былъ озлобленъ на Новгородцевъ, сколько на брата Юріева и князя Ржевскаго; онъ обѣщалъ миръ съ условіемъ выдачи Аѳанасія, Новгородцы отвергнули предложеніе; Михаилъ требовалъ, покрайней мѣрѣ, выдачи Ѳеодора: Новгородцы принуждены были согласиться, и кромѣ того обѣщались заплатить огромную сумму денегъ — 12,000 гривенъ серебра [252]. Потомъ В. Князь вызвалъ въ Тверь Аѳанасія со многими боярами, для утвержденія ряда, и началъ принуждать ихъ къ уничтоженію условій: они не согласились принять на себя отвѣтственность предъ гражданами въ такомъ поступкѣ. Тогда раздраженный князь оставилъ ихъ у себя заложниками, раззорилъ Торжекъ, распродалъ его жителей, послалъ въ Новгородъ намѣстниковъ, и далъ посадничество изъ своей руки Михаилу Клементьевичу и Ивану Дмитріевичу [253]. Такъ,

казалось, долженъ былъ рушиться старый бытъ Новгорода предъ могуществомъ Тверскаго князя, однако Новгородцы еще не отчаявались: Михаилъ не былъ властителемъ независимымъ—надъ нимъ висѣлъ мечь Ханскій. Они отправили пословъ въ Орду съ жалобою на Михаила, послы были перехвачены [254]. Михаилъ рѣшился нанести послѣдній ударъ: онъ собралъ всю Низовскую землю, Новгородцы собрали всю свою волость и умертвили приверженцевъ Михаиловыхъ, виновныхъ или только подозрѣваемыхъ [255]; но не приспѣло еще время паденія Новгорода: собственная болѣзнь, моръ лошадей и дурныя вѣсти изъ Орды, заставили Михаила отступить [256]; отступленіе по дорогамъ невѣдомымъ было гибельно [257]. Новгородцы, надѣясь на примѣръ Боголюбскаго, который послѣ несчастнаго похода войскъ своихъ далъ имъ миръ и князя на всей ихъ волѣ, отправили Владыку къ Михаилу просить о выкупѣ задержанныхъ гражданъ; Михаилъ не согласился [258], думая управиться силою со старыми вѣчниками, но на этотъ разъ Москва спасла Новгородъ.

Въ 1318 году пришелъ Юрій изъ Орды. Михаилъ тотчасъ отправилъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ присылки уполномоченныхъ для заключенія мира. Новгородцы прибыли въ Торжекъ и обѣщались Михаилу не держаться ни чьей стороны, потому что не имѣли еще о Георгіи никакой вѣсти [259]. Послѣдній скоро явился въ Тверскихъ предѣлахъ, вступилъ въ бой съ Михаиломъ, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ; Новгородцы охотно приняли зятя Ханскаго; это родство Юрія съ Узбекомъ заставило и Михаила примириться съ побѣжденнымъ. Тверскій Князь отказался ото всего захваченнаго насильемъ у Новгородцевъ и обязался не препятствовать ихъ торговли [260a]. Юрій не ссорился съ Новгородцами; обоюдныя выгоды заставили ихъ щадить другъ друга: Новгородцы видѣли въ Юріи защитника, которымъ они могли стращать Тверскихъ князей; Юрій, съ своей стороны, зналъ что Ханская благосклонность не можетъ быть постоянною и потому держался Новгорода и ходилъ всюду на враговъ его, хотя интересы обѣихъ, тамъ странно сопоставленныхъ въ Новгородѣ властей не могли не столкнуться почему лѣтопись и упоминаетъ о размолвкахъ Князя съ гражданами, которыя однако не могли имѣть важныхъ слѣдствій по самому вышеозначенному единству интересовъ [261]. Но скоро Новгородцы должны были разстаться съ Юріемъ; Димитрій Михайловичь Тверской выходилъ себѣ ярлыкъ;

Князь Московскій поѣхалъ въ Орду, и Новгородцы должны были, въ его отсутствіе, признать власть Димитрія [262]; однако примѣръ Михаила предохранилъ ихъ отъ насилія сыновей его. По смерти Георгіевой и Димитріевой они признали княземъ Александра Михайловича, признаннаго Ханомъ, но продолжали недоброжелательствовать Твери и были склоннѣе къ Московскимъ князьямъ. Такъ, когда Александръ, спасаясь отъ мести Узбековой, думалъ найти въ Новгородѣ убѣжище, граждане послѣдняго отказали ему [263], и съ охотою приняли намѣстниковъ брата Георгіева, но скоро увидѣли, что перемѣнилось только имя, и что роль Твери, въ отношеніи къ Новгороду, приняла Москва. Что же теперь спасетъ Новгородъ? Отъ Твери спасла его Москва, отъ Москвы долженъ былъ спасти его другой какой-нибудь городъ, Москвѣ враждебный: слѣд. Новгородцы должны были искать враговъ Московскимъ Князьямъ, пользоваться ссорами въ семействѣ послѣднихъ; но когда этѣ ссоры прекратятся, когда уже не будетъ другихъ князей кромѣ Московскаго, что тогда останется Новгородцамъ? Останется или отказаться отъ своего стараго быта, приравняться къ Москвѣ, или искать соперника князю Московскому въ Литвѣ.

Но сила Москвы еще зависѣла отъ Хана: 50,000 Татаръ, и Москва могла пасть въ пользу Твери или Нижняго; слѣд. Московскимъ князьямъ для поддержанія своего могущества нужна была Ханская благосклонность, а для этого нужны были деньги: вотъ почему Новгородъ могъ еще на нѣсколько времени сохранять свои вольности, удовлетворяя денежнымъ требованіямъ В. Князей, усиливая послѣднихъ на свой счетъ. Въ 1332 году Калита запросилъ у Новгородцевъ закамскаго серебра, старинной дани Печерской, и за отказъ взялъ Торжекъ, Бежецкій Верхъ, и засѣвъ въ Торжкѣ, опустошалъ области Новгородскія, доправляя на нихъ ханское серебро [264]. Тщетно Новгородцы присылали къ нему Владыку за миромъ, предлагая 500 рублей: война была выгоднѣе, Калита не согласился [265]. Новгородцы начали искать другихъ князей, враждебныхъ Московскому, обратились было къ Александру Тверскому, жившему тогда въ Псковѣ, какъ вдругъ представился, по ихъ мнѣнію, болѣе надежный защитникъ, князь Литовскій. Югозападная, старая Русь подчинилась тогда Гедимину, Новгородъ, по формамъ своего быта, принадлежалъ къ старой Руси, и потому стоялъ во враждебномъ отношеніи къ новой; Новгородцы привыкли ждать спасенія съ Юга, оттуда приходили къ нимъ

Мстиславы и Михаилы, и потому съ радостію приняли сына Гедиминова — Нариманта-Глѣба, предложившаго службу свою Св. Софіи, и дали ему въ отчину Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю Корелу и половину Копорья, слѣд. духъ времени проникъ и къ Новгородцамъ, ревностнымъ поборникамъ старины: они призываютъ Князя Литовскаго въ защитники отъ потомковъ Св. Владиміра, и хотятъ упрочить себѣ этого защитника чѣмъ же? — собственностію! отдаютъ ему нѣсколько пригородовъ въ отчину и дѣдину; Гадиминъ Литовскій, съ своей стороны, посылаетъ къ Новгородцамъ сына, но уже хочетъ для него удѣла, собственности на Новгородской землѣ [266]. Такъ начались связи Новгорода съ Литвою, связи необходимыя по тогдашнимъ обстоятельствамъ, но безполезныя изначала. На слѣдующій годъ В. Князь примирился съ Новгородцами; но въ 1337 отправилъ полки въ Двинскую область [267], желая перехватить сокровища Новгородскія; походъ былъ неудаченъ; примиреніе Александра Тверскаго съ Ханомъ отвлекло на время вниманіе Калиты отъ Новгорода; но погубивъ Александра, онъ опять возобновилъ свои притязанія на ихъ богатства [268].

Въ 1339 году, получивъ отъ пословъ Новгородскихъ выходъ или дань Ханскую, Калита отправилъ своихъ пословъ съ требованіемъ другой [269]. Новгородцы отвѣчали, что такъ не водилось отъ начала міра, и что В. Князь нарушаетъ свою клятву соблюдать старину и грамоты Ярославовы [270]. Іоаннъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, но дѣла Смоленскія и смерть В. Князя помѣшали борьбѣ. Ее возобновилъ Симеонъ Гордый. Мы видѣли, какъ въ слѣдствіе преобладанія новаго порядка вещей на Сѣверѣ, должны были ослабнуть здѣсь родовыя отношенія между князьями, какъ В. Князь изъ старшаго брата между младшими долженъ былъ стать сильнѣйшимъ владѣльцемъ между слабѣйшими, ему подчиненными. Уже первый Сѣверный князь, Андрей Боголюбскій, почувствовавъ перемѣну въ своемъ значеніи, перемѣнилъ обращеніе съ прочими князьями; но эта новизна вызвала сильное противодѣйствіе со стороны князей старой Руси, гордой своими Мстиславами. Однако торжество послѣднихъ было недолговременно, и скоро одинъ изъ преемниковъ Андреевыхъ возобновилъ его обращеніе съ князьями, на которыхъ смотрѣлъ не какъ на братьевъ, но какъ на подручниковъ [271]. Противодѣйствія на этотъ разъ не было: не было болѣе Мстиславовъ, неоткуда

было имъ явиться, не было болѣе старой Руси; жалобы старыхъ городовъ и князей ихъ на притѣсненіе Москвы и ея властителя были тщетны: отъ нихъ осталось только названіе Гордаго, приданное Симеону недовольною братіею. Гордый, повелительный съ князьями, Симеонъ не могъ быть ласковъ съ господиномъ Новгородомъ Великимъ. Не успѣлъ онъ придти изъ Орды, не успѣлъ извѣстить гражданъ о своемъ ярлыкѣ, какъ уже послалъ въ Торжекъ брать дань, желая вознаградить издержки, въ Ордѣ понесенныя. Новгородцы послали сказать В. Князю: „Ты не сѣлъ еще у насъ на княженіи, а бояре твои уже насильничаютъ [272].“ Вмѣсто отвѣта Симеонъ явился съ войскомъ въ Торжокъ, окруженный сонмомъ князей - подручниковъ. Устрашенные Новгородцы послали, по обыкновенію, просить мира на старыхъ условіяхъ. Симеону еще не было нужды касаться условій; ему нужны были деньги и униженіе пословъ стараго города: деньги для покупки ярлыка, униженіе пословъ для торжественнаго признанія своего могущества давать и отнимать ихъ по волѣ. Новгородцы смирились, заплатили 1000 рублей и получили свои старыя грамоты, радуясь, что заключили миръ на всей волѣ своей [273].

Отъ обидъ Андрея и Всеволода Новгородцы находили защиту въ князьяхъ Южныхъ, которые приходили возстановлять прежнія права стараго города, избавлять его отъ безчестія повиноваться пригородамъ; и теперь Южная, старая Русь, существовала независимо отъ Сѣверной, подъ рукою В. Князя Литовскаго, независимаго и болѣе чѣмъ Московскій могущественнаго. Но если Симеонъ являлся въ своемъ обращеніи съ Новгородцами наслѣдникомъ Андрея и Всеволода, то князья Литовскіе, съ своей стороны, вовсе не показывали охоты подражать Мстиславу и Михаилу, и тѣмъ давали знать Новгородцамъ, что теперь уже имъ предстоитъ выборъ не между двумя или тремя князьями, которые наперерывъ будутъ стараться заслужить ихъ расположеніе уступками, но между двумя самовластителями, которые потребуютъ отъ нихъ одинакой покорности. Мы видѣли, съ какимъ восхищеніемъ Новгородцы приняли сына Гедиминова, думая обрѣсти въ немъ надежнаго защитника; но Наримантъ даромъ ѣлъ хлѣбъ Новгородскій, уѣхалъ въ Литву, оставивъ намѣстниковъ въ своихъ городахъ, и не явился, когда Новгородцы, нуждаясь въ защитѣ, призывали его [274]. Псковъ сдѣлалъ было также попытку принять къ себѣ сына Олгердова, и столь же неудачно. Самъ Олгердъ посту-

пилъ еще хуже съ Новгородомъ: узнавъ, что прежній посадникъ, Евстаѳій Дворянинецъ отзывался объ немъ въ неучтивыхъ выраженіяхъ, онъ явился съ огромнымъ войскомъ въ предѣлахъ Новгородскихъ, взялъ на щитъ два города, и съ двухъ другихъ собралъ окупъ [275].

Новгородъ хотѣлъ существовать независимо отъ Москвы, по старинѣ, особѣ, свой обычай имѣть. Онъ достигъ своей цѣли: Русь, отказываясь все болѣе и болѣе отъ стараго обычая, все болѣе и болѣе соединялась въ одно могущественное тѣло, съ одною главою, съ однимъ обычаемъ, и враждебно смотрѣла на Новгородъ, который чуждался ея, не хотѣлъ жить съ нею одною жизнію. Московскіе князья соглашались на условія, имъ предлагаемыя, утверждали граматы прежнихъ князей, но за то исключали Новгородъ изъ своихъ владѣній, смотрѣли на него какъ на владѣніе самостоятельное. Если Новгородъ хотѣлъ быть вольнымъ и самостоятельнымъ, то онъ долженъ былъ поддерживать эту самостоятельность собственными силами; если же не могъ существовать безъ помощи другихъ городовъ Русскихъ, то долженъ былъ слиться съ ними въ одно государство. Согласно ли было съ честію князя Московскаго ходить съ полками своими въ отдаленные предѣлы Финляндіи, продавать кровь своихъ подданныхъ за Новгородскія гривны, быть наемникомъ старыхъ вѣчниковъ? Было время, когда князья были предводителями дружинъ; тогда они охотно брались защищать богатые города, не обращая большаго вниманія на свои отношенія къ гражданамъ; но теперь князь становился уже главою государства, теперь онъ былъ обязанъ защищать только своихъ подданныхъ, а Новгородцы не хотѣли быть подданными В. Князя; у нихъ Государемъ былъ В. Новгородъ: зачѣмъ же имъ были нужны полки Московскіе? И сынъ Калиты не намѣренъ былъ посылать ихъ на защиту города, который толковалъ только о старинѣ и прошедшемъ, когда Москва направляла Русь къ ея великому будущему. Симеонъ недѣятельно помогалъ Новгороду войсками противъ Шведовъ [276], ибо Новгородъ помогалъ Москвѣ только деньгами, насильно взятыми.

Симеонъ умеръ. Мы видѣли, что Новгородцы единственнымъ средствомъ къ поддержанію своей старины считали борьбу между князьями, дававшую имъ возможность перехода отъ одного къ другому, болѣе уступчивому; мы видѣли какъ они, желая изба-

виться отъ Твери, поддерживали князя Московскаго и отправляли пословъ своихъ въ Орду для ходатайства за послѣдняго. Теперь Москва стала для нихъ тѣмъ же, чѣмъ была прежде Тверь; Новгородцамъ необходимо было найти соперника Князю Московскому. Наслѣдникъ Симеона былъ сильнѣйшимъ изъ князей, и слѣд. самымъ опаснымъ для Новгородцевъ: они послали въ Орду просить и задаривать Хана, чтобъ отдалъ В. Княженіе Константину Суздальскому, какъ отдаленнѣйшему и слабѣйшему [277]. Но Ханъ не послушался ихъ и отдалъ великокняженіе брату Симеонову, Іоанну. Новый В. Князь, оскорбленный столь явнымъ недоброжелательствомъ, хотѣлъ было идти на Новгородъ войною; но, любя миръ, послушался ходатайства князя Суздальскаго, и склонился на предложеніе Новгородцевъ, послать къ нимъ намѣстниковъ на прежнихъ условіяхъ [278]. По смерти Іоанна исполнилось желаніе Новгородцевъ: Ханъ далъ ярлыкъ Димитрію Константиновичу Суздальскому; намѣстники новаго князя были приняты радушно, и старыя условія подтверждены. Но радость Новгородцевъ была непродолжительна. Пользуясь смутами въ Ордѣ, малолѣтный князь Московскій выходилъ себѣ ярлыкъ; князь Суздальскій безъ помощи Хана не могъ противиться сильной Москвѣ; могъ ли противиться ей Новгородъ? Его молодежь грабила иностранныхъ купцовъ, вредила торговлѣ: Димитрій Московскій объявилъ было войну Новгородцамъ, но согласился на миръ по старинѣ, имѣя враговъ сильныхъ [279]. Михаилъ Тверской вздумалъ возобновить знаменитую борьбу дѣда своего съ Москвою, позабывъ, что обстоятельства уже были не тѣ: Георгій дѣйствовалъ только съ помощію Татарскою, Димитрій собственными силами, и силы Москвы превышали Тверскія. Новгородъ въ этой борьбѣ возобновилъ прежнее поведеніе, признавая то того, то другаго князя, смотря по тому, на чьей сторонѣ былъ успѣхъ. Но въ борьбѣ сильныхъ невыгода всегда на сторонѣ нейтральнаго слабаго: такъ въ 1372 году Михаилъ, озлобленный отпаденіемъ Новгорода на сторону Димитрія, взялъ и страшнымъ образомъ опустошилъ Торжокъ [280]. Въ 1375 Новгородцы, желая отомстить злому сосѣду, примкнули войска свои къ полкамъ князя Московскаго и были свидѣтелями опустошенія Тверской области и смиренія Михаила, принужденнаго заключить миръ на всей волѣ В. Князя и Новгородской [281]. Димитрій былъ доволенъ усердіемъ Новгородцевъ, и въ слѣдующій годъ принялъ съ большею ласкою и почестями Владыку ихъ Алексѣя [282]. Въ знаменитый 1380 годъ Владыка со многими зна-

тными гражданами снова явился въ Москву по дѣламъ своего города. В. Князь, слыша ополченіе Мамая, не хотѣлъ и не могъ ссориться съ Новгородцами: онъ съ любовію принялъ пословъ и цѣловалъ крестъ на всей старинѣ Новгородской [283]. Мамай нахлынулъ; новая, собранная Москвою Русь стала подъ Московскія знамена; были ли тутъ Новгородцы? Мы увидимъ, какъ они будутъ просить у грознаго Іоанна III послѣдней милости — не посылать войскъ своихъ на защиту Россіи; договариваясь съ Димитріемъ на всей волѣ своей, неужели они позабыли это условіе? Какъ бы то ни было, лѣтописи, не исключая и Новгородской, молчатъ объ участіи Новгородцевъ въ Куликовской битвѣ [284]. Не научившись изъ примѣра Парманта, они продолжали принимать Литовскихъ князей на кормленіе; но эти князья приносили въ Новгородъ не нарядъ, а большія смуты. Въ 1383 году Патрикій Нариантовичь получилъ отъ Новгородцевъ на кормленіе нѣсколько пригородовъ; въ слѣдующемъ году жители послѣднихъ пріѣхали съ жалобою на пришольца; городъ раздѣлился: одна часть стала за пригороды, другая за князя; два вѣча, одно на дворѣ Ярослава, другое у Св. Софіи, готовы были оружіемъ рѣшить споръ, но Богъ сохранилъ отъ междоусобія, говоритъ лѣтописецъ: положено было перемѣнить князю пригороды [285]. Наконецъ князь Московскій рѣшился напомнить о себѣ Новгородцамъ: въ 1386 году онъ явился съ страшнымъ ополченіемъ подъ стѣнами ихъ города, разгнѣвавшись за то, что вольница Новгородская разграбила Кострому и Нижній. Опустошивъ область, поплѣнивъ жителей, заставивъ Новгородцевъ изъ опасенія осады выжечь всѣ предмѣстія, В. Князь согласился на миръ, взявъ 8,000 рублей за вину грабителей [286], и оставивъ памятные слѣды своего гнѣва, которые принуждали вольныхъ людей искать себѣ защитника отъ угрозъ Московскихъ. Въ годъ смерти Донскаго (1389) явился къ нимъ Симеонъ-Лугвеній Олгердовичь, который далъ запись брату своему Ягайло не отступаться съ людьми В. Новгорода отъ Короля Польскаго [287]: но Лугвеній былъ дурнымъ *опекальникомъ* В. Новгорода, Московскіе Князья не преставали тѣснить вольныхъ людей. Донской наложилъ на Новгородъ тяжкую пеню за разбои его вольницы: сынъ Донскаго ходилъ войною на вѣчниковъ за покушеніе ихъ освободиться отъ власти Митрополита Московскаго. Мы видѣли, что Новгородцы, любя особность, однимъ изъ главныхъ условій своихъ съ В. Князьями ставили, чтобы не звать

ихъ къ суду въ Низовые города. Въ 1385 году они вздумали пріобрѣсть тоже право и въ отношеніи къ суду церковному: торжественно положили на вѣчѣ не ѣздить въ Москву на судъ Митрополита, но разбираться у своихъ Архіепископовъ [288]. Это покушеніе должно было озаботить князя Московскаго гораздо болѣе, чѣмъ волжскіе разбои; ибо при спорахъ князей за первенство, Новгородцы могли выбирать между соперниками: но Митрополитъ былъ единственнымъ верховнымъ пастыремъ церкви Русской; при раздробленіи Руси на нѣсколько отдѣльныхъ независимыхъ владѣній, при изчезновеніи прежнихъ родственныхъ отношеній между князьями, при превращеніи удѣловъ въ независимыя В. Княжества, единство Руси всего сильнѣе поддерживалось единымъ Митрополитомъ; Москва не была старшимъ столомъ во всей Руси, какъ прежде Кіевъ, ибо Рязань, Тверь и Нижній имѣли также князей великихъ; Владиміръ все еще имѣлъ притязаніе на первенство между городами сѣверной Руси и, по слову Хана, могъ примкнуть къ Твери, Рязани или Нижнему; однако постоянное пребываніе Митрополита въ Москвѣ сообщало ей характеръ главнаго города Руси. Умные князья Московскіе очень хорошо цѣнили эту выгоду, очень хорошо понимали, что зависѣть отъ Митрополита значило зависѣть отъ Москвы, и потому такъ усердно стояли за нераздѣльность Русской Митрополіи. Вотъ почему Московскій князь не могъ позволить Новгородцамъ отложиться отъ суда Митрополичьяго. Въ 1391 году Митрополитъ Кипріанъ отправился въ Новгородъ и много уговаривалъ гражданъ его подрать грамоты, въ которыхъ они обязались не ходить къ нему на судъ: убѣжденія остались тщетны. Въ 1393 году В. Князь Василій извѣстилъ Новгородцевъ, чтобы отдали Митрополиту этѣ грамоты, получилъ отказъ, и вооружился. Съ обѣихъ сторонъ было много кровопролитія, говоритъ лѣтописецъ, и Новгородцы принуждены были наконецъ уступить требованію В. Князя [289]. Но послѣдній очень хорошо видѣлъ, что и зависимость отъ Митрополита, въ Москвѣ живущаго, не можетъ служить вѣрнымъ ручательствомъ за постоянную зависимость Новгорода отъ Москвы, въ то самое время, когда главою Литовской Руси явился могущественный Витовтъ. Уже и во время такъ называемаго удѣльнаго періода, обѣ Руси вступали въ кровавые бои за Новгородъ, но тогда у нихъ были различныя цѣли: Русь новая хотѣла сравнять старый городъ съ пригородами, Русь старая хотѣла поддержать величіе стараго горо-

да. Теперь снова сошлись обѣ Руси у В. Новгорода, но обѣ съ одною цѣлію: хитрый Витовтъ не хочетъ, подобно Мстиславамъ, поддержать вольности Новгородскія противъ Москвы — нѣтъ, подобно князю Московскому, онъ хочетъ присоединить Новгородъ къ своимъ владѣніямъ; но оба властителя боятся вступить въ бой рѣшительный: нѣсколько разъ полки ихъ сходятся и расходятся безъ битвы; они ждутъ отъ Новгорода рѣшенія, и точно Новгородъ въ это время могъ рѣшить судьбу Россіи, поддавшись Литвѣ съ своею огромною областію. Витовтъ требуетъ этого подданства, Новгородъ не соглашается, пользуется опасеніемъ, медлительностію обоихъ противниковъ для продленія своего стараго быта: „мы съ Москвою въ мирѣ, съ Витовтомъ въ мирѣ, съ Нѣмцами въ мирѣ [290],“ говорятъ они В. Князю Московскому. Василій очень хорошо понималъ, что такое благоразуміе не надежно и невыгодно для Москвы, что вѣче можетъ раздѣлиться между Литвою и Москвою, что въ междоусобной битвѣ между концами В. Новгорода сторона Литовская можетъ пересилить Московскую, Новгородъ поддастся со всею своею областію Витовту, и тогда будетъ ли возможность Москвѣ бороться съ послѣднимъ? Свѣдавъ, что Витовтъ требуетъ подданства отъ Новгорода, Василій рѣшился предупредить его [291]. Отложеніе одного Новгорода съ его вѣчемъ, не могло быть тяжкою потерею для Москвы, если бы его обширныя владѣнія остались за нею; Василій очень хорошо понималъ, что, захвативъ заволоцкія владѣнія, онъ заставитъ Новгородъ быть въ зависимости отъ Москвы, ибо его богатство зависѣло отъ безпрепятственной торговли въ томъ краю: такъ предки Василія, начиная съ Долгорукаго, заставляли Новгородъ отлагаться отъ князей южной Руси, такъ и Василій хотѣлъ заставить его прервать сношеніе съ Витовтомъ. Оставивъ В. Князя Литовскаго договариваться съ Новгородскимъ вѣчемъ, онъ послалъ воеводъ своихъ въ Двинскую область, предложить жителямъ ея добровольное подданство Московскому Князю. Двиняне согласились. Тогда В. Князь занялъ Волокъ, Торжокъ, Вологду, Бѣжецкій Верхъ, со всѣми ихъ волостями, и сложилъ съ себя крестное цѣлованіе. Устрашенные такимъ поступкомъ Новгородцы прервали сношеніе съ Витовтомъ [292] и послали въ Москву просить мира на старинныхъ условіяхъ. В. Князь, довольный своимъ богатымъ примысломъ, не согласился возвратить его, и думая, что Новгородцы не осмѣлятся на вторичное завоеваніе потеряннаго, пренебрегъ послать достаточное подкрѣпленіе въ

захваченныя области, однако обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Новгородцы, не успѣвъ ничего мирными предложеніями, рѣшились дѣйствовать силою и послали на Двину посадника Тимофея Юрьевича, который и успѣлъ возвратить все потерянное. Тогда Василій увидалъ, какъ еще трудно для Москвы удерживать столь отдаленныя владѣнія, и потому, при вторичной просьбѣ со стороны Новгородцевъ, явился снисходительнѣе: удовольствовавшись прерваніемъ сношеній съ Витовтомъ, онъ отказался отъ Новгородскихъ земель и заключилъ миръ по старинѣ [293].

В. Князь былъ раздраженъ неудачею своего намѣренія; при этомъ онъ не могъ забыть, что однимъ изъ главныхъ виновниковъ ея былъ Архіепископъ Іоаннъ, благословившій Новгородцевъ на походъ для возвращенія отнятыхъ волостей [294]. Василій жаловался Митрополиту на вмѣшательство духовнаго пастыря въ политическія дѣла паствы, и Митрополитъ, вызвавъ Іоанна, обличилъ его въ недостаткѣ смиренія, заставилъ отказаться отъ Епископіи и болѣе трехъ лѣтъ не пускалъ въ Новгородъ [295]. Въ то же время В. Князь свѣдалъ, что не смотря на миръ съ Новгородомъ, непріязненныя дѣйствія не прекращаются на Двинѣ между областными начальниками Московскими и Новгородскими. Московскіе намѣстники сами доставляли себѣ управу въ обидахъ, Новгородскими посадниками причиняемыхъ; послѣдніе платили тѣмъ же. В. Князь, съ своей стороны, не упускалъ случая показывать жителямъ областныхъ городовъ свою власть и безсиліе Новгорода: такъ въ 1401 году онъ послалъ въ Торжокъ схватить двоихъ непріязненныхъ ему гражданъ и взять ихъ имѣніе даже изъ церкви [296].

Въ 1408 году явился въ Новгородѣ намѣстникомъ братъ великокняжескій Константинъ Дмитріевичь. Неизвѣстно долго ли былъ Константинъ въ Новгородѣ, но подобно тому, какъ одноименный предокъ его Константинъ Всеволодовичь, поживъ въ Новгородѣ, и потомъ въ старомъ Ростовѣ, напитался тамъ стараго духу, и Константинъ Дмитріевичь возвратился изъ Новгорода со старыми понятіями о правахъ дядей предъ племянниками: онъ возсталъ противъ воли В. Князя, хотѣвшаго, чтобъ всѣ братья его, по примѣру Владиміра Храбраго, присягнули служить племяннику Василью, былъ лишенъ за сопротивленіе удѣла и понесъ свои старыя права въ городъ, крѣпко стоявшій за старину. Новгородцы съ радостію приняли изгнан-

ника [297]: вражда въ семействѣ Московскаго князя обѣщала имъ долговременныя междоусобія и возможность выбора между противниками. Съ какою честію Константинъ былъ принятъ въ Новгородѣ, съ такою же и отпущенъ обратно [298]: Новгородцы на него надѣялись. Этимъ событіемъ лѣтопись оканчиваетъ Исторію отношеній Новгорода къ В. Князю въ правленіе сына Димитріева. Въ слѣдующее княженіе Новгородъ, предъ кончиною своего народовластія, былъ порадованъ возобновленіемъ княжескихъ усобицъ. Во время войны Василія съ дядею Юріемъ Новгородцы были предоставлены самимъ себѣ, и едва не были покорены Витовтомъ, вошедшимъ въ область ихъ съ многочисленнымъ войскомъ; тяжкій выкупъ въ 10,000 рублей спасъ ихъ отъ Литвы [299]. Въ смутахъ Московскихъ они слѣдовали правилу признавать побѣдителя, но между тѣмъ принимать къ себѣ побѣжденнаго на случай вражды съ первымъ. Такъ въ 1435 году нашелъ въ Новгородѣ убѣжище Василій Васильевичь, въ томъ же году явился тамъ противникъ его Василій Юрьевичь [300]. Но управившись съ Косымъ, Василій показалъ Новгородцамъ, что онъ отчичь и дѣдичь на Московскомъ престолѣ, прямой наслѣдникъ своихъ предковъ. Еще угрожаемый безпокойнымъ Юрьевичемъ, В. Князь заключилъ рядъ съ Новгородомъ на томъ условіи, что ему отступиться отъ Новгородскихъ волостей, а Новгородцамъ отъ великокняжескихъ, и послать бояръ для размежеванія границъ. Новгородцы въ назначенный срокъ отправили бояръ, которые однако тщетно дожидались посланцевъ Василія [301]: преемникъ Калиты зналъ свою наслѣдственную обязанность — собирать землю Русскую, и потому не хотѣлъ размежевываться съ Русскими владѣніями. Въ 1440 году, по примѣру дѣда и отца, Василій рѣшился показать своимъ полкамъ дорогу къ Новгороду. Узнавъ о походѣ, Новгородцы, по старому обычаю, отправили Архіепископа и бояръ просить о мирѣ: они удержали старину, давъ за нее выкупа 8,000 рублей [302]. Съ одной стороны Московскій князь приходилъ съ войскомъ за тяжелыми данями, съ другой Нѣмцы и Тверичи грабили Новгородскія волости: дорого начали обходиться Новгороду его особность и вольность; для ихъ обороны они безпрестанно нанимали Князей Русскихъ и Литовскихъ; но прошла пора наемныхъ князей и дружинъ: слабые наемники оставались въ Новгородѣ не долго, когда не имѣли еще удѣла постояннаго; владѣтели сильные требовали прочнаго подданства. Въ 1444 году Казимиръ Литовскій повторилъ предложеніе Витовта о подданствѣ; Нов-

городцы отказались [302]: перемѣна не приносила никакой выгоды. Скоро возобновленіе смутъ и междоусобій въ Москвѣ подало имъ надежду снова выбирать изъ соперниковъ любаго князя на всей волѣ своей. Шемяка, выгнавъ Василія, но не полагаясь на прочность своей власти, договорился съ Новгородомъ на всей волѣ его; Василій, въ свою очередь, взявши перевѣсъ надъ Шемякою, не угрожаемый еще замыслами послѣдняго, подтвердилъ договоръ врага своего. Новгородцы отдохнули; притомъ у нихъ еще оставался выборъ: Шемяка не отказывался отъ В. Княженія [304] и потому находилъ всегда прибѣжище въ Новгородѣ: здѣсь и умеръ онъ, послѣдній двойникъ В. Князя, необходимый для поддержанія стараго быта Новгородскаго. По смерти Шемяки Новгородцамъ не оставалось болѣе выбора въ Московскихъ владѣніяхъ; оставался только выборъ между Москвою и Литвою: увидимъ, былъ ли онъ для нихъ удаченъ. Василій, освободившійся отъ Шемяки, рѣшился разгромить притонъ всѣхъ враговъ В. Князя, всѣхъ усобниковъ Русской земли, разгромить городъ, который держался междоусобіями, питался ими, питался кровію Русскою. Въ 1456 году В. Князь двинулъ сильную рать. Новгородцы въ своихъ сношеніяхъ съ В. Князьями любили говорить о старинѣ, но теперь они сами забыли её; теперь В. Князь долженъ былъ напоминать имъ о старинѣ. Старинные договоры, въ соблюденіи которыхъ клялись дѣды и отцы, говорили, что князю принадлежитъ право раздавать грамоты, хотя не безъ посадника [305]. Но вдругъ вѣче вздумало отнять это право у князя, вздумало само раздавать грамоты [306]. Это уже была не старина! Великій Князь вступился за свое право. Обезопасивъ себя со стороны Литвы обѣщаніемъ Казиміра не вступаться въ Новгородскія дѣла [307], онъ выступилъ въ походъ. Узнавъ, что полки со всѣхъ сторонъ собираются въ Волокѣ, Новгородцы, по обычаю, послали просить мира на старыхъ условіяхъ; В. Князь отвергнулъ просьбу, войско его заняло Русу: надобно было сражаться. Московскій отрядъ, состоявшій только изъ 200 человѣкъ, встрѣтилъ 5,000 конныхъ Новгородцевъ; искусные вожди великокняжескіе — Стрига и Басенокъ велѣли стрѣлять не по людямъ, а по лошадямъ: не умѣя владѣть ни бѣшеными животными, ни длинными копьями, Новгородцы, не взирая на свою многочисленность, потерпѣли совершенное пораженіе. Вѣсть объ немъ навела ужасъ на городъ: вѣче упросило Архіепископа отправиться въ станъ В. Князя и вымолить миръ на всевозможныхъ условіяхъ [308]. Василій согласился: онъ взялъ съ Новгорода 8,500 рублей, вмѣстѣ съ

обязательствомъ платить черную дань, не утаивать виръ и пошлинъ; новизна Новгородская — вѣчевыя грамоты были отмѣнены; печать В. Князя смѣнила городскую; наконецъ граждане поклялись не вмѣшиваться въ междоусобія княжескія, не принимать къ себѣ враговъ Василія и его сына [309]. Что оставалось Новгородцамъ послѣ такихъ условій? Въ Суздальской землѣ, какъ они продолжали именовать новую Русь [310], теперь одинъ В. Князь; Тверской и Рязанской, по своему относительному безсилію, готовы стать его подручниками или отказаться отъ своихъ владѣній; въ семействѣ Московскаго Князя утвердился надолго миръ; смерть Василія не произведетъ ни какой перемѣны: Іоаннъ уже давно именуется В. Княземъ; Татары уже не вступаются въ дѣла князей, ихъ ярлыки не дѣйствительны; послѣдній походъ показалъ Новгородцамъ ихъ безсиліе предъ полками Московскими: теперь эти полки постоянно будутъ готовы устремиться къ Новгороду, ибо не будутъ болѣе заняты усобицами. Новгородцы понимали всю трудность своего положенія, что произвело въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неукротимую ненависть къ Московскому Князю. Въ 1460 году Василій съ сыновьями—Юріемъ и Андреемъ —поѣхалъ въ Новгородъ: вѣчники начали сговариваться какъ бы умертвить его и съ дѣтьми; намѣреніе не было приведено въ исполненіе только потому, что Архіепископъ представилъ всю его безполезность: съ Василіемъ не было старшаго сына — соправителя, смерть стараго князя могла бы только возбудить всеобщую ненависть къ Новгородцамъ, навлечь на нихъ страшную месть Іоанна [311], который и безъ того уже исчислялъ въ умѣ своемъ всѣ ихъ старые неправды. Онъ понималъ близость минуты рѣшительной, предвидѣлъ, что наступаетъ время рѣшительнаго боя между Москвою и Литвою за Новгородъ; но на сторонѣ Москвы былъ могущественный союзникъ, которымъ Литва безумно пренебрегала: этотъ союзникъ былъ — Православіе. Витовтъ хотѣлъ-было ослабить этотъ союзъ раздѣленіемъ Митрополіи, но раздѣленіе мало помогло при Католицизмѣ его преемниковъ: иновѣрная Литва заслоняла единовѣрный Кіевъ. Осторожный Іоаннъ видѣлъ однако опасность и, какъ умный вождь, старался —какъ можно болѣе укрѣпить слабое мѣсто. До насъ дошла грамота его къ Новгородскому Владыкѣ Іонѣ, въ которой онъ убѣждаетъ его быть вѣрнымъ своему обѣту — зависѣть только отъ Москвы и не имѣть никакого сообщенія съ Митрополитомъ Кіевскимъ Григоріемъ [312]: „Тебѣ извѣстно“ пишетъ В. Князь къ Архіепископу: „откуда пришелъ этотъ Григорій и

„отъ кого поставленъ: пришелъ онъ изъ Рима, отъ Папы, и по„ставленъ въ Римѣ же бывшимъ Цареградскимъ Патріархомъ Гри„горіемъ, который повиновался Папѣ съ осьмаго Собора. Ты знаешь „также, за сколько лѣтъ раздѣлилась Греческая Церковь отъ Латин„ской, и Святыми Отцами утверждено, чтобъ не совокупляться „съ Латинствомъ. Послышавъ о приходѣ самозванца Григорія, „отецъ мой писалъ къ Королю: не принимай Митрополита отъ „Рима, когда еще живъ нашъ общій отецъ Іона, и не нарушай „нашей старины, а старина эта идетъ отъ нашего прародителя, „В. Князя Владиміра; отъ него и до послѣдняго времени из„браніе Митрополита принадлежало нашимъ предкамъ, а не В. „Князьямъ Литовскимъ; кто будетъ намъ любъ, тотъ будетъ у „насъ на всей Руси, а отъ Рима Митрополиту у насъ не бы„вать. — Король не послушалъ словъ отца моего, не внялъ „правдѣ и старинѣ, и раздѣлилъ Церковь Божію. Долженъ ли я „напоминать тебѣ, отецъ мой, объ обѣтахъ, данныхъ тобою тро„имъ Митрополитамъ: Іонѣ, Ѳеодосію и Филиппу, объ обѣтѣ — „не отступать отъ Москвы? Такъ, если тотъ Григорій начнетъ „подсылать къ тебѣ или къ Новгородцамъ съ какими-нибудь рѣ„чами или письмами, то ты, богомолецъ нашъ, поберегись, и „своимъ дѣтямъ внуши, чтобъ Григорьеву посланію не вѣрили, „рѣчей его не слушали и даровъ не принимали; а ты, отецъ „мой, помни свой обѣтъ, данный Митрополиту Іонѣ и его пре„емникамъ.“ — Такъ Іоаннъ старался внушить Новгородцамъ, чтобъ они, слѣдуя своему обычаю, сохранили старину, что эта старина сохраняется только въ Москвѣ, а что въ Кіевѣ вводятся новизны, что тамъ сообщаются съ Латинствомъ; онъ зналъ, что если любовь къ религіозной старинѣ и не удержитъ совершенно Новгородъ отъ попытки поддаться Литвѣ, то, по крайней мѣрѣ, возбудитъ негодованіе къ отступничеству хотя въ половинѣ гражданъ, и тѣмъ облегчитъ успѣхъ Московскаго оружія.

Вскорѣ по смерти отца Іоаннъ свѣдалъ о неисполненіи Новгородцами условій. Мы видѣли, къ какому порядку вещей привыкли они въ періодъ времени отъ смерти Мстислава В. до Іоанна III: при первомъ неудовольствіи на лице правительственное являлось шумное вѣче съ требованіемъ смѣны чиновника, возбудившаго народное негодованіе; послѣ, когда которы княжескія дали Новгороду возможность выбора между многими князьями, и сами князья стали подвергаться подобной же участи: отсюда Новгородцы получи-

ли привычку громко изъявлять свое неудовольствіе на поступки князя, или его намѣстника. Отъ этой привычки они не могли отстать и послѣ похода Темнаго: лѣтописецъ говоритъ, что они присылали съ вѣча на городище многихъ людей съ укорою намѣстникамъ В. Князя [313]; послѣдній видѣлъ въ этомъ поступкѣ нарушеніе условія: держать имя его честно и грозно [314]. Далѣе: однимъ изъ условій, съ Василіемъ Темнымъ заключенныхъ, Московскіе подданные, тяжущіеся съ Новгородцами, судились Новгородскимъ бояриномъ вмѣстѣ съ Московскимъ, и въ случаѣ несогласія судей дѣло оставлялось до пріѣзда В. Князя или его ближайшаго родственника [315]. И это условіе было нарушено: двое князей, неизвѣстно какихъ, отказались удовлетворить принесенной на нихъ жалобѣ, ссылаясь на право Московскихъ подданныхъ, въ случаѣ несогласія судей, дожидаться рѣшенія В. Князя или кто вмѣсто его будетъ въ городѣ; вѣче пренебрегло условіемъ, схватило силою обоихъ князей, повело ихъ съ городища въ городъ, людей ихъ схватили, мучили, многихъ убили [316]. Наконецъ порубежныя несогласія не прекращались и рѣшались силою; судебныя пошлины затаивались, по прежней привычкѣ, въ размежеваніи границъ было поступлено несправедливо [317]. Что же дѣлалъ В. Князь? Отъ чего онъ, по примѣру отца, дѣда и прадѣда, не отправился вдругъ съ многочисленнымъ войскомъ требовать возстановленія своихъ правъ и взять пеню за вину Новгородцевъ? Между положеніемъ Іоанна и положеніемъ предковъ его была большая разница: Іоанну предстоялъ послѣдній, рѣшительный шагъ, ибо онъ хорошо видѣлъ, что продолженіе стараго Новгородскаго быта не совмѣстно съ бытомъ Московскимъ; Новгородъ зналъ это также; оба — В. Князь и Новгородъ боялись приступить къ дѣлу, и ждали, кто начнетъ. Начать первому было несообразно съ необыкновенно-осторожнымъ характеромъ Московскаго Князя; онъ медлилъ по разсчету или нѣтъ, все равно, по крайней мѣрѣ эта медленность послужила ему гораздо болѣе, чѣмъ рѣшимость. Мы видѣли, что Новгороду оставалось на выборъ: или покориться безусловно властителю Московскому на всей волѣ его, т. е. на всемъ обычаѣ Московскомъ, или попытаться — стать яблокомъ раздора между двумя В. Князьями — Московскимъ и Литовскимъ, возобновить споръ между старою и новою Русью, и по прежнему воспользоваться этимъ споромъ. Образовалась сторона, склонная къ такой попыткѣ, готовая для сохраненія старыхъ правъ дерзнуть на новизну; въ челѣ этой стороны была знаменитая фамилія Бо-

рецкихъ, старшинство въ которой принадлежало тогда женщинѣ, умѣвшей поддержать его — славной Мароѣ. Сторона Борецкихъ, видя нарушеніе условій со стороны Новгородцевъ, и принимая вѣроятно въ немъ самое дѣятельное участіе, съ нетерпѣніемъ ждала рѣшительнаго шага отъ В. Князя. Многочисленные полки Московскіе подъ стѣнами Новгорода и грозныя требованія Іоанновы были бы для нея самыми лучшими средствами показать народу необходимость Литовскаго покровительства; необходимость сохраненія прежнихъ правъ побѣдила бы отвращеніе къ Латинскому государю, требованія В. Князя, нарушавшія старину, дали бы Новгородцамъ право также нарушить её съ своей стороны: тогда какъ отложиться вдругъ, безъ всякаго повода со стороны Москвы, значило первымъ нарушить старину, наложить на себя пятно измѣны, облечь В. Князя величіемъ правды въ глазахъ всей Россіи и большей части собственныхъ согражданъ. Только необходимость могла рѣшить сторону Борецкихъ на послѣднее. В. Князь довелъ её до этой необходимости. Новгородцы нарушили условія: Іоаннъ посылалъ къ нимъ съ увѣщаніемъ, чтобъ держались старины [318]: необыкновенное искусство пользоваться обстоятельствами! До сихъ поръ въ отношеніи къ В. Княземъ Новгородцы имѣли важное преимущество дѣйствовать во имя старины; теперь, замышляя подданство Литовское, они теряли это преимущество, которое переходило на сторону В. Князя. Сперва Новгородцы не требовали отъ Князей ничего болѣе, кромѣ подтвержденія старинныхъ условій; теперь В. Князь требуетъ отъ Новгородцевъ сохраненія старины. Пріѣхалъ посолъ отъ Новгорода, Посадникъ Василій Ананьинъ, билъ челомъ В. Князю о земскихъ дѣлахъ, а о прежнихъ требованіяхъ его ни слова: Новгородъ не обратилъ на нихъ вниманія и ничего не приказалъ послу. Іоаннъ поручилъ Ананьину напомнить опять гражданамъ о старинѣ [319], и ждалъ отвѣта. Смерть Архіепископа, казалось, случилась нарочно для того, чтобъ помочь обѣимъ сторонамъ выдти изъ нерѣшительнаго положенія. Новгородцы, при избраніи новаго Владыки, поступили по старинѣ: бросили жребій, который палъ на инока Ѳеофила [320]. Но теперь предстоялъ вопросъ: куда послать его на поставленіе? Старина требовала держаться Православной Москвы, за нёе стояло большинство народонаселенія, люди съ вліяніемъ сильнымъ; но съ Московскимъ Княземъ Новгородъ былъ въ разладѣ, сторонѣ Литовской представлялся тогда самый благопріятный случай приступить къ исполненію своего замысла: они

могли разсчитывать, что В. Князь воспользуется обстоятельствами наказать Новгородъ безъ оружія, и какъ предки его мстили Новгородцамъ, заставляя ихъ сидѣть безъ князя, такъ онъ заставитъ ихъ сидѣть безъ Архіепископа: тогда всего легче будетъ убѣдить раздраженный народъ, что у него есть еще возможность выбора, что въ старославномъ Кіевѣ есть также Митрополитъ [321], который можетъ поставить имъ Архіепископа, что въ старой Руси есть также В. Князь, который можетъ защищать ихъ отъ притѣсненій Московскаго: крайность оправдывала новизну, давала ей видъ справедливости. Вотъ почему сторона Борецкихъ не приступала къ дѣлу до посольства въ Москву съ просьбою опаса для избраннаго Владыки: она ждала отъ В. Князя перваго шага, но Іоанна нельзя было перехитрить. Онъ принялъ посла съ честію, увѣрилъ въ готовности своей исполнить желанія Новгородцевъ и — снова напомнилъ о старинѣ, прибавя, что не только готовъ свято исполнять прежніе условія, но даже отступиться отъ нѣкоторыхъ своихъ требованій въ пользу Новгорода [322]. Разсчетъ былъ вѣренъ; Іоаннъ своею снисходительностію или поражалъ, обезсиливалъ Литовскую сторону, показывалъ безполезность, неосновательность ея опасеній и требованій, или выводилъ её изъ терпѣнія, заставлялъ приступить къ дѣлу при всѣхъ невыгодахъ ея положенія. Сбылось послѣднее. Большинство умѣреннѣйшихъ гражданъ, узнавъ объ отвѣтѣ В. Князя, обрадовалось его миролюбивому расположенію [323]; планы Борецкихъ рушились: надобно было дѣйствовать силою и рѣшительно, надобно было вынудить согласіе вѣча на отложеніе отъ Москвы. Природа вѣча давала къ тому легкія средства: стоило только обратиться къ людямъ, которые за деньги готовы предаться кому угодно, къ этимъ нечистымъ, вреднымъ членамъ общества, которые питаются междоусобіями, плотію и кровію согражданъ [324]; богатство Борецкихъ и друзей ихъ, увеличенное сокровищами казны архіепископской, обезпечивало торжество Литовской стороны надъ противниками [325]. Наемники Борецкихъ явились на площадяхъ и завопили о притѣсненіяхъ Москвы, о золотой волѣ подъ покровительствомъ Казиміра Литовскаго; представители стороны противной тщетно напоминали о священной старинѣ: наемники Борецкихъ камнями заставляли молчать Московскихъ приверженцевъ [326]. Не смотря на дурное поведеніе Литовскихъ князей въ отношеніи къ Новгороду, не смотря на недавній примѣръ послѣдняго изъ нихъ, Михаила Олельковича, который, возвращаясь изъ Новгорода, ограбилъ Ру-

су [327], на вѣчѣ положено было отправить посольство въ Литву съ предложеніемъ Казиміру подданства отъ людей вольныхъ, слѣд. на всей волѣ ихъ [328]; они предложили Казиміру условія, давно намъ извѣстныя, тѣже самыя, которыя были предлагаемы всѣмъ князьямъ Русскимъ, начиная, быть можетъ, со Всеволода Мстиславича. Прибавлено было только, чтобъ намѣстникъ королевскій былъ православнаго исповѣданія, чтобъ король не посягалъ на перемѣну православія, не ставилъ Римскихъ церквей въ областяхъ Новгородскихъ, касательно суда не дѣлалъ различія между Новгородцемъ и Литвиномъ, оборонялъ Новгородъ отъ Московскихъ нападеній, наконецъ для утишенія негодованія преданной старинѣ партіи, выговорена была свобода въ выборѣ между Московскимъ и Кіевскимъ Митрополитами [329]. Но это не помогло: подданство иновѣрному властителю было сочтено измѣною православію; такъ думали всѣ въ областяхъ Московской Руси, что видно изъ словъ лѣтописцевъ [330], такъ думали и въ самомъ Новгородѣ; Іоаннъ достигалъ своей цѣли — онъ шелъ на Новгородъ, имѣя въ стѣнахъ его многочисленныхъ союзниковъ во всѣхъ гражданахъ, приверженныхъ къ старинѣ и православію. Для большаго подкрѣпленія этого союза Іоаннъ послалъ въ Новгородъ Ивана Товаркова сказать гражданамъ, что вся правда на его сторонѣ, что они не могутъ пожаловаться ни на одинъ его насильственный поступокъ, что онъ свято сохранялъ старину и условія, что они сами нарушили ихъ, сами вызываютъ мщеніе праведное [331]. Митрополитъ писалъ тоже самое: грозилъ казнію небесною за отступничество [332]. Никогда Новгородъ не находился еще въ столь затруднительномъ положеніи, ибо граждане его были лишены нравственной опоры, которая заключается въ сознаніи своей справедливости; прежде они клялись стоять за одно, вмѣстѣ умереть за Св. Софію и за правду Новгородскую, но теперь за какую правду умрутъ они, отступники, измѣнники въ глазахъ всей Россіи? Прежде, при сознаніи своей справедливости они могли говорить: кто противъ Бога и В. Новгорода! но теперь они сами шли противъ Бога, ибо Латинство считалось наравнѣ съ богоотступничествомъ. Сперва В. Князья ходили на нихъ съ требованіемъ нарушенія старины, съ цѣлію обогатиться серебромъ богатаго города: тогда противъ перваго требованія они выставляли твердую рѣшимость умереть за свою правду, тогда деньгами могли удовлетворить второму; но теперь В. Князь шелъ въ видѣ грознаго судіи, мстителя за грѣхъ, шелъ окруженный всѣмъ ве-

личіемъ правды. Сперва неравенство силъ физическихъ рѣшало борьбу почти постоянно въ пользу В. Князей: теперь къ нему присоединялось еще неравенство силъ нравственныхъ, и торжество Іоанна было несомнительно. Однако теперь Новгородъ не былъ предоставленъ самому себѣ, теперь онъ имѣлъ сильнаго защитника. Къ несчастію Новгородцевъ разсчетъ ихъ и здѣсь былъ невѣренъ: Казиміръ не имѣлъ ни доблести Мстиславичей, ни силы и талантовъ Витовта; онъ принялъ даръ, но не имѣлъ возможности упрочить его за собою. Не смотря на это, осмотрительный Іоаннъ опасался Литвы, и принялъ тѣ же предосторожности, какія дѣдъ его Василій Дмитріевичь хотѣлъ принять противъ властолюбія Витовта: В. Князь прежде всего послалъ воеводъ захватить области Двинскія, дабы не предать Литвѣ, по крайней мѣрѣ, богатый сѣверъ Россіи [333]. Новгородцы знали, что Іоаннъ повторитъ поступокъ дѣда и потому спѣшили предупредить его: наемникъ ихъ, Суздальскій князь Василій Шуйскій-Гребенка, отправленъ былъ на защиту Двинской области; Новгородцы ждали Казиміра съ полками старой Руси: В. Князь Московскій торжественно объявилъ Руси Новой объ измѣнѣ стараго города. Предки его старались обыкновенно нечаяннымъ походомъ напасть врасплохъ на Новгородцевъ, и заставить жителей его дать богатый окупъ; но теперь обстоятельства перемѣнились: Іоаннъ хотѣлъ представить походъ Новгородскій дѣломъ всей Россіи, походомъ священнымъ для наказанія страшной измѣны, богоотступничества, для образумленія падшихъ гражданъ, для предотвращенія гибельныхъ слѣдствій ихъ поступка. Для достиженія этой цѣли, Іоаннъ употребляетъ необыкновенную торжественность, созываетъ братьевъ своихъ, Епископовъ, Князей, Бояръ, и представляетъ имъ необходимость похода; однако спрашиваетъ совѣта, идти ли немедленно, или дожидаться благопріятнѣйшаго времени года [334]: всѣ совѣтовали не отлагать похода. Тогда Іоаннъ послалъ въ Новгородъ разметныя грамоты; богатыя милостыни по монастырямъ, церквамъ и нищимъ, торжественныя молебствія [335], всё служило для приданія походу характера религіознаго, и точно, такимъ онъ былъ въ глазахъ современниковъ: лѣтописцы сравниваютъ его съ походомъ Донскаго на Татаръ [336]. Если въ Москвѣ питали столь сильное отвращеніе къ союзу Литовскому, то и въ Новгородѣ не могло быть иначе; послѣ, въ годину междуцарствія въ Москвѣ повторена была ошибка Новгородская и съ такими же послѣдствіями: къ счастію безразсудство властителей Литовскихъ

въ обоихъ случаяхъ помогло скорому исправленію ошибки. Казимиръ и не думалъ о поданіи помощи вольнымъ людямъ, какъ Іоаннъ уже обступилъ Новгородъ: Татары, полки Тверскіе и Псковскіе были въ его распоряженіи. Страшныя опустошенія возвѣстили Новгородцамъ о приближеніи Московскаго войска [337]. Новгородцы, по старому обычаю, отправили въ станъ В. Князя просить опасныхъ грамотъ для пословъ своихъ, а между тѣмъ выслали отрядъ войска, надѣясь побѣдою вынудить условія легчайшія; но трудно было побѣдить городу, гдѣ господствовало раздвоеніе между гражданами, гдѣ большая часть ихъ смотрѣла на предпринятую войну, какъ на тяжкое преступленіе и хотѣла остаться чистою отъ него: новоизбранный Владыка Ѳеофилъ, тогда еще ревностной приверженецъ Москвы и старины, далъ тайный приказъ своему полку не сражаться съ войскомъ великокняжескимъ. Это погубило Новгородскую пѣхоту при Коростени [338]. Вѣсть о проигранной битвѣ возбудила сильное волненіе въ гражданахъ: друзья Москвы и Православія ободрились, но голосъ ихъ снова былъ заглушенъ вѣчниками: ихъ били, грабили, бросали въ Волховъ и наконецъ заставили молчать [339]. Набрали новое войско: увѣдавъ, что Коростенское пораженіе произошло отъ недостатка въ конницѣ, господствующая сторона думала помочь злу, заставивъ простыхъ гражданъ, купцовъ и ремесленниковъ сѣсть на коней и отправиться въ походъ противъ опытныхъ конныхъ дружинъ Низовыхъ и Татаръ, всю жизнь на конѣ проводящихъ; бо́льшая часть новобранцевъ шла неволею не по недостатку храбрости, но по недостатку силы нравственной, убѣжденія въ своей правдѣ [340]. Что случилось въ послѣдній походъ Василія Темнаго при Русѣ, то повторилось теперь при Шелонѣ: 40,000 Новгородцевъ не могли выдержать натиска 5,000 Москвитянъ; Татарская конница рѣшила дѣло: непривычные всадники Новгородскіе, сбиваемые лошадьми, обратились въ бѣгство или попадали, полумертвые отъ страха [341]. Новгородцы ждали побѣды, которая могла дать имъ выгодныя условія; но теперь эта побѣда была на сторонѣ В. Князя, на его сторону перешло право предписать условія. Онъ далъ опасную грамоту для переговорщиковъ, а между тѣмъ, узнавъ, что изъ Новгорода отправился гонецъ въ Литву, понуждать Казиміра къ поданію скорой помощи, велѣлъ казнить смертію взятыхъ при Шелонѣ знатнѣйшихъ зачинщиковъ Литовской измѣны, въ томъ числѣ Димитрія Борецкаго; другихъ въ цѣпяхъ разослалъ по городамъ Низовымъ [342]. О Казимірѣ

не было никакой вѣсти; посла Новгородскаго не пропустили къ нему въ Ливоніи [343]; казнь Борецкаго съ товарищами обезсилила Литовскую сторону и возвысила Московскую; народъ роптал на виновниковъ войны, столь несчастной [344]. Не смотря на все это, друзья старой воли хотѣли защищаться отъ В. Князя, со стороны котораго не могли ожидать умѣренныхъ условій; но доброжелатели послѣдняго также не были въ бездѣйствіи: въ одну ночь заколочено было 55 пушекъ [345]. Рѣшились испытать счастія въ переговорахъ, отправили новоизбраннаго Ѳеофила бить челомъ Іоанну за виновныхъ гражданъ. В. Князь не отринулъ челобитья, не нарушилъ старины, взялъ тяжкую пеню за проступокъ [346], но удовольствовался условіями, заключенными въ послѣдній разъ отцемъ его; прибавлено было только, что Новгородъ обязывается не отступать отъ Москвы ни въ политическомъ, ни въ церковномъ отношеніяхъ, и даже не принимать на пригороды князей Литовскихъ [347].

Какъ объяснить такую умѣренность В. Князя? Необыкновенною осторожностію, наслѣдственною въ потомствѣ Всеволода III? Въ самомъ дѣлѣ, судя по другимъ поступкамъ Іоанна, можно предположить, что онъ былъ неспособенъ къ предпринятію мѣръ рѣшительныхъ и, что другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы однимъ разомъ, то Іоаннъ совершалъ въ два; можно сказать, что Іоаннъ оробѣлъ предъ мыслію нанести рѣшительный ударъ Новгороду, и отложилъ предпріятіе до другаго разу, чтобъ собраться съ силами, подумать. Съ другой стороны можетъ представиться вопросъ: былъ ли Іоаннъ способенъ возвыситься до мысли покорить Новгородъ, приравнять его къ городамъ Низовымъ? Не хотѣлъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ только поддержанія старины въ отношеніи къ Новгороду, какъ сначала поддерживалъ ее въ отношеніи къ Твери и Рязани? Софія Палеологъ еще не пріѣзжала въ Россію; ей современники приписывали внушеніе Іоанну всѣхъ важнѣйшихъ его замысловъ, весь новый порядокъ вещей, начавшійся въ его правленіе [348]; великая мысль государственнаго объединенія, выраженная въ словахъ: „Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ,“ не принадлежитъ ли Софіи? и вотъ объясненіе, почему эти слова были произнесены въ 1477 году, а не въ 1471. Всѣ эти предположенія съ перваго взгляда могутъ показаться основательны; но разсмотримъ обстоятельнѣе поведеніе Іоанново во все время борьбы его съ Новго-

родомъ, не найдемъ ли легчайшаго объясненія его нерѣшительности по окончаніи перваго похода? Мы видѣли какое, въ началѣ борьбы, было самое выгодное положеніе В. Князя, дававшее ему перевѣсъ рѣшительный: это стать защитникомъ старины противъ новизны, на которую рѣшались Новгородцы. Что нужно было Іоанну для усиленія своей стороны въ Новгородѣ? Показать неосновательность, безполезность покушенія стороны противной, отнять у нея всякій предлогъ къ жалобѣ, всякое средство къ оправданію. Онъ такъ и сдѣлалъ: возложивъ на противниковъ пятно измѣны, онъ пошелъ на Новгородъ, объявивъ Россіи, что идетъ возвратить падшихъ чадъ Православію, возстановить старину; нарушеніе этой старины состояло въ отпаденіи къ Литвѣ и Латинству; возстановленіе должно было состоять въ возвращеніи къ Руси и Православію. Въ слѣдствіе неудачъ военныхъ Литовская сторона упала, Московская взяла перевѣсъ, и Новгородцы поклялись отстать отъ Литвы и Латинства — цѣль похода была достигнута; объявить требованія дальнѣйшія значило поступить непослѣдовательно, мало того, значило дать перевѣсъ противникамъ и низложить своихъ приверженцевъ; но какія могли быть слѣдствія такого поступка? Іоаннъ зналъ, что предки его поступали неосторожно, когда заставляли Новгородцевъ клясться стоять за одинъ, умереть за правду и Св. Софію, что Невскій уступалъ гражданамъ, поклявшимся не выдавать своихъ; рѣшительность со стороны Іоанна даже въ случаѣ успѣха, повела бы къ кровопролитію ужасному и безполезному, тогда какъ медленность обѣщала однѣ выгоды, ибо давала Новгородцамъ время привыкнуть къ мысли о необходимости приравняться къ Москвѣ, а В. Князю давала время убѣдить ихъ въ этой необходимости. Что побудило Новгородцевъ отложиться отъ Москвы? Возможность выбора, возможность поддаться В. Князю Литовскому; но эта возможность въ глазахъ ихъ была теперь уничтожена; Литовская партія увидала ясно, что союзъ съ Литвою былъ ненавистенъ не только Москвитянамъ, но и бо́льшей части Новгородцевъ, увидала ясно также, какой помощи можетъ ожидать она отъ Литвы. Оставалось бороться съ Москвою собственными силами: Коростынская и Шелонская битвы доказали невозможность этой борьбы. Друзьямъ стараго быта оставалась одна надежда: Татары и семейныя распри могли еще отвлечь вниманіе В. Князя отъ Новгорода; Іоаннъ поспѣшилъ лишить ихъ и послѣдней надежды. Мы знаемъ, что В. Князь былъ всегда признаваемъ въ

Новгородѣ верховнымъ судіею, блюстителемъ внутренняго наряда. Долговременное отсутствіе Великихъ Князей, долговременная невозможность заниматься дѣлами Новгорода, ослабили права В. Князя, не уничтоживъ ихъ. Мы видѣли, какой нарядъ имѣлъ мѣсто въ Новгородѣ при ослабленіи Княжеской власти, при господствѣ вѣчеваго народовластія, видѣли, какой характеръ носилъ вѣчевой судъ. Богатый бояринъ, имѣвшій возможность платить многочисленнымъ вѣчникамъ, могъ отважиться на все, могъ отважиться вооруженной рукою мстить свои оскорбленія; видѣли, что часто цѣлыя улицы, цѣлые концы, враждовали другъ съ другомъ, стоя за то или другое лице, за того или другаго чиновника гражданскаго; сила рѣшала торжество, предводитель осилившей стороны достигалъ должности посадника, и въ этомъ званіи позволялъ себѣ мстить тѣмъ гражданамъ, тѣмъ улицамъ, тѣмъ концамъ, которые были противъ него. Что оставалась побѣжденнымъ и слабымъ? Молчать и ждать усиленія своей стороны, которое подастъ имъ возможность собраться на вѣче, низложить соперниковъ и поступить съ ними по ихъ же примѣру. Такъ было при ослабленіи власти княжеской, когда В. Князь былъ далеко, а намѣстниковъ, точно такъ какъ и воеводъ, мало слушали. Но теперь, когда В. Князь успѣлъ возстановить свое право верховнаго судіи, и когда имѣлъ силу поддержать это право, тогда сторонѣ угнетенной не нужно было долго дожидаться удобнаго случая къ низложенію соперниковъ: она могла отдать свое дѣло на рѣшеніе В. Князя. Въ 1475 году посадникъ Василій Ананьинъ, съ 18 другихъ бояръ своей стороны, вздумали вооруженною рукою отомстить непріязненнымъ улицамъ, Славковой и Никитиной, пріѣхали съ толпою вооруженныхъ людей, ограбили тѣхъ, которые хотѣли защищаться. Въ тоже время на Ѳедоровской улицѣ староста ея Панфилъ, приверженецъ посадника, вмѣстѣ съ двумя боярами, которые участвовали также въ грабежѣ двухъ вышепоименованныхъ улицъ, напали на домъ непріязненныхъ имъ бояръ, Понарьиныхъ, разграбили имущество, перебили людей [349]. Любопытно, что между именами виновниковъ этихъ насилій встрѣчаемъ имена большею частію извѣстныхъ враговъ Москвы; это обстоятельство ведетъ къ заключенію, что здѣсь дѣйствовали причины политическія, что на эту борьбу должно смотрѣть, какъ на продолженіе борьбы двухъ сторонъ — Литовской и Московской. Въ насиліяхъ, учиненныхъ на Славковой и Никитиной улицахъ, участвовали: посадникъ Василій Ананьинъ, тоть

самый, который пріѣзжалъ въ Москву до перваго похода и не хотѣлъ отвѣчать В. Князю на жалобы его противъ Новгородцевъ [350]; въ числѣ его товарищей встрѣчаемъ: Селезневыхъ — Матвѣя и Якова, которыхъ братъ Василій былъ казненъ вмѣстѣ съ Димитріемъ Борецкимъ; Андрея Телятева и Мойсея Ѳедорова: изъ этѣхъ фамилій Яковъ Ѳедоровъ и Павелъ Телятевъ были схвачены въ Шелонской битвѣ; наконецъ Аѳанасьевыхъ, которыхъ Іоаннъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, считалъ самыми жаркими приверженцами Литвы. Угнетенные приверженцы Москвы обратились къ своему естественному защитнику, Князю Московскому [351]: Іоаннъ не замедлилъ явиться. Новгородцы встрѣтили его, по обычаю, съ богатыми дарами; В. Князь хотѣлъ окружить себя необыкновенною торжественностію, хотѣлъ явиться настоящимъ главою Новгорода, хотѣлъ возстановить уваженіе къ В. Князю, потерянное слабыми его предшественниками, позволявшими себѣ вымаливать на вѣчѣ прощеніе въ нарушеніи условій. Владыка Ѳеофилъ прислалъ къ дворецкому и конюшему великокняжескимъ двухъ незначительныхъ людей для распоряженій на счетъ съѣстныхъ припасовъ; В. Князь разгнѣвался на архіепископа, и послѣдній едва успѣлъ умилостивить его, приславъ съ припасами своего намѣстника [352]. Въ городскихъ воротахъ Іоаннъ велѣлъ [353] Владыкѣ встрѣтить себя съ крестами. Между тѣмъ жалобщики стремились со всѣхъ сторонъ, потому что, говоритъ лѣтописецъ, Новгородцы долго жили на своей волѣ, а о В. Князѣ небрегли; оттого въ землѣ ихъ было много зла, безпрестанныя убійства, грабежи, раззоренія домоцъ: кто былъ сильнѣе, тотъ и раззорялъ и увѣчилъ слабаго противника [354]. Наконецъ явились и главные жалобщики: жители улицъ Славковой и Никитиной и бояре Понарьины: В. Князь далъ судъ въ присутствіи архіепископа и знатнѣйшихъ Новгородцевъ, нашелъ неправду обвиненныхъ и велѣлъ захватить ихъ; въ то же время отдалъ подъ стражу Ивана Аѳанасьева съ сыномъ Алферіемъ за преданность Литвѣ [355]. На третій день послѣ суда архіепископъ и другіе знатные граждане пришли бить челомъ, чтобъ В. Князь смиловался, простилъ виновныхъ; Іоаннъ удивился просьбамъ Владыки: „Ты самъ, отецъ мой, знаешь, отвѣчалъ онъ, сколько и прежде эти люди причинили зла Новгороду, да и теперь все зло, какое ни есть въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ: какъ же мнѣ ихъ жаловать [356]!“ Изъ этихъ словъ видно, что обвиненные всѣ были приверженцы Литвы и враги Москвы; ибо В. Князь прямо сказалъ, что отъ нихъ

произошло все прежнее зло, т. е., союзъ Литовскій. Ѳеофилу нечего было возразить на слова Іоанна. Оставить въ Новгородѣ предводителей Литовской стороны было бы величайшею безразсудностію со стороны В. Князя; отправить ихъ въ Москву — значило оставить партію безъ главъ, ниспложить ее совершенно, и тѣмъ приготовить себѣ легкое покореніе: Іоаннъ поспѣшилъ отослать ихъ въ Москву. Отмѣна стараго Новгородскаго быта была рѣшена: Іоаннъ искалъ только случая объявить объ этомъ гражданамъ. Въ Февралѣ 1476 года В. Новгородъ опять отправилъ своего Владыку и знатнѣйшихъ гражданъ въ Москву бить челомъ объ освобожденіи заключенныхъ бояръ: В. Князь не отпустилъ ни одного. Вѣче умолкло, ибо обиженные толковали о притѣсненіи сильныхъ не на дворѣ Ярослава, ни у Св. Софіи, но на дорогѣ въ Москву; право судиться только въ Новгородѣ было забыто, ибо для обиженныхъ величайшее право есть право требовать защиты. Въ 1477 году такое положеніе дѣлъ принудило посадника Захарію Овина явиться въ Москву отвѣчать на жалобы, просить управы на непослушныхъ. Лѣтописецъ говоритъ, что этого не бывало отъ начала, какъ земля стоитъ, какъ В. Князья начали быть отъ Рюрика до Ивана III [357]: лѣтописецъ позабылъ отдаленную старину.

Іоаннъ видѣлъ, что все было приготовлено: противная партія безмолствовала безъ главъ своихъ; народъ привыкъ видѣть верховнаго судію въ Князѣ Московскомъ; вѣче молчало, но могло заговорить при первомъ удобномъ случаѣ, при первой побѣдѣ Ахмата или Хана Казанскаго, и посадникъ все еще сидѣлъ въ судѣ подлѣ Московскаго намѣстника: надобно было освободиться и отъ вѣча, и отъ посадника. Въ томъ же 1477 году послы Новгородскіе: Назаръ, Подвойскій, да Захарія, дьякъ вѣчевой, говоря отъ имени Новгорода, назвали Іоанна, вмѣсто господина, Государемъ [358]. Господинъ было простымъ выраженіемъ учтивости, Государь или Господарь значало отношеніе служебное, зависимость безусловную. Псковитяне давно уже въ сношеніяхъ съ В. Княземъ употребляли титулъ Государя [359], сохраняя при этомъ вѣче и посадника; но положеніе Новгорода не допускало такихъ неопредѣленныхъ учтивостей. В. Князь тотчасъ послалъ спросить обстоятельнѣе: »Какого государства хотятъ Новгородцы? Назвать Московскаго князя государемъ значитъ безусловно ему покориться, т. е., посадить по всѣмъ улицамъ для суда его тіуновъ, отдать ему дворъ Ярослава,

повиноваться одному его намѣстнику безъ посадника [360]. Вѣче изумилось; оно не ожидало такой скорой перемѣны старины, и отъ того Князя, который показалъ себя прежде такимъ ревностнымъ ея охранителемъ. Оно вспомнило свой старый обычай: не смѣя обвинять В. Князя, обвинило собственныхъ гражданъ, обманувшихъ его и Новгородъ, и умертвило ихъ; потомъ думали шесть недѣль, честили посла великокняжескаго, и наконецъ отправили съ отвѣтомъ: „Умоляемъ не нарушать старины, но вѣрно исполнять условія Коростынскаго договора, сохранять старый титулъ, старый судъ: перевѣтники хотѣли насъ поссорить; казни ихъ самъ; мы, съ своей стороны, казнимъ также, кого сыщемъ." Теперь Новгородцы опять начали говорить о старинѣ; но у В. Князя была своя старина: прежде, говорилъ онъ, Новгородцы не лгали, не говорили въ Москвѣ одно, а въ Новгородѣ другое; прежнихъ В. Князей они не называли лжецами [361]. Іоаннъ объявилъ походъ, собралъ огромное войско, но зналъ, что битвы не будетъ: при первомъ волненіи народномъ приверженные къ Москвѣ бояре явились ко двору В. Князя и обстоятельно донесли о состояніи дѣлъ Новгородскихъ [362]. Вмѣсто опасной грамоты, какъ просили Новгородцы, Іоаннъ отправилъ къ нимъ складную. На дорогѣ онъ не встрѣтилъ враждебныхъ войскъ, готовыхъ къ сраженію: вмѣсто нихъ безпрестанно являлись Новгородскіе бояре, съ просьбою о вступленіи въ службу В. Князя. Увѣренный въ успѣхѣ, Іоаннъ велѣлъ представить къ себѣ Новгородскихъ пословъ, задержанныхъ, по его приказу, въ Торжкѣ; они били ему челомъ объ опасной грамотѣ для Владыки и назвали Государемъ: Іоаннъ далъ опасъ. Ѳеофилъ явился съ посадниками и выборными отъ Житыхъ, прося о прекращеніи войны и о прощеніи виновныхъ бояръ, заключенныхъ въ Москвѣ. Іоаннъ угостилъ пословъ обѣдомъ и отправилъ къ своимъ боярамъ для переговоровъ. Здѣсь они просили возстановленія вполнѣ Коростынскихъ условій, да кромѣ того еще требовали подчиненія Московскихъ подданныхъ Новгородскому суду. В. Князь велѣлъ отвѣчать: „Вы отправили къ намъ пословъ, которые называли насъ Государями; мы послали спросить васъ, что вы разумѣете подъ этимъ именемъ, и вы заперлись, что посламъ не наказывали и упрекали насъ насиліемъ. Послѣ этого мы долго ожидали вашего исправленія, но тщетно, и потому рѣшились управиться судомъ Божіимъ. Теперь вы напоминаете о задержанныхъ боярахъ вашихъ; но на ихъ грабежи и насилія жаловался весь Новгородъ; ихъ вина была найдена въ присут-

ствіи Владыки и васъ, посадниковъ, послѣ чего надлежало казнить ихъ смертію; но, снисходя на ваше челобитье, я перемѣнилъ казнь на заключеніе: чего больше вы можете отъ меня требовать?" Въ заключеніе сказано было посламъ: „Если Новгородъ хочетъ просить помилованія, то онъ знаетъ, какъ онъ долженъ просить его [363]." Послы просили отсрочки, посовѣтовались съ гражданами, и возвратились съ повинною, что точно посылали Назара и Захара съ извѣстнымъ предложеніемъ. „Если такъ, велѣлъ сказать имъ В. Князь, если вы признаетесь, что хотѣли имѣть меня Государемъ, то сами знаете, что это значитъ: мое государство въ Новгородѣ должно быть такое, какое оно въ Москвѣ [364]!" Послы просили подумать, Іоаннъ далъ имъ два дня сроку. Ѳофилъ возвратился съ выборными изо всѣхъ сословій, и просилъ поговорить съ боярами; Іоаннъ приказалъ. Посадники начали предлагать условія, и между ними одно, въ которомъ Новгородъ показалъ всю вину свою предъ Россіею, всю необходимость уничтоженія своего стараго быта, несовмѣстность его съ могуществомъ и благомъ общаго отечества, показалъ, что онъ неспособенъ къ новой жизни, къ которой Москва призвала Россію, и хочетъ удержать свой старый, особный бытъ, съ своимъ обычаемъ: послы просили позволенія — не проливать крови за Россію вмѣстѣ съ другими городами и защищать только свои собственные предѣлы тамъ, гдѣ они сходятся съ народами чуждыми [365]. Бояре донесли Іоанну о требованіяхъ Новгородцевъ; онъ велѣлъ отвѣчать: „Вы назвали меня Государемъ, т. е., властителемъ неограниченнымъ, какимъ я на Москвѣ, а теперь предлагаете мнѣ условія, указываете, какъ править вами!" Послы отвѣчали: „Мы не указываемъ, но желаемъ только знать, какъ Государю угодно править въ Новгородѣ, ибо Новгородъ не знаетъ обычаевъ Низовскихъ странъ." В. Князь велѣлъ сказать имъ обычай Низовскихъ странъ: „Ни вѣчу, ни посаднику у васъ не быть, быть одной власти государевой." Послы согласились; Новгородъ вошелъ вторично въ общую жизнь Россіи; лѣтописецъ говоритъ, что Новгородскій вѣчевой колоколъ привезли въ Москву и повѣсили на площади *звонить, вмѣстѣ съ другими колоколами* [366].

Обозрѣвъ исторію отношеній Новгорода къ В. Князьямъ, какое же заключеніе мы должны вывести о характерѣ этихъ отношеній, равно какъ о характерѣ Новгородскаго народовластія?

Былъ ли Новгородъ республикою, въ которой развивался особый бытъ, не имѣвшій ничего общаго съ бытомъ другихъ городовъ Русскихъ? Отдѣлился ли онъ своимъ бытомъ при Ярославлѣ I-мъ, который грамотами утвердилъ его особное устройство, или отдѣлился отъ новой Руси вмѣстѣ со старою и, потомъ, оставшись одинъ представителемъ послѣдней, не могъ удержать старины и преклонился предъ городами юными? Что показали намъ событія?

Событія показали намъ, что не ко временамъ Ярослава I-го должно относить начало Новгородскаго народовластія, и не въ грамотахъ этого князя искать опредѣленія и утвержденія правъ его. Начало Новгородскаго народовластія совпадаетъ съ началомъ самого города, относится къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда нѣсколько родовъ Славянскихъ поселились впервые на берегахъ Волхова. Мы видѣли, какія причины препятствовали этому обществу къ развитію изъ самого себя правительственнаго начала; наконецъ это начало явилось извнѣ, было принесено князьями Варяжскими. Вѣче умолкло, междоусобіе прекратилось, но не надолго: между самыми князьями скоро возникли которы; сила была призвана для ихъ рѣшенія; городовое народонаселеніе не замедлило объявить, что и оно можетъ въ немъ участвовать; вѣча снова зашумѣли въ старыхъ городахъ, въ Новгородѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Вѣрные обыкновенію, со временъ Олега утвердившемуся и скрѣпленному распоряженіемъ Ярослава I-го, Новгородцы постоянно признавали своимъ княземъ старшаго въ родѣ Ярослава, державца Кіевскаго, ему посылали дань, отъ него принимали намѣстника или посадника, князя, или простаго боярина. Но престолъ великокняжескій сталъ переходить изъ одной линіи въ другую, за его обладаніе возникли споры и междоусобія: вмѣстѣ съ Кіевомъ и Новгородъ долженъ былъ подвергнуться безпрестаннымъ перемѣнамъ, переходить отъ одного князя къ другому, слѣд. всѣ которы между членами рода Ярославова, всѣ междоусобія, отъ того происшедшія, должны были найти отзвучіе и въ Новгородѣ; внутренній нарядъ снова былъ нарушенъ, шумныя вѣча, волненія, междоусобія, участились. Народъ привыкъ къ нимъ, привыкъ самъ рѣшать судьбу свою, привыкъ, при первомъ неудовольствіи, требовать новаго порядка вещей и силою подкрѣплять свои требованія. Таковы были для Новгорода слѣдствія господствовавшаго въ старой Руси порядка вещей — нераздѣльности владѣнія между членами княжеской семьи и правъ

старшаго въ родѣ. Этотъ порядокъ вещей измѣнился на сѣверовостокѣ, въ сосѣдней Новгороду области Ростовской. Здѣсь, благодаря господству новыхъ городовъ и предпочтенію, которое Андрей и его преемники умѣли оказать имъ, явилось новое понятіе собственности неотчуждаемой. Безпрерывный переходъ князей изъ одного города въ другой прекратился; они усѣлись каждый въ своемъ удѣлѣ, каждый старался, вопреки старшинству, получить городъ стольный съ его областію, но уже не для одной чести считаться старшимъ въ родѣ, а для усиленія себя на счетъ остальныхъ князей, для распространенія своего удѣла на счетъ сосѣдей. Для утвержденія новаго порядка вещей Сѣверной Россіи должно было освободиться на время отъ Россіи Южной, гдѣ старый бытъ господствовалъ и откуда являлись на сѣверъ непобѣдимые князья, съ угрозою задавить новорожденное государство. Этому освобожденію помогли Монголы. Геній старой Руси, герой Липецкій, не измѣнилъ старинѣ и на берегахъ Калки завелъ котору съ братіею и принужденъ былъ обратить тылъ предъ невѣдомыми врагами. Старая Русь, испепеленная Татарами, поддалась князьямъ Литовскимъ и потеряла свой прежній бытъ: Новгородъ остался одинокимъ представителемъ прошедшаго, одинъ напоминалъ о старинѣ, уже непонятной и враждебной. Лишенный помощи южныхъ князей, старый городъ не могъ бороться противъ соединенныхъ пригородовъ, и потому видѣлъ единственное средство спасенія въ ихъ разъединеніи, въ междоусобіяхъ князей и въ ихъ зависимости отъ степныхъ варваровъ, т. е., видѣлъ единственное средство спасенія въ бѣдствіяхъ, въ безсиліи Россіи, ея уничиженіи; можно сказать, что одряхлѣвшій городъ поддерживалъ свое безполезное существованіе кровію, слезами, стыдомъ городовъ юныхъ Стѣсненный сильною Тверью, онъ старался противопоставить ей Москву; Москвѣ, усилившейся на счетъ Твери, хотѣлъ противопоставить Нижній Новгородъ: послѣднее желаніе не исполнилось: Москва была могущественна, Орда въ изнеможеніи. Тогда Новгородъ сдѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку: онъ обратился къ другому В. Князю Русскому, снова хотѣлъ возбудить силы старой Руси противъ новой, завязать смертельный бой между Литвою и Москвою; но враждебный рокъ увлекалъ Литву къ западу, и союзъ съ нею положилъ только на Новгородъ пятно тяжкой измѣны, измѣны вѣрѣ предковъ.

Съ 1478 года въ Новгородѣ уже не было болѣе ни вѣча, ни посадника; но представитель старыхъ городовъ не могъ вдругъ забыть своей старины, спокойно подчиниться формамъ быта ненавистныхъ пригородовъ, и потому движенія въ пользу прежняго порядка вещей долженствовали находить въ немъ сильныя отзвучія. Мы видѣли, что старый бытъ Новгорода поддерживался княжескими междоусобіями, дававшими ему возможность выбора между соперниками; прекращеніе междоусобій смертію Шемяки возвѣстило паденіе Новгорода: ихъ возобновленіе должно было снова воззвать къ жизни умолкнувшее вѣче. Двое братьевъ Іоанна III — Андрей Большой и Борисъ, негодуя на В. Князя за то, что онъ назначилъ, мимо ихъ, соправителемъ сына своего, Іоанна Молодаго, вздумали вооруженною рукою заставить его отказаться отъ новаго порядка престолонаслѣдія. Разумѣется, что въ этой попыткѣ оживить старину удѣльные князья должны были надѣяться самого ревностнаго содѣйствія отъ знаменитаго поборника старины — В. Новгорода. Въ 1479 году В. Князь получилъ тайное извѣстіе, что Новгородъ измѣнилъ присягѣ и снова соединился съ Литвою. Король обѣщалъ немедленно явиться съ полками и послалъ, съ одной стороны, къ Хану Большой Орды звать его на Москву, а съ другой къ Папѣ съ просьбою о денежномъ вспоможеніи для успѣха въ дѣлѣ, которое неминуемо повлечетъ за собою присоединеніе огромной области къ Римской Церкви; Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ Церквей Польскихъ и Литовскихъ. Новгородцы послали и къ Ордену съ просьбою о союзѣ противъ Москвы, но Нѣмцы отреклись, боясь Псковитянъ, которые ничего не знали о намѣреніяхъ своихъ старшихъ братьевъ и ревностно держались Московскаго Государя. Послѣдній показалъ въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ благоразуміе и рѣшительность необыкновенную. Взявъ съ собою только тысячу человѣкъ, онъ поспѣшно отправился къ Новгороду миромъ, надѣясь внезапнымъ своимъ появленіемъ задавить крамолу, а между тѣмъ, подъ предлогомъ войны Ливонской, велѣлъ сыну набирать войска и спѣшить за собою слѣдомъ; заставы были разставлены повсюду, дабы не дать къ Новгороду вѣсти о наборѣ и приближеніи многочисленной рати. Но всѣ этѣ предосторожности были тщетны: на границахъ Московской области Іоаннъ свѣдалъ, что Новгородцы затворились и не намѣрены пускать его миромъ. Тогда В. Князь дождался своихъ полковъ и немедленно приступилъ къ Новгороду. Тѣже обстоятельства, которыя способство-

вали первому торжеству его, помогли ему и теперь: единственное средство избавиться отъ Москвы — союзъ съ Литвою былъ ненавистенъ приверженцамъ древняго Православія; они противились Литовскимъ сторонникамъ на вѣчѣ и толпами перебѣгали въ станъ Московскій. Тогда Архіепископъ послалъ къ В. Князю требовать опаса, позабывъ, что имѣетъ дѣло съ Іоанномъ III. Послѣдній очень хорошо зналъ, что дать опасъ и вступить въ переговоры съ Новгородомъ значило дать послѣднему видъ независимой державы, и потому отвѣчалъ: „Я самъ опасъ для невинныхъ и государь вашъ; оттворите ворота: невинные не потерпятъ отъ меня ни малѣйшаго оскорбленія«, а между тѣмъ разрушительная стрѣльба изъ пушекъ не прекращалась: „бѣ бо Аристотель искусенъ зѣло,“ говоритъ лѣтопись. Наконецъ отворились ворота, и Архіепископъ, въ сопрожденіи посадника, тысяцкаго (ибо Новгородцы поспѣшили возстановить свои древнія формы правленія), старостъ пяти концевъ, бояръ и всего народа вышелъ на встрѣчу къ В. Князю. Виновные граждане пали ницъ и просили прощенія. Іоаннъ спокойно благословился у Архіепископа и сказалъ во всеуслышаніе; „Я, Государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!“ и отправился, по обычаю, къ Св. Софіи, а потомъ въ домъ Ефима Медвѣдева, новаго посадника, гдѣ и остановился. Въ тотъ же день 50 человѣкъ главныхъ крамольниковъ были захвачены и пытаны: тутъ только В. Князь узналъ объ участіи Архіепископа въ заговорѣ и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ Новгородцами. Ѳеофилъ былъ взятъ и отосланъ въ Московскій Чудовъ монастырь подъ стражу, богатство его отобрано въ казну; 100 главныхъ крамольниковъ подверглись смертной казни, 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ разосланы по Низовымъ городамъ; 7,000 семей купцовъ и черныхъ людей разведены по посадамъ и тюрьмамъ: „И тако конечнѣ укроти В. Новгородъ“ говоритъ лѣтописецъ [367].

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Соф. врем. II, [190].
[2] Тамъ же.
[3] Ипатьев. лѣтоп. стр. 40: На утріи же день пославъ Изяславъ в Ярославль дворъ, и повелѣ звонити вѣче и проч.
[4] Новгород. пер. лѣт. стр. 12, 36; Ипатьев. 97.
[5] Новгород. пер. стр. 46.
[6] Тамъ же.
[7] Новгород. втор стр. 136.
[8] Новгород. пер. 65.
[9] Историч. разгов. о древн. Новгорода, стр. 51.
[10] Новгород. пер. стр. 87.
[11] Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, т. I.
[12] Акты арх. экспед. т. I. No. 91.
[13] Тамъ же, No. 92.
[14] Тамъ же, No. 87.
[15] Собр. г. г. и. д. т. I.
[16] Тамъ же.
[17] Новгород. пер. стр. 15.
[18] Тамъ же, стр. 37.
[19] Соф. врем. II, 164 и слѣд.
[20] Тамъ же.
[21] Новгор. пер. стр. 8.
[22] Соф. врем. II, 183.
[23] Новгор. пер. стр. 31.
[24] Тамъ же, стр. 36.
[25] Акты арх. эксп. т. I, No. 92.
[26] Новгор. пер. стр. 37.
[27] Тамъ же. стр. 44.
[28] Тамъ же, стр. 46.
[29] Тамъ же, стр. 65.
[30] Тамъ же.

[31] Тамъ же, стр. 76.

[32] Тамъ же, стр. 82.

[33] Тамъ же, стр. 30.

[34] Лѣтоп. по Лавр. сп. изд. Тимк. стр 5.

[35] Script. Hist. Byz. XXII, p. 78.

[36] Procop. de bello Goth. t III, c. 14.

[37] Кралодвор. рукопись, Sněm.

[38] Ипатьев. стр. 17.

[39] Тамъ же.

[40] Новгор. пер. стр. 11.

[41] Акты арх. эксп. т. I, No 91 : А позовъ по волостямъ Ноугородскимъ позывати позовникамъ Великихъ Князей, да Новгородскимъ; а въ городѣ позывати Князей Великихъ подвойской, а Ноугородской подвойской. — Тамъ же, N°. 92 : А кого утяжутъ въ наѣздѣ и въ грабежи ино взять Великимъ Княземъ и Великому Ноугороду на виноватомъ и проч.

[42] Новгор. пер. стр. 44 : Той же зимѣ побѣже Ѳедоръ Даниловиць съ тіуномъ Якимомъ, поимъше съ собою два княжичи Ѳедора и Алькcандра... тъгдаже Новгородцы рѣша: дажь что зло съдумавъ на Святую Софію, а побѣглъ, а мы ихъ не гонили, нъ братью свою есме казнили, а князю есме зла не створили никотораго же.

[43] Ипатьев., стр 146.

[44] Лавр. стр. 100 : «Святополкъ же окаянныи нача княжити Кыевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другымъ кунами и раздая множьство.“ — Еще прежде, тотчасъ по смерти Владиміра, онъ поступилъ подобнымъ же образомъ, см. тамъ же стр. 94.

[45] Кёнигсбегр. стр. 118.

[46] Патерикъ Печер. житіе Св. Прохора.

[47] Кёнигсберг. стр. 142: Въ лѣто 6604. Святополкъ и Володиміръ посласта ко Ольгови, глаголюще сице: »Пойди Кіеву, да Урядъ положимъ о землѣ Русской предъ Епископы и Игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русскую землю отъ поганыхъ.“ Олегъ же воспріимъ смыслъ буй и словеса величава, рекъ сице: »Нѣсть мене лѣпо судити Епископу или Игумену, или смердомъ.“

[48] Кёнигсберг. стр. 133.

[49] Ипатьев. 10 : Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Русскую землю, аки солнце луча пущая; егоже слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ, братолюбецъ, и нищелюбецъ и добрый страдлецъ, за Русскую землю. — Тамъ же, стр.

15: Се бо Мьстиславъ Великый наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха Великаго. Володиміръ самъ собою постоя на Дону, и много пота утеръ за землю Русскую.

[50] Патер. печер. житіе Св. Прохора: Сія слышавъ князь Святополкъ, устыдѣся о дѣлѣ своемъ, и шедъ въ Печерскій монастырь, смирися со Игуменомъ Іоанномъ: прежде бо вражду имѣяше на него, обличенія ради о несытствѣ богатства, и озлобленіи людей: тѣмъ же и въ Туровъ того заточилъ, обаче убоявся востанія на ся Христолюбиваго Князя Владиміра Мономаха, скоро возврати съ честію въ Печерскій монастырь.

[51] Ипатьев. стр. 31: Кіяне же рекоша (Изяславу): „княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володиміре племя рукы възняти; олня же Ольговичь хотя и съ дѣтми.“ См. тамъ же стр. 35.

[52] Тамъ же стр. 4.

[53] Въ лѣтописи мы различаемъ два рода дружинъ: дружину городскую и дружину собственнокняжескую. Если князь, по какому бы то ни было случаю, оставлялъ городъ, то дружина его оставалась въ старомъ удѣлѣ и вступала въ службу новаго князя; но часто нѣкоторые изъ ея членовъ, или изъ особенной привязанности къ князю, или отъ нерасположенія къ его преемнику, оставляли старый удѣлъ и слѣдовали за любимымъ княземъ въ новый, или куда бы то нибыло: эту-то дружину мы назвали собственно княжескою. Такъ читаемъ въ Ипатьев. лѣт. стр. 27: „И тако побѣже Святославъ (Олеговичь) изъ Новгорода (Сѣверскаго) Корачеву; дружина же его, они по немъ идоша, а друзіи осташа его.“ Или стр. 54: „Изяславъ же (Мстиславичь) рече дружинѣ своей: „вы есте по мнѣ изъ Русскые земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній лишився, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти: но любо голову свою сложю, пакыли отчину свою налезу и вашю всю жизнь.“ — Ясно, что такая дружина пользовалась особенною привязанностію князя, предпочтительно предъ старою дружиною, найденною въ новомъ удѣлѣ: отсюда ропотъ послѣдней и негодованіе гражданъ; старая дружина, отстраненная новою и униженная ею, всѣми силами старалась сбыть пришлецовъ; такъ Кіевляне, убѣждая Изяслава Мстиславича смѣнить Ольговичей, говорили: „Ты намъ князь, поѣди Ольговичь не хочемъ *быти акы въ задничи*,“ т. е. отстраненными въ пользу Черниговцевъ (Ипатьев. стр. 23).

[54] Тамъ же, стр. 22: А нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ, и съ братомъ своимъ: аще кому насъ обида, то ты прави. „Святославъ же рече имъ: язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья ни которого же, а се вамъ и тивунъ, а по

вашей воли ..... Игорь же съсѣдѣ съ коня, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли.

55 Ипатьев. стр. 76: Мужи же бороняхуть ему (Ростиславу) поити Чернигову, рекучи ему: „се Богъ поялъ строя твоего Вечеслава, а ты ся еси еще съ людьми Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпле въ Кіевъ же, съ людми утвердися. — Тамъ же, стр. 96: о рядѣ Мстислава Изяславича съ Кіевлянами; о томъ же Густин. стр. 930: Мстиславъ же внійде въ Кіевъ и сотвори рядъ съ Кіяны.

56 Тамъ же стр. 66, 82 Никонов. II. 224.

57 Кёнигсберг. стр. 261: Новгородци бо изначала; и Смолняне и Кіяне и Полочане, и вся власть яко же на думу на вечье сходятся, на что же старѣйшіи здумаютъ, на томъ же и пригороди станутъ.

58 См. примѣч. предшествовавшее.

59 Суздаль, вѣроятно, основанъ при Св. Владимірѣ, ибо упоминается уже при Ярославѣ 1-мъ (см. Никонов. I, 130, Воскр. I, 181; Соф. врем. I, 150); Ярославль при Ярославѣ 1-мъ, ибо упоминается уже при сынѣ его Изяславѣ (см. Воскр. I, 198; Соф. вр. I, 163; Соф. 126; Никон. I (161). Юрій Долгорукій утвердилъ столъ свой въ младшемъ Суздалѣ: отсюда названіе земли Суздальской смѣняетъ иногда названіе Ростовской, однако послѣднее преобладаетъ. Ипатьев. стр. 61: Вячеславъ же рече (Юрію): „у тебя сыновъ 7..... поѣди же у свой Переяславль и въ Курескъ, и съ своими сыны, а онамо у тебе *Ростовъ великій* и проч. См. тамъ же, стр. 81, 82, 87, 99, 102, 105. Объ относительномъ богатствѣ и великолѣпіи Ростова свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто лѣтописи: (Ипатьев. стр. 88). Томъ же лѣтѣ погорѣ Ростовъ, и церкви вси, и сборная дивная великая церкви святая Богородица, якоя же не было, николи же ни будетъ.

60 Ипатьев. стр. 41.

61 Это нелюбье Кіевлянъ Долгорукій раздѣлялъ вмѣстѣ съ потомствомъ Святослава Ярославича; причины были тѣже: своевольство Суздальской дружины въ Кіевѣ и частые союзы Юрія съ Половцами. Ипатьев. стр. 81.

62 Тамъ же стр. 78.

63 Тамъ же, стр. 91.

64 Исключая одного похода на Болгаръ въ 1164 г.

65 Вотъ какъ современники смотрѣли на отношеніе удѣльныхъ князей къ Великому: „Володимеру бо еще въ Кіевѣ сущю, сбирающу ему вои многи и молящю Бога о насильи и о гордости Ярославли, бѣ бо и Мстислава пустилъ передъ собою къ Володимерю съ маломъ вой, а самъ хотя поити по немъ съ всими вои: и бысть

велика помощь Божія благовѣрному князю Володимеру, съ своими сынъми, за честьное его житье и за смиреніе его, оному бо младу сущю и гордящюся *противу строеви своему*, *и паки противу тысти своему Мьстиславу* " (Ипатьев. стр. 9). Здѣсь Ярославъ виноватъ, по мнѣнію современниковъ, тѣмъ, что не уважалъ дяди и тестя: исключительно одни родственныя отношенія, ни слова о государственныхъ.

66 Правда = клятва, крестное цѣлованіе: Я рече имъ Князь великій Святополкъ: межи нами Богъ и *правда* есть, како урядились есмя съ Володимиромъ и проч. (Кёнигсберг. стр. 166). — Инача (Андрей Иванов. Старицкій) со княземъ съ Иваномъ ссылатися, и у князя Ивана учалъ *правды* просити; что его Великому Князю и его матерѣ Великой Княгинѣ не поймати..... и Князь Великій и его мати В. Княгиня, на Князя на Ивана на Овчину о томъ словесную опалу великую наложили, что безъ ихъ велѣнія Князю Андрею *правду* далъ (Кн. Царств. стр. 71). — И тую всю грамоту послали къ тебѣ съ твоими послы, учиня на ней *правъду* передъ твоими послы (Кн. Посольская Метрики В. К. Литовскаго т. I, N° 78).

67 Ипатьев. стр. 116: Пріѣхаша же со всею силою Ростовьскія земли на Михалка къ Володимерю и много зла створиша, и Мюромьцѣ и Рязаньцѣ приведоша, и пожьгоша около города. Володимерьцѣ же бьяхутся съ города, святѣй Богородици помогающи имъ; и стояша около города 7 недѣль и святая Богородице избави градъ свой. Володимерци же, не терпяще глада, рѣша Михалку: „мирися, любо промышляй собѣ;" онъ же отвѣщавъ и рече: „прави есте, ци мене дѣле хочете погинути?" поѣха въ Русь, проводиша его Володимирьци съ плачемъ великымъ. Потомъ же Володимерци утвердившеся съ Ростиславичема крестьнымъ цѣлованіемъ, како не створити има никакого зла городу, и выйдоша, со кресты, противу Мьстиславу и Ярополку изъ города. И вьшедъша въ городъ утѣшиста Володимерцѣ, и роздѣливше волость Ростовьскую и сѣдоста княжить; а Ярополка Князя посадиша Володимерьцѣ, съ радостью въ городѣ Володимерѣ на столѣ, въ святѣй Богородици весь порядъ положивше. Не противу же Ростиславичема бьяхуться Володимерьци, но не хотяче покоритися Ростовьчемъ и Суждальцемъ и Муромьцемъ, зане молвяхуть: „пожьжемъ Володимерь, аль пакъ иного посадника въ немъ посадимъ; то суть наши холопѣ каменьници."

68 Тамъ же.

69 Тамъ же: И послашася къ Ростовьцемъ и къ Суждальчемъ, являюще имъ обиду свою. Они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ суще далече; а бояре Князю тою крѣпко держахуся.

[70] Кёнигсберг. 262.

[71] Тамъ же, стр. 263: Володимирцы же помянувше Бога и крестное цѣлованіе къ Великому Князю Георгію, и вышедше предъ золотая ворота, цѣловаша крестъ Всеволоду Князю, брату Михалкову, и на дѣтехъ его.

[72] Тамъ же, стр. 264: молвяхуть бо ему: „аче ты миръ даси ему, а мы ему не дамы."

[73] Никонов. II, 310, 311: Князь же Константинъ не пойде в Володимеръ къ отцу своему, и посла къ нему сице глаголя: „отче чюдный и любезный ..... даждь ми старый начальный градъ Ростовъ, и кнему Володимеръ ... Князь Великой же Всеволодъ Юрьевичь посла кнему второе, да пріидетъ къ нему; онъ же не пойде. И паки третие посла кнему, да пріидетъ кнему в Володимеръ; онже не послуша отца своего, и не поѣхаша кнему, глаголя: да ми даси и Володимеръ к Ростову.

[74] Кёнигсберг. 261: и бысть радость велика въ Володимири. За 7 недѣль безъ Князя будуще, въ Володимирѣ градѣ только возложиша всю надежю на Бога и на пречистую его матерь и на свою правду ..... городы старыи Ростовъ и Суждаль, и вси бояре хотяще свою правду поставити, а не хотѣху правды Божіея творити, но како намъ любо, рекоша, тако же сотворимъ; Володимиръ есть пригородъ нашъ. Противящесь Богу и причистой его матери и правдѣ Божіей, слушающе злыхъ человѣкъ развратниковъ, не хотящихъ намъ добра завистью, ни граду сему и живущимъ въ немъ ..... Ростовцы и Суждальцы давніе старшіи творящесь, новіи жь людіи и мизенніи Володимирстіи уразумѣвше, ящась по правду крѣпко, и рѣкоша вси: „любо Михалка князя налѣземъ собѣ и брата его Всеволода, а любо главы своя за святую Богородицу и за тые князи сложимъ:" .... Се бо Володимирцы прославлени Богомъ по всей земли, за ихъ правду Богу имъ помогающу.

[75] Лавр. стр. 15: Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словеномъ Кривичемъ, и Мери; и Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяша Варягомъ. — Тамъ же стр. 92: Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающи Кіеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху а тако даяху (вси) посадници Новгородьскіе." Въ первомъ извѣстіи племя Славянъ (собственно такъ называемыхъ или Ильменскихъ) отдѣлено отъ главнаго ихъ города: Славяне платятъ данъ наравнѣ съ Кривичами и Мерею, Новгородъ же платитъ особую данъ въ 300 гривенъ. Въ первомъ извѣ-

стіи сказано: Варягомъ, ибо въ началѣ дружина преимущественно составлялась изъ нихъ; послѣ же, когда эта преимущественность исчезла, и слово *Варяги* замѣнено *гриди*. Назначеніе этой особой дани опредѣлено словами: *мира дѣля*: здѣсь *миръ* означаетъ внутреннее спокойствіе, общественную безопасность — главную цѣль общины, въ слѣдствіе чего *миръ* и *община* суть слова однозначущія, какъ у насъ, такъ и на западѣ. Миръ былъ нарушаемъ безпрестанными усобицами: постоянное войско, дружина княжеская, Варяги, гриди, должны были предотвращать ихъ вооруженною рукою, и получали за это особую дань. Это мѣсто лѣтописи ясно намекаетъ на недавнія безпокойства въ городѣ и на необходимость укрощать ихъ вооруженною силою. По смерти Ярослава 1-го, когда, въ слѣдствіе ослабленія власти княжеской, Новгородъ пріобрѣлъ извѣстныя права и вольности, пребываніе многочисленной дружины княжеской было опасно для гражданъ; они прекратили платежъ и такимъ образомъ заставили князя ограничиться малымъ числомъ приближенныхъ; вотъ по чему сказано, что они давали эту дань до смерти Ярослава, т. е., до начала ослабленія княжеской власти и усиленія народовластія въ Новгородѣ. (Въ Никонов. спискѣ вмѣсто словъ: „еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ" читаемъ: „еже и нынѣ даютъ)".

[76] Густин. лѣт. стр. 239: Иде Олегъ на Грекы .... и поятъ съ собою множество Варягъ, *Славянъ*, Чудь, Мерю Кривичи, Поляны, Сѣверы, Древляны, Радимичи и проч.—Лавр. стр. 19: Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни и Кривичи и проч.

[77] Тамъ же, стр. 90: Володимеру же шедшю Новгороду по верховьнѣ воѣ на Печенѣгы.

[78] Тамъ же, стр. 31.

[79] У Сѣверныхъ народовъ было повѣрье, что князья, какъ потомки боговъ и находившіеся постоянно съ ними въ общеніи, имѣли особенное доброе счастіе (Kongs-hamingià, Kongs-gipta), которое они могли сообщить также и своимъ дружинникамъ; такъ въ Сагѣ Олафа Тригвисона читаемъ, что когда Галлфредъ перемогъ Торлефа Мудраго, то послѣдній сказалъ ему: „Вѣдь ты это не одинъ сдѣлалъ, ибо счастіе королевское за тобою всюду слѣдуетъ."

[80] Ипатьев. стр. 59: Бѣ бо въ то время пославъ (Изяславъ) сына своего Мьстислава въ Угры, да тѣмъ не твердъ ему бѣ бродъ, зане не бяшеть ту князя, а боярина не вси слушають. — Тамъ же, стр. 70: Черниговцемъ же бьющимся изъ города, князи же сдумавши, се не крѣпко бьются дружина и Половци, оже съ ними не ѣздимы сами"

[81] Лавр. стр. 48.
[82] Кёнигсберг. 188.
[83] Тамъ же, стр. 101.
[84] См. Татищева предисловіе къ изд. Русской Правды въ продолж. Древ. Вивліоѳ. т. I, стр. 6.
[85] Образчикъ грамоты княжеской извѣстному лицу на волость см. въ Актахъ Арх. Эксп. т. I. N0. 2-й.
[86] Лавр. стр. 12.
[87] Тамъ же, стр. 14.
[88] Тамъ же, стр. 47.
[89] Тамъ же. стр. 44.
[90] Тамъ же, стр. 48.
[91] Никонов. I, 129.
[92] Соф. врем. I, 156; см. также припись къ Остромірову Евангелію.
[93] Новгор. пер. стр. 5.
[94] Истор. Татищ. т. III. стр. 407.
[95] Новгор. пер. стр. 63; Того же лѣта (1281) отъяша посадничество, Князь Дмитрій и Новгородцы, у Михаила у Мишинича, и даша Семену Михаилову, выведши изъ Ладоги.
[96] Тамъ же, стр. 31: Приде Дмитръ Якуниць изъ Руси, и съступися Твьрдиславъ посадничьства по своей воли старѣишю себе.
[97] Тамъ же, стр. 44: А къ князю Ярославу послаша на томъ: поѣди къ намъ, забожницы отложи, судье по волости не слати; на всеи воли нашеи и на вьсѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь. — Забожничьемъ, по согласному мнѣнію изслѣдователей, называлась дань, собираемая съ церквей (божницъ); Карамзинъ прибавляетъ: съ церквей нѣмецкихъ, потому что божницами преимущественно именовались у насъ латинскіе храмы. Истор. Г. Р. III, примѣч. 324. Арцыб. Повѣств. о Россіи, кн. 2, стр. 327.
[98] Тамъ же: Приде Князь Михаилъ изъ Чернигова въ Новгородъ.... и цѣлова крестъ на всеи воли Новгородстѣи и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ; и вда свободу смьрдомъ на 5 лѣтъ даніи не платити и проч. Соф. врем. I, 236: Прииде князь Михайло изъ Чернигова въ Повгородъ, и цѣлова князь крестъ, что ходити по Ярославлимъ грамотамъ, а болѣе того не изневолити Новгорода. Никоно. II, стр. 361.
[99] Новгород. пер. стр. 47.
[100] Тамъ же, стр. 79. Соф. врем. I. 322.
[101] Соф. врем. I, 152: и людемъ написа грамоту, рехъ: по сей грамотѣ дадите дань. — Никон. I, 133.
[102] О Судной грамотѣ Ярослава, или, такъ называемой, Русской Правдѣ,

въ нашемъ изслѣдованіи не можетъ быть рѣчи, ибо та грамота не есть льготная.

[103] Лѣтопись во 2-й части продолженія Древ. Вивл. стр. 312.

[104] Патерикъ Печер., житіе Св. Никона: Умершу же Ростиславу Владиміровичу князю острова того, умоленъ бысть преподобный отецъ нашъ Никонъ отъ людей страны тоя, поити къ Святославу Ярославичу Князю Черниговскому, и молити его да пуститъ имъ сына своего Глѣба на престолъ Тмутораканскій.

[105] Изгнанный Глѣбъ убитъ былъ далеко на Сѣверѣ, въ странахъ Чуди Заволоцкой. Объ изгнаніи Глѣба см. лѣтопись во 2-мъ Томѣ продолж. Древ. Вивл.: И посади Святослав. ..... всего Глѣба. И выгнаша ... и бѣжа за волокъ, и у ..... и Чюдь.—Пропуски эти дополняются тождественною съ напечатанною въ Вивл. лѣтописью, находящеюся въ Румянцов. Музеѣ подъ No. CCXLIX: И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиша и Чюдь.«— Если Изяславъ и Всеволодъ изгнали племянниковъ отовсюду, то ясно они не могли спокойно оставить Глѣба въ Новгородѣ: отсюда понятно, почему *выгнаша* и *бѣжа*. см. Арцыб. кн. II, стр. 31, примѣч. 181.

[106] Карам. т. II, прим, 172: Въ харат. Новгород. стр. 8: въ лѣто 6603 иде Святополкъ и Володимеръ на Давыда Смольнску, и вдаша Давыду Новгородъ. Въ Новгород. попа Іоанна стр. 313: „княживъ пять лѣтъ (Мстиславъ въ Новгородѣ), иде къ Ростову; а Давыдъ прииде къ Новгороду княжить, и по *двою лѣту* выгнаша и, и приде Мстиславъ опять.“—„Если Давидъ (замѣчаетъ Карамзинъ) какъ сказано выше, въ 1095 году изгнанъ изъ Смоленска, то онъ не жилъ двухъ лѣтъ въ Новгородѣ: ибо Мстиславъ возвратился изъ Ростова въ томъ же 1095 году.“ — Невѣрность показанія лѣтописи попа Іоанна объясняется, если сличимъ ее съ показаніемъ, находящимся у Татищева, кн. II, стр. 157: равно какъ съ Кёнигсб. 141 и Никон. II, 11. Слова: *выгнаша и* относятся не къ первой смѣнѣ Мстиславомъ Давида въ 1095 году, ибо тогда Новгородцы на выгоняли Давида: онъ самъ добровольно ушелъ отъ нихъ; но относятся ко вторичному прибытію его въ Новгородъ, когда уже тамъ былъ Мстиславъ и когда граждане точно прогнали или, лучше сказать, не пустили Давида. У Татищева читаемъ такъ: „Давидъ Святославичь, хоть былъ князь кроткій, милостивый и справедливый, но не могъ Новгородцамъ по ихъ непостоянству во всемъ угодить, выѣхалъ въ Смоленскъ и тутъ остался на княженіи, а Изяслава сына Владимірова выслалъ. Новгородцы же послали ко Владиміру просить, чтобъ имъ далъ сына своего Мсти-

слава изъ Ростова. Володиміръ согласясь со Святополкомъ, поѣхалъ самъ въ Новгородъ, и Мстиславу изъ Ростова велѣлъ туда ѣхать.... Но Давидъ увѣдавъ, что Владиміръ въ Новгородъ поѣхалъ, а сына своего тамъ хощетъ посадить, оставя Смоленскъ, поѣхалъ паки въ Новгородъ, а Новгородцы увѣдавъ, что онъ идетъ, а у нихъ уже былъ Мстиславъ, послали ему сказать, чтобъ онъ не ходилъ къ нимъ, понеже они князя имѣютъ; онъ же, слышавъ то, возвратился къ Смоленску."

[107] Кёнигсберг. стр. 167: Святополкъ рядъ имѣлъ съ Володимеромъ, яко Новгороду быти Святополчу; а посадити сынъ свой въ немъ, а Володимиру посадити сынъ свой въ Володимирѣ. И пріиде Мстиславъ къ Кіеву, и сѣдоша въ Истьбѣ, и рѣша мужи Володимири: »Се прислалъ Володимиръ сына своего Мстислава съ Новгородцы да поимше сына твоего идутъ къ Новгороду, а Мстиславъ да идетъ къ Володимерю.« И рече имъ князь великій Святополкъ: »межи нами Богъ и правда есть; како урядилися есмя съ Володимиромъ; яко Новгородъ мнѣ есть: да идетъ въ Новгородъ сынъ мой." И рѣша Новгородцы Святополку: „Се мы, княже, присланы къ тобѣ, рѣкли намъ тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ главѣ имѣетъ сынъ твой, то посли; а се ны далъ Всеволодъ, да вскормили есмо себѣ Князя, а ты еси шелъ отъ насъ." Также точно поступили Полочане въ 1132 году: когда Изяславъ Мстиславичь промѣнялъ ихъ столъ на Переяславскій, то они съ негодованіемъ отреклись отъ Мономаховичей (Лавр. 132). Псковитяне говорили Князю Андрею въ 1349 году: „А Псковъ повергъ то, уже еси самъ лишилъ Пскова, а намѣстникъ твоихъ нехотимъ. (Псков. изд. Погод. стр. 28).

[108] Кёнигсберг. стр. 151.

[109] Иде Мстиславъ Кыеву на столъ изъ Новгорода, Марта въ 17, а сынъ посади Новѣгородѣ Всеволода на столѣ. Новгор. пер. стр. 4.

[110] Тамъ же: Въ се же лѣто (1116) преставися Добрына, посадникъ Новгородьскыи. Въ лѣто 6626 преставися Дъмитръ Завидицъ, посадникъ Новгородьскыи, іуля въ 9, посадниця въ 7 мѣсяць одину.

[111] Тамъ же: Томъ же лѣтѣ приведе Володимиръ съ Мьстиславомъ вся бояры Новгородьскыя Кыеву, и заводи я къ честьному хресту, и пусти домовь, а иныя у себя остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся.

[112] Тамъ же, стр. 5: Въ то же лѣто преставися Късьнятинъ Мосѣовицъ, посадникъ. — Въ лѣто 6628 приде Борисъ посадницать въ Новгородъ.

[113] Преставися Володимиръ великыи, Кыевѣ, сынъ Всеволожь; а сына его Мьстислава посадиша на столѣ отни..... Въ то же лѣто посадиша на столѣ Всеволода Новгородѣ. — Тамъ же.

[114] Тамъ же: Въ лѣто 6634 ходи Всеволодъ къ отцю Кыеву, и приде опять Новгороду на столъ, въ то же лѣто вдаша посадницьство Мирославу Гюрятиницю.

[115] Въ лѣто 6630 Преставися Мьстиславляя Хрьстина. Того же лѣта оженися Мьстиславъ Кыевѣ поя Дмитровьну Новѣгородѣ Завидиця. Тамъ же.

[116] Тамъ же: Въ лѣто 6636. Въдаша посадницьство, Новѣгородѣ, Завиду Дмитровицю..... Въ се же лѣто.... и Завидъ посадникъ Новгородскыи умре Дъмитровиць. Въ лѣто 6637. Вънидe изъ Кыева Данилъ посадницать Новугороду.

[117] Тамъ же, стр. 6: Въ то же лѣто ходи Кыеву къ отцю.... а Петрилу даша посадницать Новугороду.

[118] Въ се же лѣто (1132) ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю, повелѣніемъ Ярополцѣмъ, а цѣловалъ крестъ Новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети. Новг. пер. стр. 6.

[119] Тамъ же: И рече Георги и Андреи: се Ярополкъ, братъ наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему.

[120] Ипатьев. стр. 12: Ярополкъ приведе Всеволода Мьстиславича изъ Новгорода, и да ему Переяславль; съ завтрія же сѣде въ немъ, а до обѣда выгна Юрьи стрый его.

[121] Новгор. пер. стр. 6: И приде (Всеволодъ) опять Новугороду; и бысть въстань велика въ людьхъ и придоша Пльсковици и Лодожане Новугороду, и выгониша Князя Всеволода изъ города; и паки съдумавше въспятиша и.

[122] Такъ Владимірцы, принявъ къ себѣ Ярополка Ростиславича, и заключивши съ нимъ условія, говорятъ: „мы есмо вольніи, а князя пріяли къ себѣ.“ Кёнигсберг. стр. 258.

[123] Новгор. пер. стр. 6: А Мирославу даша посадницяти въ Пльсковѣ, а Рагуилови въ городѣ.

[124] Тамъ же: И раздьрася вся земля Русьская. — Ипатьев. стр. 13: То же все ея створи, оже выгна Гюрги Всеволода изъ Переяславля, а потомъ Изяслава выгна Вячьславъ, а потомъ Изяслава же выгна тотъ же Вячьславъ изъ Турова, а они приступиша къ Олговичемъ, и бысть въ томъ межи ими пря, велика злоба, идяху слово рекуче Олговичи: „Яко вы начали есте перво насъ губити.“

[125] Татищ. II, 244.

[126] Причина упорства ясна: помогая Мстиславичамъ, Новгородцы должны были идти противъ В. Князя; ниже увидимъ еще другую причину.

[127] Новгор. пер. стр. 6: Почаша мълъвити о Суждальстѣи воинѣ Новъгородци; и убиша мужы свои и съвьргоша и съ моста.

[128] Татищ. II, 247: Новогородцы шедъ Волгою до Дубны, и тутъ возмутясь поворотились, представляя вину ту, для чего Мьстиславичи съ Черниговскими противъ дядьевъ своихъ союзъ учинили, естьлибы оныхъ яко злодѣевъ племени Владимирова не присовокупляли, то бы мы готовы за обиду дѣтей Мьстиславлихъ воеваться, или ихъ примирить, а съ Черниговскими никакъ въ союзѣ быть не хотѣли. — Ипатьев. стр. 31: Кіяне же рекоша (Изяславу): княже, ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя рукы възняти; олня же Ольговичь хотя и съ дѣтми."

[129] Новгор. пер. стр. 6: Томъ же лѣтѣ ходи Всеволодъ съ Новгородьци хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубнѣ опять, и на томъ же пути отяша посадницьство у Петрила и даша Иванку Павловицю.

[130] Тамъ же стр. 7: Въ лѣто 6643 ходи Мирославъ посадникъ изъ Новагорода мирить Кыянъ съ Черниговьци, и приде не успѣвъ ницто же; сильно бо възмялась вся земля Русьская.

[131] Тамъ же: Ярополкъ къ собѣ зваше Новгородьцѣ, а Черниговьскыи князь къ собѣ.

[132] Ипатьев. стр. 14:

[133] Новгор. пер. стр. 7: А се вины его творяху: 1. не блюдеть смердь; 2. чему хотѣлъ еси сѣсти Переяславли; 3. ѣхалъ еси съ пълку переди всѣхъ; а на то много на початьи, велѣвъ ны, рече, къ Всеволоду приступити, а паки отступити велить.

[134] Томъ же лѣтѣ, наставъшю Индикта 15 убиша Гюрга Жирославиця и съ моста съвергоша.... Въ то же лѣто стрѣлиша князя милостьници Всеволожи, нъ живъ бысть.

[135] Тамъ же: Въ лѣто 6645.... бѣжа Костянтинъ посадникъ къ Всеволоду, и инѣхъ добрыхъ мужь нѣколико.... въ то же лѣто приде князь Мьстиславичь Всеволодъ Пльскову, хотя сѣсти опять на столѣ своемъ Новгородѣ, позванъ отаи Новгородскыми и Пльсковьскыми мужи, пріятели его: поиди княже, хотять тебя опять, и яко услышано бысть се, яко Всеволодъ Пльсковѣ съ братомъ Святополкомъ и мятежъ бысть великъ Новѣгородѣ, не въсхотѣша людье Всеволода; и побѣгоша друзіи къ Всеволоду Пльскову, и възяша на разграбленіе домы ихъ.... Потомъ же Святославъ Олговиць съвкупи всю землю Новгородьскую, и брата своего приведе Глѣба, Куряны съ Половьци идоша на Пльсковъ прогонить Всеволода; и не покоришася Пльсковици имъ, ни выгнаша князя отъ себя.

[136] Тамъ же.

[137] Тамъ же.

[138] Тамъ же, стр. 8.

[139] Тамъ же: Приде Гюрги Князь изъ Суждаля Смольньску, и зваше Новгородцѣ на Кыевъ на Всеволодка, и не послушаша его и тъгда бѣжа Ростиславъ Смольньску къ отцю изъ Новгорода..... и разъгнѣвася Гюрги, идя опять Суждалю взяя Новыи Търгъ и послашася Новгородци Кыеву по Святослава по Олговиця, заходивьше ротѣ; и бѣ мятежь Новгородѣ, а Святославъ дълго не бяше. Въ то же лѣто выиде Князь Святославъ Ольговиць Новгороду ... Въ лѣто 6648. потоциша Кыеву къ Всеволоду Къснятина Микулъцицѣ а пакы по немъ инѣхъ мужь 6 оковавъши.

[140] Итатьев. стр. 17: Посла къ брату Всеволоду, река ему: »тягота, брате, въ людехъ сихъ, а не хочю въ нихъ быти, а кого тобѣ любо посли въ онь.«

[141] Новгор. пер. стр. 9.

[142] Тамъ же; Ипатьев. стр. 17.

[143] Ипатьев. стр. 17: Всеволодь же, не хотя перепустити Новгорода Володимерю племени, призва шюрина своя, да имъ Берестій река: »Новагорода не березѣта, ать сѣдять сами о своей силѣ, кдѣ кияся не налѣзуть.»

[144] Эти слова В. Князя также ясно показываютъ, что Новгородцамъ не дано было прежде Ярославомъ никакого права произвольнаго избранія князей.

[145] Новгор. пер. стр. 9: Епископъ, и купьцѣ, и слы Новгородьскыя не пущаху изъ Руси, и они не хотяху иного князя, развѣ Святопълка; и вда имъ Святопълка изъ своею руку. въротивъся Гюрги оже пустилъ сына свои Новугороду. и услышаша Новѣгородѣ, яко Святопълкъ идетъ къ нимъ съ всѣми людьми ихъ, и яше Ростислава и въсадиша въ Епископль дворъ сидѣвша 4 мѣсяца. Въ тоже лѣто вънидѣ Святопълкъ Новугороду; и пустиша Ростислава къ отцю. — Ипатьев. стр. 18: посла Всевсолодъ Святополка въ Новъгородъ, шюрина своего, смолвяся съ Новьгородьци, которыхъ то былъ пріялъ; пояша и Новгородци и сѣде на столѣ, и Дюрдевича стрьичича своего пусти къ отцю. — Странно, что у Татищева разсказывается это событіе совершенно иначе (II, стр. 264): Юрій же не медленно отпустилъ къ нимъ паки сына Ростислава; и какъ ще Ростиславъ не пріѣхалъ, но былъ близъ Новгорода, получили извѣстіе, что Всеволодъ Олговичь отпустилъ къ нимъ шурина своего Святополка, паки пришли Новгородцы въ недоумѣніе; но вадумавъ послали ко Святополку на встрѣчу съ дарами довольными, прося

его, чтобъ безъ гнѣва возвратился (куда?), извиняя себя народнымъ ко пріятію Юріева сына принужденіемъ, а о немъ вѣдомости тогда не было. Святополкъ же вельми разгнѣвася на нихъ, взялъ Новъгородской области Торжескій городецъ.« Здѣсь ясна перемѣшка именъ и пропускъ; надобно читать: но вздумавъ послали къ Ростиславу, а не Святополку, тогда *возвратился* будетъ имѣть смыслъ; послѣ слова *возвратился* находится пропускъ начальныхъ словъ Новгородцевъ къ Святополку уже; но въ началѣ слѣдующей фразы должно читать опять: Ростиславъ, а не Святополкъ.

146 Ипатьев. 77: Ростиславъ же ту стоя, послася къ Дюргеви, прося у него мира, река „отце! кланяютися, ты переди до мене добръ былъ еси, и азъ до тебѣ; а нынѣ кланяютися, стрый ми еси яко отець;“ Гюрги же рече: „право, сыну„ съ Изяславомъ есмь не моглъ быти, а ты ми еси свой братъ и сынъ.“

147 Новгор. пер. 10.

148 Тамъ же.

149 Татищ. II, 322.

150 Такъ у Татищева (см. выше); въ лѣтописи (Новг. пер.): тои жи осени присла Изяславъ изъ Кыева сына своего Ярослава, и пріяша Новгородьци, а Святополка выведе, злобы его ради.

151 Ипатьев. 39: Се стрый мой Гюргій изъ Ростова, обидитъ мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отоималь, и на путѣхъ имъ пакости дѣеть, а хочю пойти нань и то хочю управить, любо миромъ, любо ратью.

152 Тамъ же, 39 и слѣд.

153 Тамъ же, 41: Гюрги же, въ соромѣ сына своего сжаливъ собѣ, рече: таколи мнѣ части нѣту въ Руской земли, и моимъ дѣтемъ?“

154 См. выше, примѣч. 146; тамъ же стр. 58: Изяславъ же рече брату своему Ростиславу: „ты ми еси, брате, много понуживалъ, яко же положити честь на стрыи своемъ и на отци своемъ.“ — Вотъ за что дядья любили Ростислава.

155 Тъгдаже иде Ростиславъ изъ Новагорода Кыеву настолъ, оставилъ сына Давыда Новѣгородѣ и възнегодоваша Новгородцы, зане нестворимъ ряду, но болѣ раздьра, и показаше путь по немъ сынови его. Новг. пер. 11.

156 Лѣтописецъ Новгородскій поставилъ котору своихъ гражданъ прежде смерти Юрьевой; но естественно, что онъ долженъ былъ событія своего города описывать прежде и обстоятельнѣе, а потомъ уже кратко упоминать о событіяхъ въ другихъ княжествахъ, въ этотъ годъ случившихся, и потому я слѣдую здѣсь Никонов. списку и Татищеву. Татищ. III, 106; Новгор. пер. 12.

157 Ипатьев. стр. 91: Се же створи (Андрей) хотя самовластецъ быти всей Суждальской земли.

158 Тамъ же, 88.

159 Тамъ же: И оттолѣ начашася Новгородци мясти и вѣче часто начаша творити.

160 Тамъ же.

161 Новг. пер. стр. 13.

162 Тамъ же: и Святослава въведоша опять на всей воли его.

163 Новгор. пер. стр. 13.

164 Ипатьев. 94: Того жо лѣта исходяча, пойде Ростиславъ Новугороду, занеже не добрѣ живяху Новгородцы съ Святославомъ сыномъ его.

165 Тамъ же. Новгор. пер. 13 и 14.

166 Ипатьев. 97.

167 Новгор. пер. стр. 14.

168 Ипатьев. 99: въ тоже время бѣ Андрей Гюргевичь въ Суждали княжа, и тъ бѣ не имѣя любьви къ Мьстиславу,

169 Новгор. пер. 14.

170 Тамъ же.

171 Ипатьев. 99.

172 Новгор. перв. 15.

173 Тамъ же.

174 О пораженіи Мстислава упоминаетъ Новгородская лѣтопись; но и въ ней нѣтъ тѣхъ прибавокъ, какія находимъ въ Никоновскомъ спискѣ, и Степенной Книгѣ.—При извѣстіи о походѣ Мстислава Андреевича подъ Новгородъ въ нѣкоторыхъ спискахъ находится любопытное мѣсто, гдѣ выразилась непріязнь Новой Руси, непріязнь новыхъ городовъ къ старымъ, представителемъ которыхъ былъ Новгородъ (Ипатьев. 105): „Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени *прадѣды князь нашихъ*; но злое невѣрьствіе въ нихъ вкоренилося, крестъ къ княземъ преступити, и князѣ внукы и правнукы обесчествовати и соромляти, а крестъ честный къ ними цѣловавши переступати. То доколѣ Господеви терпѣти надъ ними? за грѣхы навелъ и наказа, по достоянью, рукою благовѣрнаго князя Андрея."—Это мѣсто также доказываетъ, что не знали о льготной грамотѣ Ярослва I-го, ибо здѣсь просто сказано: „прадѣды князь нашихъ."

175 Въ Ипатьев. стр. 105. это происшествіе разсказано самымъ естественнымъ образомъ: Романъ, узнавъ о смерти отца, которая лишила его права оставаться въ Новгородѣ княземъ, удалился добровольно

„того же лѣта исходяща, и приде вѣсть къ Романови о отни смерти, Романъ же яви дружинѣ своей и пріятелемъ своимъ Новгородцемъ; и сгадавше дружина, и рькоша ему: „не можемы княже уже здѣ быти,“ и проч.

[176] Новгор. пер. 15: Бысть дорогьвь Новѣгородѣ и съдумавше Новгородьци показаша путь князю Роману, а сами послаша къ Ондрееви по миръ на всей волѣ своей. — По Никонов. списку и Соф. Врем., согласно съ Ипатьев., Новгородцы выгнали Романа, узнавъ о смерти отца его.

[177] Новгор. пер. 16: ходи Арьхіепископъ Новгородьскый Илія къ Ондрееви Володимирю, на вьсю правьду.

[178] Вѣроятно Жирославъ былъ виновенъ и потому Новгородцы не вступились за него при Рюрикѣ; по этому то они и послали Архіепископа къ В. Князю просить о смѣнѣ этого чиновника.

[179] См. Карам. III, гл. III.

[180] Новгор. пер. 17.

[181] Ипатьев. стр. 120: прислаша Новгородци мужи свои ко Мьстиславу къ Ростиславичу, зовуче и Новугороду Великому; онъ же не хотяше ити изъ Русской земли, река имъ: „яко не могу ити изъ отчины своей и со братьею своею разойтись.“ Но понудиша и братья своя и мужи свои, рекуче ему: „брате! аже зовуть тя съ честью, иди; а тамо ци не наша отчина?“

[182] Тамъ же; Новгор. пер. 17.

[183] Новгор. пер. стр. 17.

[184] Тамъ же.

[185] Тамъ же, стр. 18.

[186] Татищ. III, 246.

[187] Новгор. пер. 18.

[188] Тамъ же; Татищ. III, 272.

[189] Новгор. пер. стр. 19.

[190] Тамъ же 23: а Всеволодъ вышьдъ въ землю ихъ, и не вда Богъ межи ими кръви пролитія больша и взяша миръ межи собою, а Новгородъ выложиша вси князи въ свободу, кдѣ имъ любо туже собѣ князя поимають

[191] См. выше; Всеволодъ позволилъ имъ выбрать Мстислава Давидовича.

[192] Новгор. пер. стр. 23.

[193] Тамъ же.

[194] Тамъ же. Что у Ярослава была сильная партія, видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: иде князь Ярославъ на Новый Търгъ, и пріяше и Новоторжьци съ поклономъ, и жаляху по немъ въ Новѣгородѣ добріи, а зліи радовахуся.

[195] Тамъ же, стр. 24.

[196] Татищ. III, 327.

[197] Новгор. пер. стр. 25.

[198] Тамъ же. стр. 29.

[199] Тамъ же, стр. 30.

[200] Тамъ же.

[201] Татищ. III, 367. Что Татищевъ этихъ обстоятельствъ отъ себя не выдумывалъ, доказательствомъ служитъ мѣсто Пушинскаго списка: „Всеволодъ посла сыны своя Константина съ братьею на Мстислава на Торжекъ. Мстиславъ же изыде изъ Торжку Новугороду; а оттуда иде въ Торопецъ, въ свою волость. Константинъ же возвратися со Тфери, и Святославъ приде съ нимъ изъ Новгорода." См. также Пол. Собр. Рус. лѣт. т. I, стр. 183, 184. — Къ этой запутанности присоединяется сюда смѣшеніе двухъ князей — Владиміра Всеволодовича и Владиміра Мстиславича, брата Удалаго, княжившаго во Псковѣ. Новгородская лѣтопись говоритъ о походѣ Новгородцевъ на Литву съ княземъ Владиміромъ прежде прихода Мстислава въ Торжекъ, а Карамзинъ приписываетъ этотъ походъ Владиміру Мстиславичу Псковскому; Татищевъ ставитъ походъ послѣ пріѣзда Мстислава Удалаго, послѣ мира съ В. Княземъ и приписываетъ его Владиміру Всеволодовичу. Послѣдній родился въ 1194 году, слѣд. въ 1209 долженъ былъ имѣть 15 лѣтъ. Здѣсь, вѣроятно, ошибка на сторонѣ Татищева, который и прежде смѣшалъ Романа Ростиславича Смоленскаго съ Романомъ Мстиславичемъ Волынскимъ. Смѣшать двухъ одноименныхъ князей онъ могъ; но выдумать приведенныя подробности—это другое дѣло!

[202] Новг. пер. 32.

[203] Тамъ же, 33.

[204] Тамъ же: Князь же Мстиславъ створи вѣце на Ярославли дворѣ: и пойдемъ, рече, поищемъ мужь своихъ вашей братьи и волости своей; да не будетъ Новый търгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тържькомъ, но гдѣ Святая Софія, ту Новгородъ; а и въ мнозѣ Богъ, и въ малѣ Богъ и правда.

[205] Никон. II, 323: Спеже дивно бѣ, пойдоша дѣти на отцевъ, и отцы на дѣти, и братья на братью. Пол. Собр. Рус. лѣтоп. т. I, стр. 212.

[206] Тамъ же стр. 325: „но убо не забывайте, яко Ростиславле племя князи мудрыи и храбрыи, а Новгородцы и Псковичи и Смолняне усердни суть къ бою, а самаго князя Мстислава Мстиславича и сами вѣсте, каковъ есть, и яко отъ Бога дана ему храбрость паче всѣхъ.

[207] Новгор. пер. стр. 36.

208 Тамъ же, стр. 37.

209 Тамъ же.

210 Тамъ же: князь же Святославъ присла свои тысяцкыи на вѣче, рече: не могу быти съ Твердославомъ, и отъимаю отъ него посадницьство, рекоша же Новгородци: ели вина его? онъ же рече: безъ вины, рече Твердославъ: тому есмъ радъ, оже вины моей нѣту; а вы, братье, въ посадничьствѣ и въ князехъ. Новгородци же отвѣщаша: княже, оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити; а тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ; а въ то ся не вдадимъ, и бысть миръ.

211 Тамъ же стр. 38: и вложи дьяволъ князю грѣхъ въ сердци, гнѣвъ до Твердислава, и безъ вины; и приде въ Новъгородъ, и възвади всь городъ, хотя убити Твьрдислава.

212 Тамъ же,

213 Тамъ же,

214 Тамъ же, стр. 39.

215 Тамъ же, стр. 41.—Татищевъ (III, 433) разсказываетъ это событіе нѣсколько иначе: Новгородцы должны были заплатить Юрію съ Торжку 3,000, съ Новогорода 7,000 новою, и старою 3,500 гривенъ серебра.... Новгородцы долго не хотѣли Михаила Всеволодича шурина его принять, и въ пенѣ просили убавки, но видя, что неизбѣжно принуждены учинить, приняли князя Михали съ честію, злодѣевъ дали Тысяцкому Юріеву наказать, который такъ наказалъ, что два славныхъ возмутителей дни въ два померли.

216 Тамъ же. Приде князь Михаилъ въ Новъгородъ, сынъ Всеволожь внукъ Ольговъ, и бысть льгъко по волости Новугороду.

217 Новгор. пер. стр. 44.

218 Тамъ же.

219 Тамъ же, стр. 45: и рече Ярославъ: того не отступаю, а крьсть не цѣлую, вы собѣ, а я собѣ.

220 Новгор. пер. стр. 46.

221 Тамъ же стр. 47: а княжицю Ростиславу путь показаша къ Торжьку къ отцеви въ Цьрниговъ: какъ отецъ твой реклъ былъ въсѣсти на конь на войну съ Въздвиженія и крестъ цѣловалъ, а се уже Микулинъ день; съ насъ крестное цѣлованіе, а ты пойди прочь, а мы собѣ князя промыслимъ.

222 Татищ. III, 457. Ярославъ выслушавъ присланныхъ отъ Новгородцевъ, сказалъ имъ: „естьли данную Михаиломъ неистовую грамоту отринутъ, и учинятъ ему роту по прежнему обычаю, то онъ къ нимъ пойдетъ, и отъ непріятелей ихъ Нѣмецъ своими войсками обо-

ронять будетъ; естьли же оной не отрекутся, то не пойдетъ. Послы послали наскоро въ Новгородъ, и Новгородцы многу распрю имѣли, напослѣдокъ принуждены оную грамоту оставить и отдать ему, а сами учинили роту Ярославу по прежнему. Новг. пер. стр. 47: и послаша по Ярослава на всеи воли Новгородстѣй, Ярославъ же въбързѣ приде въ Новгородъ и створи вѣце, и цѣлова Святую Богородицю на громотахъ на всѣхъ Ярославлихъ.

[223] Новгор. пер. стр. 48: въ Новѣ же городѣ бысть мятежь великъ, не бяше бо князя Ярослава, но въ Переяславли бѣ тогда.

[224] Тамъ же стр. 50.

[225] Тамъ же стр. 53: Вниде князь Олександръ изъ Новагорода къ отцю въ Переяславль, съ матерью и женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, роспрѣвся съ Новгородци.

[226] Никонов. лѣт. говоритъ что Александръ, прибывъ въ Новгородъ, перевѣшалъ многихъ крамольниковъ. III, 14.

[227] Татищ. IV, стр. 27. Лавр. 203. Новгор. пер. стр. 56. Соф. врем. I, 269: Воскр. III, 232.

[228] Тамъ же.

[229] Тамъ же, стр. 57.

[230] Тамъ же, стр. 58. 62.

[231] Собр. гос. гр. и дог. т. I. N0. 1. На семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всѣму Новугороду, на цѣмъ то цѣловали Дѣди и Отци.

[232] Тамъ же: А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие въ Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи.

[233] Новг. пер. стр. 61: а князю послаше на городище. исписавше на грамоту всю вину его: чему еси отьялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отьялъ еси заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи, и на Романѣ Болдыжевичи, и на Варѳоломѣи? а иное чему выводишь отъ насъ иноземца, которыи у насъ живутъ? а того много вины его.

[234] Новг. пер. 61 и 62: и присла Ярославъ съ поклономъ въ Новгородскый полкъ, и взяша миръ на всей воли Новгородской. См. Собр. гос. гр. и дог. т. I, N° 3.

[235] Тамъ же. И присла Дмитрій князь послы своя въ Новгородъ съ поклономъ, хотя сѣсти въ Новѣгородѣ, а Василій Ярославичь такоже присла съ поклономъ, хотя сѣсти на столѣ.

[236] Татищ. IV, 45. Извѣстіе Татищева тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣры, что Новгородцы, будучи облагодѣтельствованы Василіемъ, безъ сомнѣнія предпочли бы его Димитрію, если бы требованіе В. Князя не заставило ихъ забыть старое добро.

237 Новгор. пер. стр. 63: и възмѣтошася люди и въсхотѣша Василія; и съступися Дмитреи съ стола волею, и поиде прочь съ любовію.

238 Тамъ же: и оттолѣ идоша къ Василію и поклонишася. — Татищ. IV, 46.

239 Новгор. пер. стр. 64.

240 Тамъ же.

241 Татищ. IV, 68.

242 Новгор. пер. стр. 65.

243 Тамъ же, стр. 66.

244 Тамъ же стр. 68: и сопростася два князя о великое княженіе..... и много бысть замятни Суждальской земли во всѣхъ градѣхъ.

445 Тамъ же.

246 См. договор. грам. Новгор. съ Михаиломъ въ I мъ томѣ Соб. гр. и дог, — Еще при жизни Андрея Новгородцы заключили съ Михаиломъ оборонительный и наступательный союзъ; этотъ союзъ должно отнести къ 1296 году, когда В. Князь Андрей поссорился съ братомъ Даніиломъ Московскимъ и съ племянникомъ Иваномъ Переяславскимъ; Михаилъ Тверской принялъ сторону послѣднихъ; онъ пишетъ къ Владыкѣ Новгородскому: „То ти, отьче, повѣдаю: съ братомъ своимъ со старѣйшимъ съ Даниломъ одинъ есмь, и съ Иваномъ; а дѣти твои, Посадникъ и Тысяцьскыи, весь Новъгородъ, на томъ цѣловали ко мнѣ крестъ. Аже будетъ тягота мнѣ отъ Андрѣя, или отъ Татарина, или отъ иного кого, вамъ потянути со мною, а не отступити вы ся мене ни въ которое же время.“ — Ясно, что въ это смутное время Новгородъ былъ предоставленъ самому себѣ, ибо, не признавая власти Тверскаго князя, заключалъ съ нимъ союзъ противъ Великаго. Слѣдствіемъ такого положенія было еще бо́льшее отчужденіе между В. Княземъ и Новгородомъ, еще больше раздѣленіе ихъ интересовъ; такъ въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ Михаиломъ, уже В. Княземъ, встрѣчаемъ слова: „А коли будетъ Новгороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляти ти, княже, по Новѣгородѣ бесъ хытрости.“ Здѣсь обязанность защищать свое владѣніе превращается уже въ обязанность союзника. Тутъ же находимъ новое условіе: „А безъ Новгородскаго ти слова, княже, войны не замышляти.“

247 Собр. гос. гр. и дог. т. I, N0. 10 и 11.

248 Новгор. пер. стр. 70.

249 Татищ. IV. 93: Того же лѣта Новгородцы сотвориша вѣче, понеже нелюбы имъ быша намѣстники В. Князя Михаила, яко много обида и нужа бысть имъ отъ нихъ, и восхотѣша ихъ изгнати.

ронять будетъ; естьли же оной не отрекутся, то не пойдетъ. Послы послали наскоро въ Новгородъ, и Новгородцы многу распрю имѣли, напослѣдокъ принуждены оную грамоту оставить и отдать ему, а сами учинили роту Ярославу по прежнему. Новг. пер. стр. 47: и послаша по Ярослава на всеи воли Новгородстѣй, Ярославъ же въбързѣ приде въ Новгородъ и створи вѣце, и цѣлова Святую Богородицю на громотахъ на всѣхъ Ярославлихъ.

223 Новгор. пер. стр. 48: въ Новѣ же городѣ бысть мятежь великъ, не бяше бо князя Ярослава, но въ Переяславли бѣ тогда.

224 Тамъ же стр. 50.

225 Тамъ же стр. 53: Вниде князь Олександръ изъ Новагорода къ отцю въ Переяславль, съ матерью и женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, роспрѣвся съ Новгородци.

226 Никонов. лѣт. говоритъ что Александръ, прибывъ въ Новгородъ, перевѣшалъ многихъ крамольниковъ. III, 14.

227 Татищ. IV, стр. 27. Лавр. 203. Новгор. пер. стр. 56. Соф. врем. I, 269: Воскр. III, 232.

228 Тамъ же.

229 Тамъ же, стр. 57.

230 Тамъ же, стр. 58. 62.

231 Собр. гос. гр. и дог. т. I. N0. 1. На семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всѣму Новугороду, на цѣмъ то цѣловали Дѣди и Отци.

232 Тамъ же: А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие въ Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи.

233 Новг. пер. стр. 61: а князю послаше на городище. исписавше на грамоту всю вину его: чему еси отьялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи, и на Романѣ Болдыжевичи, и на Варѳоломѣи? а иное чему выводишь отъ насъ иноземца, которыи у насъ живутъ? а того много вины его.

234 Новг. пер. 61 и 62: и присла Ярославъ съ поклономъ въ Новгородскый полкъ, и взяша миръ на всей воли Новгородской. См. Собр. гос. гр. и дог. т. I, N° 3.

235 Тамъ же. И присла Дмитрій князь послы своя въ Новгородъ съ поклономъ, хотя сѣсти въ Новѣгородѣ, а Василій Ярославичь такоже присла съ поклономъ, хотя сѣсти на столѣ.

236 Татищ. IV, 45. Извѣстіе Татищева тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣры, что Новгородцы, будучи облагодѣтельствованы Василіемъ, безъ сомнѣнія предпочли бы его Димитрію, если бы требованіе В. Князя не заставило ихъ забыть старое добро.

[237] Новгор. пер. стр. 63: и възмѣтошася люди и въсхотѣша Василія; и съступися Дмитреи съ стола волею, и поиде прочь съ любовію.

[238] Тамъ же: и оттолѣ идоша къ Василію и поклонишася. — Татищ. IV, 46.

[239] Новгор. пер. стр. 64.

[240] Тамъ же.

[241] Татищ. IV, 68.

[242] Новгор. пер. стр. 65.

[243] Тамъ же, стр. 66.

[244] Тамъ же стр. 68: и сопростася два князя о великое княженіе..... и много бысть замятни Суждальской земли во всѣхъ градѣхъ.

[445] Тамъ же.

[246] См. договор. грам. Новгор. съ Михаиломъ въ I мъ томѣ Соб. гр. и дог, — Еще при жизни Андрея Новгородцы заключили съ Михаиломъ оборонительный и наступательный союзъ; этотъ союзъ должно отнести къ 1296 году, когда В. Князь Андрей поссорился съ братомъ Даніиломъ Московскимъ и съ племянникомъ Иваномъ Переяславскимъ; Михаилъ Тверской принялъ сторону послѣднихъ; онъ пишетъ къ Владыкѣ Новгородскому: „То ти, отьче, повѣдаю: съ братомъ своимъ со старѣйшимъ съ Даниломъ одинъ есмь, и съ Иваномъ; а дѣти твои, Посадникъ и Тысяцьскыи, весь Новъгородъ, на томъ цѣловали ко мнѣ крестъ. Аже будетъ тягота мнѣ отъ Андрѣя, или отъ Татарина, или отъ иного кого, вамъ потянути со мною, а не отступити вы ся мене ни въ которое же время.“ — Ясно, что въ это смутное время Новгородъ былъ предоставленъ самому себѣ, ибо, не признавая власти Тверскаго князя, заключалъ съ нимъ союзъ противъ Великаго. Слѣдствіемъ такого положенія было еще бо́льшее отчужденіе между В. Княземъ и Новгородомъ, еще больше раздѣленіе ихъ интересовъ; такъ въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ Михаиломъ, уже В. Княземъ, встрѣчаемъ слова: „А коли будетъ Новгороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляти ти, княже, по Новѣгородѣ бесъ хытрости.“ Здѣсь обязанность защищать свое владѣніе превращается уже въ обязанность союзника. Тутъ же находимъ новое условіе: „А безъ Новгородскаго ти слова, княже, войны не замышляти.“

[247] Собр. гос. гр. и дог. т. I, N0. 10 и 11.

[248] Новгор. пер. стр. 70.

[249] Татищ. IV. 93: Того же лѣта Новгородцы сотвориша вѣче, понеже нелюбы имъ быша намѣстники В. Князя Михаила, яко много обида и нужа бысть имъ отъ нихъ, и восхотѣша ихъ изгнати.

[250] Новгор. пер. стр. 70.

[251] Карама. IV, примѣч. 219.

[252] Новгор, пер. стр. 71.

[253] Такъ въ Никонов. и у Татищева (IV, 95).

[254] Воскрес. II, 278.

[255] Новгор. пер. стр. 71.

[256] Татищ. IV, 96: Князь же Великій пришедъ на усть Цны перѣе самъ заболѣ, потомъ пріиде моръ на кони; слыша же, яко Юрій Московскій готовится нань со братіею хотяще волость его по губити, возвратися въ Тверь.

[257] Новгор. пер. стр. 71.

[258] Тамъ же, стр. 72. С. Г. Г. и Д. N0 13-й.

[259] Тамъ же.

[260] Собр. Гос. Гр. и Догов. Т. I-й, N0 14-й.

[261] Новгор. перв. стр. 72. Никонов. III, 126.

[262] Собр. гос. гр. и дог. т. I, N0. 15.

[263] Новгор. пер, стр. 74.

[264] Тамъ же, стр. 76.

[265] Тамъ же, 77.

[266] Тамъ же.

[267] Тамъ же, стр. 78.

[268] Тамъ же, стр. 79.

[269] Тамъ же: Князь же присла послы свои, прося другого выхода: а еще даите ми запросъ царевъ, чего у мене царь запрошалъ.

[270] Новгор. пер. стр. 79: И они ркоша: того у насъ не бывало отъ начала міра; а ты цѣловалъ крестъ къ Новугороду, по старой поцлинѣ Новгородской и по Ярославлимъ грамотамъ.

[271] Воскрес. II, 312: И всѣ князи Рускія подъ руцѣ его даны. — Соф. врем. I. 324.

[272] Новгор. пер. стр. 80.

[273] Новгор, пер. стр. 80.— Татищ. IV, стр. 147: Князь же великій рече имъ: аще хощуть милости и мира отъ меня, да пріидутъ предъ мя посадники и тысяцкій боси, и просятъ при всѣхъ князехъ на колѣняхъ и проч.

[274] Новгор. пер. 78.

[275] Тамъ же, стр. 83: пріѣха князь великій Олгердъ, съ своею съ братіею съ князи и съ всею Литовьскою землею, и ста въ Шелонѣ на усть Пшаги рѣкы, а позывая Новогородцевъ: хощу съ вами видѣтися, лаялъ ми посадникъ вашь Остафеи Дворянинецъ, назвалъ мя псомъ.

[276] Новгор. пер. стр 84: а къ князю Семену Ивановичю послаша послы, а рекъ тако: поиди, княже, къ намъ боронити своеа отчины,

яко идетъ на насъ король Свѣискій, на крестное цѣлованіе; великій же князь Семенъ отвѣщалъ Новогородцемъ: радъ иду къ вамъ. Медливъ же князь долго, поиде въ Новгородъ; отшедши же отъ Тръжку до Ситна, и възвратися назадъ на Москву, а въ Новгородѣ носла брата своего Ивана; князь же Иванъ пришедши въ Новъгородъ, нъ не поидяше къ Новогородцемъ въ Ладогу.... князь же Иванъ слышавъ, яко взяша Нѣмци Орѣховецъ, и поидяше изъ Новагорода назадъ, не пріявъ владычьня благословенія и Новогородского челобитія.

[277] Тамъ же стр. 86.

[278] Татищ. IV, стр. 180.

[279] Новгор. перв. стр. 88.

[280] Новгор. перв. стр. 90: ни отъ поганыхъ не бывало таково зло.« — Въ началѣ 1372 года Новгородцы заключили съ В. Княземъ и братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ договоръ быть за одно на всѣхъ непріятелей. См. Акты арх. эксп. т. I. No. 8.

[281] Тамъ же.

[282] Тамъ же, стр. 91.

[283] Тамъ же.

[284] Молчаніе Новгородскаго лѣтописца объ участіи гражданъ его въ Куликовской битвѣ не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія, хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти о нашествіи Мамая и упоминается о приходѣ Новгородскихъ посадниковъ на помощь Димитрію съ 7000, а по инымъ съ 40,000 войска. См. Карамз. т. V, примѣч. 65. Въ Новгородской лѣтописи встрѣчаемъ только злостное извѣстіе о трусости Москвитянъ, служащее отвѣтомъ на Московскія приписки въ лѣтописяхъ, дышащія враждою на Новгородъ и обличающія ненависть, между старыми и новыми городами существовавшую. Новгор. перв. стр. 92: Москвичи же мнози не бывалци, видѣвше множество рати Татарскои, устрашишася и живота отчаявшися, а иніи на бѣгы обратишася и проч. Въ той же лѣтописи, подъ годомъ 1238 встрѣчаемъ подобный же намекъ на трусость Москвитянъ: „Москвичи же побѣгоша, ничего же не видѣвше". —Новгородцы упрекали Москвитянъ въ трусости, Москвитяне Новгородцевъ въ буйствѣ (Троицк. лѣт. у Карамз. V, прим. 148: Таковъ бо есть обычай Новгородцевъ: часто правають ко князю къ Великому, и паки рагозятся и не чудися тому: бѣша бо человѣци суровы, не покориви, упрямчиви, не поставни..... Тоя же весны въ самый Великъ день сшедшеся нѣціи отъ Новгородцевъ, вѣчницы, крамольници, суровіи человѣци, свирѣпіи людіе и проч.

[285] Новгор. перв. стр. 93.

286 Соф. врем. I, 379; у Татищ. нѣсколько иначе, VI, 317.

287 Акты, относ. къ Истор. Западной Руси, I, No. 10.

„Мы Князь Семенъ, инымъ именемъ Лыгвеній, чинимъ знаменито симъ листомъ, кто нань возритъ, или прочитаетъ, ижъ коли освящены Господинъ Володиславъ, Божьею милостью Король Полскій, Литовскій и Рускій и иныхъ земль многихъ господарь братъ нашь милѣйшій, поставилъ насъ опекальникомъ мужемъ и людемъ Великаго Новагорода: и мы тому Королю, и Ядвизѣ, Королицѣ Королевства Полского, и съ тыми людми съ Великого Новагорода, како жь долго держимъ у нашемъ опеканью, слюбили есмы, и еще симъ листомъ слюбуемъ, ижь хочемъ при нихъ, при корунѣ Королевства Полского пристати, и съ нашею силою и съ нашими помочми, и съ нашею радою, и съ нашимъ остраженьемъ, безо всякой льсти и хитрости: не хочемъ такожь николи отступити ихъ, коруны Королевства Полского; а сему на свѣдетство, наша печать привѣшена есть."

288 Никонов. IV, 146.

289 Новгор. перв. стр. 96. Соф. врем. I, 403; Карамз. V, примѣч. 147, 148, 149.

290 Соф. врем. I, 417.

291 Татищ. IV, 388: Того жъ лѣта Князь Великій Василій увѣдавъ, что Новгородцы ссылаются съ тестемъ его Витовтомъ хотя отложитися, и крестъ ему цѣловаше, посла за Волокъ и проч.

292 Новгор. перв. стр. 100. Князь великій Витовтъ Литовскія земля Кестутьевичь присла въ Новъгородъ грамоту разметную, рекъ тако: обезчествовали мя есте, что было вамъ за мене ятися, а мнѣ было вамъ княземъ великимъ быти, и васъ мнѣ было боронити; и вы за мене не ялися.

293 Тамъ же.

294 Тамъ же стр. 98: И биша челомъ посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, посадникъ Юрьи Дмитреевичь, Василіи Борисовичь, и бояре, и дѣти боярьскія, и житьи люди, и купечскіи дѣти, и вси ихъ вои: благослови, господине отче Владыко, поискати Святѣи Софіи пригородовъ и волостей; или пакы изнайдемъ свою отчину къ святѣи Софіи и къ великому Новугороду, пакы ли свои головы положимъ за Св. Софѣю и за своего господина за великіи Новъгородъ, и владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтеи, и воеводъ Новогородскыхъ, и всихъ вои.

295 Никонов. IV, 300. Того же лѣта Іванъ владыка архіепископъ Новогородскии прииде из Новогорода на Москву х Кипріану Митрополиту Киевскому і всеи Русии позванъ о святительскихъ дѣлехъ,

и пребысть у Киприана Митрополита в наказаніи и смиреніи.... Того же лѣта бысть соборъ на Москвѣ.... на томъ священнемъ соборе отписася архіепископъ Іванъ Новогородцкии своея епископьи.... и повелѣ имъ присвещенныи Киприанъ Митрополитъ отъ себѣ с Москвы не изъѣзжати, бѣ бо на нихъ брань возложиль. — Архангел.: „Пріѣха Владыка Иванъ Новогородскій на Москву бити челомъ В. Князю о Торжку, и Кипріанъ, по В. Князѣ слову, Владыку поймалъ, да посадилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, *за мѣсячной судъ*, что не дали.“ — Здѣсь не сообразность: или Митрополитъ посадилъ Іоанна за мѣсячный судъ, тогда не по В. Князя слову или посадилъ по В. Князя слову, тогда не замѣсячный судъ. — Татищ. IV. 404: В. Князь Василій, увѣдавъ яко Новогородцевъ Владыка Іоаннъ на ихъ зло поучаетъ и въ волости заволоцкой ропта возстаетъ, рекъ Митрополиту Кипріану: отче! недобрѣ творитъ Владыка Іоаннъ съ Новогородцы: посылая на Волокъ дани емлютъ и людей отчины моея нужаютъ и солѣщаютъ къ себѣ; а вы поставлены къ миру и любве учити, мнѣже имѣніе собирати и возноситися. И Митрополитъ вскорѣ посла въ Новгородъ стольника своего Новосильца, повелѣ ему развѣдати добрѣ и Владыку звати о святительскихъ дѣлѣхъ.

[296] Новгор. перв. стр. 101. Татищ. IV, 407.

[297] Новгор. перв. стр. 109.

[298] Тамъ же.

[299] Никонов. V, 95.

[300] Новгор. перв. стр. 111.

[301] Тамъ же, стр. 112.

[302] Тамъ же, стр. 113.

[303] Никонов. V, 191: Тое же осеніи Князь великіи Литовскіи Казимеръ Ягайловъ сынъ присла, въ Новгородъ глаголя, возмите себѣ моихъ намѣстниковъ на городище и язъ васъ обороню, а с великимъ княземъ Московскимъ не взяли есмя миръ васъ деля, и Новгородцы за то не яшася.

[304] Акты Историч. т. I. No. 40: Посланіе Росс. Духовенства Углицк. князю Димитрію Юрьевичу: »и ты въ цѣлованьи съ Великимъ Новымгородомъ, да къ Новугороду къ Великому цѣлованія не сложилъ, да еще посылалъ еси къ Великому Новогороду и посла своего, а зоучи себе Княземъ Великимъ, да просилъ еси у нихъ себѣ помочи, а вводя то слово, что Татарове изневолили нашу отчину Москву, а вы ми дайте на нихъ помочь.

[305] См. условіе въ Новгород. грамотахъ: А безъ посадника ти, княже, ни грамотъ даяти.

306 Образецъ вѣчныхъ грамотъ см. въ актахъ арх. эксп. I, No. 42; форма: се пожаловаша посадникъ Великаго Новагорода Дмитрій Васильевичь и вси старыи посадники, и тысяцкой В. Новагорода Михайло Ондреевичь и вси старыи тысяцкіи, и бояре, и житьи люди, и весь Господинъ Великій Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ. См. также акты историч. т. I, No. 17.

307 Сборн. Муханова, No. 7: „А коли мнѣ В. Князю Василію Новгородцы и Псковичи згрубять, а ухочу ихъ показнити, и тобе королю Казимиру за нихъ не вступатися.“

308 Никонов. V, 282. Соф. врем. II, 64.

309 Акты арх. эксп. т. I, No. 58.

310 Тамъ же, No. 58.

311 Соф. врем, II, 66.

312 Акты арх. эксп. т. I, No. 80.

313 Соф. врем. II, 111: а на дворѣ В. Князя, на городище съ большаго вѣчья присылали многихъ людей, и намѣстниковъ его, да и послу В. Князя лаяли и безчествовали.

314 Акты арх. арх. эксп. т. I. No. 57.

315 См. выше, примѣч. 307.

316 Соф. врем. II, 111: да въ именѣ В. Князя, за отказомъ, на городище дву князей поимали силно, а людей перебили, и переимали и въ городъ сводили.

317 Тамъ же.

318 Тамъ же: Благочестивый же государь, В. Князь Иванъ Васильевичь всея Руси колкое къ нимъ о томъ къ своей отчинѣ, посылалъ своихъ пословъ, чтобы ни котораго лиха не учинили, а исправили бы ся во всемъ его отчина, и жили бы на старинѣ.

319 Соф. врем. II, 112: а и съ Васильемъ приказалъ въ Великій Новгородъ: исправитеся предо мною, отчина моя, сознайтеся; а въ земли, въ воды мои В. Князя не вступуйтеся, а имя мое В. Князя держите честно и грозно по старинѣ, а ко мнѣ В. Князю посылайте бити челомъ по докончанію; а язъ васъ, отчину свою, жаловать хочу и въ старинѣ держу.

320 Соф. врем. II, 113; Никонов. VI, 16; Царств. лѣт. 402.

321 Въ случаѣ отказа Ѳеофила, преданнаго (по крайней мѣрѣ тогда) старинѣ, у нихъ былъ на готовѣ другой кандидатъ Пименъ, объ участіи котораго въ замыслахъ Борецкихъ см. Соф. врем. II, 115: онъ же лукавый чернецъ Пименъ отъ того Григорія богоотметнаго и поставленіе себѣ требоваше, извѣстуя людемъ сице глаголаше: хотя на Кіевъ мя пошлите, и тамъ на свое поставленіе буду.

[322] Никонов. VI, 17; Царств. лѣтоп. 402: князь же великій по ихъ челобитію и прошенію, ничтоже къ прежнему промышляя, но и легча жалуя.

[323] Никонов. VI, 17; царств. лѣт. стр. 403.

[324] Эти вѣчники, наемные крикуны необыкновенно умножились въ последнее время, когда Новгородъ былъ предоставленъ самому себѣ, и когда слѣд. борьбѣ сторонъ открывалось обширное поприще. См. акты историч. т. I. N0. 44, посланіе Митрополита Іоны въ Новгородъ о прекращеніи междоусобій; Митрополитъ пишетъ къ Архіепископу, „и о семъ, сыну и брате, прошю тебе, яко да не позазриши смѣренію нашему, о ихъ же вещехъ слышахомъ творящихся отъ нѣкоторыхъ твоихъ дѣтей православныхъ христіянъ, еще же, паче рещи, и отъ честныхъ человѣкъ, въ твоей паствѣ, В. Новѣгородѣ: нѣкая междособная спиранія, и раздоры, и убійства, и кровопролитіа, и нѣколикія створившаася и творящаася душегубства православному христіаньству, и на то на злое и богомерзьское дѣло наимованія, съ обою страну, злорадныхъ и хотящихъ кровопролитству піанчивыхъ и о своихъ душахъ нерадящихъ злотворныхъ человѣкъ.“

[325] Соф. врем. II, 116: и сей Пиминъ такоже упова на множество злата, и даваша лукавѣи той женѣ Мареѣ, а веляше ей давати въ народъ людемъ многымъ, дабы имъ помогали на ихъ волю.

[326] Царств. лѣт. стр. 403.

[327] Псков. лѣтоп. изд. Погод. стр. 113. Этотъ Олельковичь, вѣроятно подосланный Казиміромъ и Кіевскимъ Митрополитомъ, и принятый Новгородцами по старому ихъ обычаю, былъ самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ замыслахъ Борецкихъ, см. Соф. врем. II, 174.

[328] Акты арх. эксп. т. I, N0. 87.

[329] Тамъ же.

[330] Никонов. VI, 18: Мнозіижъ отъ нихъ глаголаху къ нимъ: нельзя братья тому такъ быти, якоже вы глаголатѣ за короля мамъ дяшся, и архиепископа поставити отъ его Митрополита Латынина суща.... и отъ того святого и Великого Князя Владимера даже и до сего господина нашего Великого Князя Ивана Васильевича за Латыною есмы не бывали. Соф. врем. II, 115.

[331] Соф. врем. II, 119.

[332] Тамъ же, стр. 118.

[333] Царств. лѣтоп. 411; Соф. врем. II, 120.

[334] Царств. лѣтоп. 410.

[335] Тамъ же, стр. 414.

336 Тамъ же, стр. 415; якоже и прежде прадѣдъ его благовѣрный Великій Князь Дмитрій Ивановичь на безбожнаго Мамая, и на богомерзкое того воинство Татарское. Тако и сей благовѣрный Великій Князь Иванъ на сихъ ступниковъ и проч.

337 Соф. врем. II, 122.

338 Сvнодал. Новгород. лѣтоп. N0 46, стр. 409. Карамз. т. VI, пр. 49.

339 Царств. лѣтоп. стр. 421.

340 Тамъ же: А окаянніи измѣнницы Новгородскіе посадницы и тысяцкіе, и бояре и купцы, и всякіе ремесленницы, съ проста рещи плотницы и гончары, и весь народъ гражанъ совокупишася всея ихъ рати и прочіи, которой и родився на лошади не бывалъ, и на помыслъ которымъ того не бывало, что руки подняти противъ В. Князя, всѣхъ тѣхъ они измѣнники силою выгнали.

341 Соф. врем. II, 126.

342 Лѣтоп. сvнодал. типограф. стр. 175.

343 Тамъ же.

344 Тамъ же, стр. 176: И бысть на лучшихъ людей молва: яко вы приведосте на Новгородъ Великаго Князя; и бысть дороготня хлѣбу въ Новѣгородѣ.

345 Сvнодал. Новгород. лѣтоп. стр. 411. Карамз. VI, прим. 61.

346 Акты арх. эксп, т. I, N0. 90: Се добилъ челомъ В. Князю Ивану Василіевичю всея Руси.... за Новгородскую простунку, полушестьминадцати тысячи рублевъ денгами.

347 Тамъ же, N0. 91.

348 См. Герберштт.—Также отзывъ Берсеня Максиму Греку. Акты арх. эксп. т. 1, N0. 172.

349 Соф. врем. II, 168.

350 Тамъ же стр. 112.

351 Псков. лѣтоп. стр. 135: тоижъ осени мѣсяца Ноября въ 23 день пріѣха Князь Великій Иванъ Васильевичь съ великою силою въ Новгородъ на судъ и на управу.... А Новгородцы люди житіи и моложшіи сами призвали на тыя управы, что на нихъ насилье держать какъ посадники и Великіе Бояре." — Но мы ясно видимъ, что это не была борьба сословій, но борьба партій, ибо между обиженными являются и бояре

352 Соф. врем. II, 166: Владыка же прислалъ къ дворецкому и къ конюшему Никиту Савина да Тимофея Лунева брата кормы отдавати; и Князь велики тѣхъ не похотѣлъ, да и на Владыку о томъ озлобися, что тѣ къ тому дѣлу не пригожи, да и корму взяти не велѣлъ. Архіепископъ же добилъ челомъ о томъ В. Князю бояры его,

а велѣлъ кормы отдавати Намѣстнику своему Юрью Репехову, а тѣ съ нимъ же въ поддатныхъ, и Князь велики нелюбіе Владыцѣ отложилъ, и пожаловалъ и кормы велѣлъ имѣти.

[153] Тамъ же, стр. 167: Архіепископъ Ѳеофилъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ въ священныхъ одеждахъ града того, вси Архимандриты и игумени, и іереи, и діакони и весь чинъ священническый и иноческій срѣтоша В. Князя съ кресты, якоже повеле имъ самъ князь велики.

[154] Понеже бо земля она отъ многа лѣтъ въ своей волѣ живяху, а о Великихъ Князѣхъ, отчинѣ своей, небрежаху и не послушаху ихъ, и много зла бѣ въ земли той, меже себе убійства и грабежи и домомъ разореніе отъ нихъ напрасно, кой съ котораго сможаше.

[155] Тамъ же, стр. 170.

[156] Соф. врем. II. 170.

[157] Тамъ же, стр. 173.

[158] Тамъ же.

[159] Псков. лѣтоп. стр. 107, 145; Соф. врем. II, 178.

[160] Псков. лѣтоп. стр. 144.

[161] Соф. врем. II, 174.

[162] Тамъ же.

[163] Соф. врем. II, 185.

[164] Тамъ же, стр. 188: ино мы, Великіе Князи, хотимъ государьства своего какъ есмя на Мосивѣ такъ хотимъ быти на отчинѣ своей, Великомъ Новѣгородѣ.

[165] Тамъ же стр. 189: да всѣ били челомъ о томъ чтобъ въ Низовскую землю къ берегу службы намъ Новгородцемъ не было; а которые рубежи сошлися здѣсь съ Новугородскими землями и по своихъ государехъ повелѣнію мы отчина ихъ ради того боронити.

[166] Тамъ, стр. 201.

[167] Всѣ этѣ подробности взяты изъ рукописи, находящейся въ библіотекѣ М. П. Погодина, и носящей названіе: *Часть четвертая древней лѣтописи Русской.*

ДОПОЛНЕНІЕ.

НОВГОРОДСКІЯ ГРАМОТЫ.

Необходимымъ дополненіемъ къ своему изслѣдованію: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ,“ я считаю сводную Новгородскую Грамоту, которая должна облегчить трудъ будущимъ изслѣдователямъ. Грамоты, въ которыхъ означены отношенія Новгорода къ Великимъ Князьямъ, напечатаны:

I) Въ 1-мъ Томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ, N0. 1-й договорная съ В. К. Ярославомъ Ярославичемъ, отнесена къ началу 1265; N0. 2, договорная съ тѣмъ же В. Княземъ отнесена къ тому же году; N0. 3 договорная съ тѣмъ же В. К., отнесена къ 1270 году; N0. 6-й съ В. К. Михаиломъ Ярославичемъ, между 1305 и 1308 годами; N0. 7-й съ тѣмъ же В. К., между тѣми же годами; N0. 8-й съ тѣмъ же, между тѣми же годами; N0. 9-й съ тѣмъ же, между тѣми же годами; N0. 10 и 11-й съ тѣмъ же, между 1307 и 1308 годами; N0. 12-й съ тѣмъ же, 1317 года; N0. 13-й съ тѣмъ же, того же года; N0. 14-й съ тѣмъ же, 1318 года; N0. 15-й съ В. К. Александромъ Михайловичемъ, 1327 года; N0. 20-й двѣ договорныя съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ и съ сыномъ его В. К. Іоанномъ Іоанновичемъ, 1471 г.

II) Въ Актахъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, Т. I, N0. 8-й, договорная съ В. К. Димитріемъ Іоанновичемъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1372 года; N0. 32-й, Данная В. К. Василію Васильевичу на Черный боръ, по Новоторжскимъ волостямъ, около 1437, или 1456—1462; N0. 57-й договорная съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ и Іоанномъ Васильевичемъ, 1456 года; N0. 58-й договорная съ тѣми же, того же года; N0. 59-й, грамота объ уплатѣ В. К. Василію Васильевичу залоговъ, по Демонскому докончанію, 1456 года; N0. 87-й договорная съ Польскимъ Королемъ Казимиромъ IV, 1470 — 1471

годами; N0. 90-й, объ уплатѣ В. К. Іоанну Васильевичу и Іоанну Іоанновичу пятнадцати тысячь пяти сотъ рублей, 1471 года; N0. 91-й двѣ договорныя съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ и Іоанномъ Іоанновичемъ, 1471 года; N0. 92-й Судная Новгородская грамота, 1471 года; N0. 93-й Отказная грамота на Двинскую землю, 1471 года; N0. 103-й, запись Новгородская о Церковномъ судѣ, прежде 1477 года.

III) Въ Актахъ Историческихъ, собранныхъ и изданныхъ Археографическою Коммиссіею, Т. I, N0. 258-й договорная съ В. К. Василіемъ Василіевичемъ, 1134 года.

При составленіи сводной грамоты, я распредѣлилъ статьи въ слѣдующемъ порядкѣ: а) Обычная форма грамотъ въ началѣ и концѣ. б) Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Правителя. в) Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Судьи. г) Условія, опредѣляющіе финансовые права Князя. д) условія, опредѣляющія отношенія между областію Великокняжескою и областью Новгородскою, какъ между двумя отдѣльными владѣніями. е) Условія и цѣлыя грамоты историческія, опредѣляющія какое нибудь случайное отношеніе, возстановленіе прежнихъ отношеній, нарушенныхъ войною и т. п.

Условія каждаго изъ означенныхъ разрядовъ слѣдуютъ одни за другими въ порядкѣ историческомъ; на сторонѣ выставлены измѣненія, претерпѣнныя условіями въ разныхъ грамотахъ.

а) *Форма.*

1) Начало: Благословление отъ Владыкы, покланяние отъ Посадника, и отъ Тысяцьскаго, и отъ всѣго Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ, къ Князю. (а) [1]).

Благословление отъ Владыкы, поклонъ отъ Посадника, и отъ Тысяцьскаго, и отъ всехъ Соцьскыхъ, и отъ всехъ старѣйшихъ, и отъ всего Новагорода, къ Князю. (б).

Или, если грамота составлялась послѣ войны: По благословенію пресвященаго Архіепископа Великого Новагорода и Пьскова владыки (такого-то), отъ По-

(а) С. Г. Г. и Д. N0. 1. (б) Тамъ же N0. 2.

садника Ноугородского (такого-то), отъ тысеского Ноугородского (такого-то), и отъ всего Великого Новагорода. Се пріѣхали послове къ В. Князю (такіе-то), посадники, тысятскіе, а отъжить ихъ такіе-то; и докончали миръ по крестнымъ грамотамъ. (а).

2) На семь, Княже, цѣлуй хрестъ къ всѣму Новугороду; на цѣмь-то цѣловали Дѣди и Отци, и Отець твой, Новъгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. (б).

На семь, Господине, Новгородъ вся хрьстъ цѣлуеть. Княжение твое честьно дьржати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, Господине, тако же Новгородъ дьржати по пошлинѣ, безъ обиды. (в) Или: на чемь цѣловали пьрвии Князи и Дѣдъ твой и Отьць твой. (г).

3) А намъ мужемъ Новогородцомъ Княжение ваше держати честно и грозно, безъ обиды. (д) [2]).

На томь ти на всемь хрестъ цѣловати по любьви, безъ всякого извета, въ правьду, при нашихъ послехъ. (ж). Или: А на томъ на всемъ, Господине Кнзь Велики всея Руси (такой-то и такой-то), целуйте Господень крестъ ко всему Великому Новугороду, безо всякого извѣта; также и мы Посадники и Тысяцкие, и весь Великий Новъгородъ целуемъ крестъ ко своей Господѣ къ Великимъ Княземъ всея Руси, по любви въ правду, безо всякие хитрости. (з)

4) *Заключеніе.* А на томъ ти, Княже, на всѣмь хрестъ цѣловати, безъ перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, Господине Княже, кланяемъ. Тако, Княже Господине, пошло отъ Дѣдъ и отъ Отець, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя. (е).

(а) А. а. э. N0. 57. (б) С. Г. Г. и Д. N0. 1. (в) Тамъ же, N0. 2. (г) Тамъ же, N0. 10 и 11. (д) А. а. э. N0 8. (е) С. Г. Г. и Д. N0 1. (ж) Тамъ же, N0 2. (з) Тамъ же, N0 20.

б). *Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Правителя.*

1) Что волостий всѣхъ Новгородьскыхъ, того-ти, Княже, не держати своими мужи, нъ дьржати мужи Новгородьскыми. (а).

2) А бєсъ Посадника тобѣ волостий не раздавати, (б) ни грамотъ даяти. (в).

3) А и Суждальской ти земле Новагорода не рядити, ни волостий ти не роздавати. (г) [3]).

4) А безъ вины ти мужа волости не лишити. (д).

5) А въ Немецьскомъ дворѣ тобѣ торговати нашею братиею, а двора ти не затворяти, а присгавовъ ти пе приставливати. (е).

6) А что ти грамотъ крестныхъ Новугороду съ всими городы съ Нѣмѣчкыми, на тѣ ти грамоты, Княже, не поступатися; а Новгородьской ти души блюсти. (ж). [4]).

7) А печати быти Князей Векихъ. (з).

8) А вѣчнымъ грамотамъ не быти. (и).

в) *Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Судьи.*

1) А грамотъ ти, Княже, не посуживати. (і).

2) А куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати имъ межень по Петровѣ дни. (к). А судье слати на Петровъ день, тако пошло. (л).

(а) С. Г. Г. и Д. No. 1. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же, No. 2. (г) Тамъ же. (д) Тамъ же No. 1. (е) Тамъ же, No 3. (ж) Тамъ же, No. 8. (з) Тамъ же, No. 20. (и) Тамъ же. (і) Тамъ же, No. 1. (к) Тамъ же, No. 2. (л) Тамъ же, No. 3.

286 Соф. врем. I, 379; у Татищ. нѣсколько иначе, VI, 317.

287 Акты, относ. къ Истор. Западной Руси, I, No. 10.

„Мы Князь Семенъ, инымъ именемъ Лыгвеній, чинимъ знаменито симъ листомъ, кто нань возрить, или прочитаетъ, ижъ коли освящены Господинъ Володиславъ, Божьею милостью Король Полскій, Литовскій и Рускій и иныхъ земль многихъ господарь братъ нашь милѣйшій, поставилъ насъ опекальникомъ мужемъ и людемъ Великаго Новагорода: и мы тому Королю, и Ядвизѣ, Королицѣ Королевства Полского, и съ тыми людми съ Великого Новагорода, како жь долго держимъ у нашемъ опеканью, слюбили есмы, и еще симъ листомъ слюбуемъ, ижь хочемъ при нихъ, при корунѣ Королевства Полского пристати, и съ нашею силою и съ нашими помочми, и съ нашею радою, и съ нашимъ остраженьемъ, безо всякой льсти и хитрости: не хочемъ такожь николи отступити ихъ, коруны Королевства Полского; а сему на свѣдетство, наша печать привѣшена есть.“

288 Никонов. IV, 146.

289 Новгор. перв. стр. 96. Соф. врем. I, 403; Карамз. V, примѣч. 147, 148, 149.

290 Соф. врем. I, 417.

291 Татищ. IV, 388: Того жъ лѣта Князь Великій Василій увѣдавъ, что Новгородцы ссылаются съ тестемъ его Витовтомъ хотя отложитися, и крестъ ему цѣловаше, посла за Волокъ и проч.

292 Новгор. перв. стр. 100. Князь великій Витовтъ Литовскія земля Кестутьевичь присла въ Новъгородъ грамоту разметную, рекъ тако: обезчествовали мя есте, что было вамъ за мене ятися, а мнѣ было вамъ княземъ великимъ быти, и васъ мнѣ было боронити; и вы за мене не ялися.

293 Тамъ же.

294 Тамъ же стр. 98: И биша челомъ посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, посадникъ Юрьи Дмитреевичь, Василіи Борисовичь, и бояре, и дѣти боярьскія, и житьи люди, и купечскіи дѣти, и вси ихъ вои: благослови, господине отче Владыко, поискати Святѣи Софіи пригородовъ и волостей; или пакы изнаидемъ свою отчину къ святѣи Софіи и къ великому Новугороду, пакы ли свои головы положимъ за Св. Софѣю и за своего господина за великіи Новъгородъ, и владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтеи, и воеводъ Новогородскыхъ, и всихъ вои.

295 Никонов. IV, 300. Того же лѣта Іванъ владыка архіепископъ Новогородскии прииде из Новогорода на Москву х Кипріану Митрополиту Киевскому і всеи Русии позванъ о святительскихъ дѣлехъ,

и пребысть у Киприана Митрополита в наказаніи и смиреніи.... Того же лѣта бысть соборъ на Москвѣ.... на томъ священнемъ соборе отписася архіепископъ Іванъ Новогородцкии своея епископьи.... и повелѣ имъ присвещенныи Киприанъ Митрополитъ отъ себѣ с Москвы не изъѣзжати, бѣ бо на нихъ брань возложилъ. — Архангел.: „Пріѣха Владыка Иванъ Новогородскій на Москву бити челомъ В. Князю о Торжку, и Кипріанъ, по В. Князѣ слову, Владыку поймалъ, да посадилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, *за мѣсячной судъ*, что не дали.“ — Здѣсь не сообразность: или Митрополитъ посадилъ Іоанна за мѣсячный судъ, тогда не по В. Князя слову или посадилъ по В. Князя слову, тогда не замѣсячный судъ. — Татищ. IV. 404: В. Князь Василій, увѣдавъ яко Новогородцевъ Владыка Іоаннъ на ихъ зло поучаетъ и въ волости заволоцкой ропта возстаетъ, рекъ Митрополиту Кипріану: отче! недобрѣ творитъ Владыка Іоаннъ съ Новогородцы: посылая на Волокъ дани емлютъ и людей отчины моея нужаютъ и солѣщаютъ къ себѣ; а вы поставлены къ миру и любве учити, мнѣже имѣніе собирати и возноситися. И Митрополитъ вскорѣ посла въ Новгородъ стольника своего Новосильца, повелѣ ему развѣдати добрѣ и Владыку звати о святительскихъ дѣлѣхъ.

[296] Новгор. перв. стр. 101. Татищ. IV, 407.

[297] Новгор. перв. стр. 109.

[298] Тамъ же.

[299] Никонов. V, 95.

[300] Новгор. перв. стр. 111.

[301] Тамъ же, стр. 112.

[302] Тамъ же, стр. 113.

[303] Никонов. V, 191: Тое же осеніи Князь великіи Литовскіи Казимеръ Ягайловъ сынъ присла, въ Новгородъ глаголя, возмите себѣ моихъ намѣстниковъ на городище и язъ васъ обороню, а с великимъ княземъ Московскимъ не взяли есмя миръ васъ деля, и Новгородцы за то не яшася.

[304] Акты Историч. т. I. N0. 40: Посланіе Росс. Духовенства Углицк. князю Димитрію Юрьевичу: »и ты въ цѣлованьи съ Великимъ Новымгородомъ, да къ Новугороду къ Великому цѣлованія не сложилъ, да еще посылалъ еси къ Великому Новогороду и посла своего, а зоучи себе Княземъ Великимъ, да просилъ еси у нихъ себѣ помочи, а вводя то слово, что Татарове изневолили нашу отчину Москву, а вы ми дайте на нихъ помочь.

[305] См. условіе въ Новгород. грамотахъ: А безъ посадника ти, княже, ни грамотъ даяти.

306 Образецъ вѣчныхъ грамотъ см. въ актахъ арх. эксп. I, No. 42; форма: се пожаловаша посадникъ Великаго Новагорода Дмитрій Васильевичь и вси старыи посадники, и тысяцкой В. Новагорода Михайло Ондреевичь и вси старыи тысяцкіи, и бояре, и житьи люди, и весь Господинъ Великій Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ. См. также акты историч. т. I, No. 17.

307 Сборн. Муханова, No. 7: „А коли мнѣ В. Князю Василію Новгородцы и Псковичи згрубять, а ухочу ихъ показнити, и тобе королю Казимиру за нихъ не вступатися.“

308 Никонов. V, 282. Соф. врем. II, 64.

309 Акты арх. эксп. т. I, No. 58.

310 Тамъ же, No. 58.

311 Соф. врем, II, 66.

312 Акты арх. эксп. т. I, No. 80.

313 Соф. врем. II, 111: а на дворѣ В. Князя, на городище съ большаго вѣчья присылали многихъ людей, и намѣстниковъ его, да и послу В. Князя лаяли и безчествовали.

314 Акты арх. арх. эксп. т. I. No. 57.

315 См. выше, примѣч. 307.

316 Соф. врем. II, 111: да въ именѣ В. Князя, за отказомъ, на городище дву князей поимали силно, а людей перебили, и переимали и въ городъ сводили.

317 Тамъ же.

318 Тамъ же: Благочестивый же государь, В. Князь Иванъ Васильевичь всея Руси колкое къ нимъ о томъ къ своей отчинѣ, посылалъ своихъ пословъ, чтобы ни котораго лиха не учинили, а исправили бы ся во всемъ его отчина, и жили бы на старинѣ.

319 Соф. врем. II, 112: а и съ Васильемъ приказалъ въ Великій Новгородъ: исправитеся предо мною, отчина моя, сознайтеся; а въ земли, въ воды мои В. Князя не вступуйтеся, а имя мое В. Князя держите честно и грозно по старинѣ, а ко мнѣ В. Князю посылайте бити челомъ по докончанію; а язъ васъ, отчину свою, жаловать хочу и въ старинѣ держу.

320 Соф. врем. II, 113; Никонов. VI, 16; Царств. лѣт. 402.

321 Въ случаѣ отказа Ѳеофила, преданнаго (по крайней мѣрѣ тогда) старинѣ, у нихъ былъ на готовѣ другой кандидатъ Пименъ, объ участіи котораго въ замыслахъ Борецкихъ см. Соф. врем. II, 115: онъ же лукавый чернецъ Пименъ отъ того Григорія богоотметнаго и поставленіе себѣ требоваше, извѣстуя людемъ сице глаголаше: хотя на Кіевъ мя пошлите, и тамъ на свое поставленіе буду.

[322] Никонов. VI, 17; Царств. лѣтоп. 402: князь же великій по ихъ челобитію и прошенію, ничтоже къ прежнему промышляя, но и легча жадуя.

[323] Никонов. VI, 17; царств. лѣт. стр. 403.

[324] Эти вѣчники, наемные крикуны необыкновенно умножились въ последнее время, когда Новгородъ былъ предоставленъ самому себѣ, и когда слѣд. борьбѣ сторонъ открывалось обширное поприще. См. акты историч. т. I. N0. 44, посланіе Митрополита Іоны въ Новгородъ о прекращеніи междоусобій; Митрополитъ пишетъ къ Архіепископу, „и о семъ, сыну и брате, прошю тебе, яко да не позазриши смѣренію нашему, о ихъ же вещехъ слышахомъ творящихся отъ нѣкоторыхъ твоихъ дѣтей православныхъ христіянъ, еще же, паче рещи, и отъ честныхъ человѣкъ, въ твоей паствѣ, В. Новѣгородѣ: нѣкая междособная спиранія, и раздоры, и убійства, и кровопролитіа, и нѣколикія створившаася и творящаася душегубства православному христіаньству, и на то на злое и богомерзьское дѣло наимованія, съ обою страну, злорадныхъ и хотящихъ кровопролитству піянчивыхъ и о своихъ душахъ нерадящихъ злотворныхъ человѣкъ.“

[325] Соф. врем. II, 116: и сей Пимнъ такоже упова на множество злата, и даваша лукавѣи той женѣ Мареѣ, а веляше ей давати въ народъ людемъ многымъ, дабы имъ помогали на ихъ волю.

[326] Царств. лѣт. стр. 403.

[327] Псков. лѣтоп. изд. Погод. стр. 113. Этотъ Олельковичь, вѣроятно подосланный Казиміромъ и Кіевскимъ Митрополитомъ, и принятый Новгородцами по старому ихъ обычаю, былъ самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ замыслахъ Борецкихъ, см. Соф. врем. II, 171.

[328] Акты арх. эксп. т. I, N0. 87.

[329] Тамъ же.

[330] Никонов. VI, 18: Мнозіижъ отъ нихъ глаголаху мь нимъ: нелза братья тому такъ быти, якоже вы глаголатѣ за короля мамъ дажися, и архиепископа поставити отъ его Митрополита Латынина суща.... и отъ того святого и Великого Князя Владимера даже и до сего господина нашего Великого Князя Ивана Васильевича за Латыною есмы не бывали. Соф. врем. II, 115.

[331] Соф. врем. II, 119.

[332] Тамъ же, стр. 118.

[333] Царств. лѣтоп. 411; Соф. врем. II, 120.

[334] Царств. лѣтоп. 410.

[335] Тамъ же, стр. 414.

ДОПОЛНЕНІЕ.

НОВГОРОДСКІЯ ГРАМОТЫ.

Необходимымъ дополненіемъ къ своему изслѣдованію: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ,“ я считаю сводную Новгородскую Грамоту, которая должна облегчить трудъ будущимъ изслѣдователямъ. Грамоты, въ которыхъ означены отношенія Новгорода къ Великимъ Князьямъ, напечатаны:

I) Въ 1-мъ Томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ, N0. 1-й договорная съ В. К. Ярославомъ Ярославичемъ, отнесена къ началу 1265; N0. 2, договорная съ тѣмъ же В. Княземъ отнесена къ тому же году; N0. 3 договорная съ тѣмъ же В. К., отнесена къ 1270 году; N0. 6-й съ В. К. Михаиломъ Ярославичемъ, между 1305 и 1308 годами; N0. 7-й съ тѣмъ же В. К., между тѣми же годами; N0. 8-й съ тѣмъ же, между тѣми же годами; N0. 9-й съ тѣмъ же, между тѣми же годами; N0. 10 и 11-й съ тѣмъ же, между 1307 и 1308 годами; N0. 12-й съ тѣмъ же, 1317 года; N0. 13-й съ тѣмъ же, того же года; N0. 14-й съ тѣмъ же, 1318 года; N0. 15-й съ В. К. Александромъ Михайловичемъ, 1327 года; N0. 20-й двѣ договорныя съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ и съ сыномъ его В. К. Іоанномъ Іоанновичемъ, 1471 г.

II) Въ Актахъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею, Т. I, N0. 8-й, договорная съ В. К. Димитріемъ Іоанновичемъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1372 года; N0. 32-й, Данная В. К. Василію Васильевичу на Черный боръ, по Новоторжскимъ волостямъ, около 1437, или 1456—1462; N0. 57-й договорная съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ и Іоанномъ Васильевичемъ, 1456 года; N0. 58-й договорная съ тѣми же, того же года; N0. 59-й, грамота объ уплатѣ В. К. Василію Васильевичу залоговъ, по Демонскому докончанію, 1456 года; N0. 87-й договорная съ Польскимъ Королемъ Казимиромъ IV, 1470 — 1471

годами; N0. 90-й, объ уплатѣ В. К. Іоанну Васильевичу и Іоанну Іоанновичу пятнадцати тысячь пяти сотъ рублей, 1471 года; N0. 91-й двѣ договорныя съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ и Іоанномъ Іоанновичемъ, 1471 года; N0. 92-й Судная Новгородская грамота, 1471 года; N0. 93-й Отказная грамота на Двинскую землю, 1471 года; N0. 103-й, запись Новгородская о Церковномъ судѣ, прежде 1477 года.

III) Въ Актахъ Историческихъ, собранныхъ и изданныхъ Археографическою Коммиссіею, Т. I, N0. 258-й договорная съ В. К. Василіемъ Василіевичемъ, 1134 года.

При составленіи сводной грамоты, я распредѣлилъ статьи въ слѣдующемъ порядкѣ: а) Обычная форма грамотъ въ началѣ и концѣ. б) Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Правителя. в) Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Судьи. г) Условія, опредѣляющіе финансовые права Князя. д) условія, опредѣляющія отношенія между областію Великокняжескою и областью Новгородскою, какъ между двумя отдѣльными владѣніями. е) Условія и цѣлыя грамоты историческія, опредѣляющія какое нибудь случайное отношеніе, возстановленіе прежнихъ отношеній, нарушенныхъ войною и т. п.

Условія каждаго изъ означенныхъ разрядовъ слѣдуютъ одни за другими въ порядкѣ историческомъ; на сторонѣ выставлены измѣненія, претерпѣнныя условіями въ разныхъ грамотахъ.

а) *Форма.*

1) Начало: Благословление отъ Владыкы, покланяние отъ Посадника, и отъ Тысяцьскаго, и отъ всѣго Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ, къ Князю. (а) [1]).

Благословленне отъ Владыкы, поклонъ отъ Посадника, и отъ Тысяцьскаго, и отъ всехъ Соцьскыхъ, и отъ всехъ старѣйшихъ, и отъ всего Новагорода, къ Князю. (б).

Или, если грамота составлялась послѣ войны: По благословенію пресвященаго Архіепископа Великого Новагорода и Пьскова владыки (такого-то), отъ По-

(а) С. Г. Г. и Д. N0. 1. (б) Тамъ же N0. 2.

садника Ноугородского (такого-то), отъ тысеского Ноугородского (такого-то), и отъ всего Великого Новагорода. Се пріѣхали послове къ В. Князю (такіе-то), посадники, тысятскіе, а отъжитъ ихъ такіе-то; и докончали миръ по крестнымъ грамотамъ. (а).

2) На семь, Княже, цѣлуй хрестъ къ всѣму Новугороду; на цѣмь-то цѣловали Дѣди и Отци, и Отець твой, Новъгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. (б).

На семь, Господине, Новгородъ вся хрьстъ цѣлуеть. Княжение твое честьно дьржати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, Господине, тако же Новгородъ дьржати по пошлинѣ, безъ обиды. (в) Или: на чемь цѣловали пьрвии Князи и Дѣдъ твой и Отьць твой. (г).

3) А намъ мужемъ Новогородцомъ Княжение ваше держати честно и грозно, безъ обиды. (д) [2]).

На томь ти на всемь хрестъ цѣловати по любьви, безъ всякого извета, въ правьду, при нашихъ послехъ. (ж). Или: А на томъ на всемъ, Господине Кнзь Велики всея Руси (такой-то и такой-то), целуйте Господень крестъ ко всему Великому Новугороду, безо всякого извѣта; также и мы Посадники и Тысяцкие, и весь Великий Новъгородъ целуемъ крестъ ко своей Господѣ къ Великимъ Княземъ всея Руси, по любви въ правду, безо всякие хитрости. (з)

4) *Заключеніе.* А на томъ ти, Княже, на всѣмь хрестъ цѣловати, безъ перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, Господине Княже, кланяемъ. Тако, Княже Господине, пошло отъ Дѣдъ и отъ Отець, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя. (е).

(а) А. а. э. N0. 57. (б) С. Г. Г. и Д. N0. 1. (в) Тамъ же, N0. 2. (г) Тамъ же, N0. 10 и 11. (д) А. а. э. N0 8. (е) С. Г. Г. и Д. N0 1. (ж) Тамъ же, N0 2. (з) Тамъ же, N0 20.

б). *Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Правителя.*

1) Что волостий всѣхъ Новгородьскыхъ, того-ти, Княже, не держати своими мужи, нъ держати мужи Новгородьскыи. (а).

2) А бесъ Посадника тобѣ волостий не раздавати, (б) ни грамотъ даяти. (в).

3) А и Суждальской ти земле Новагорода не рядити, ни волостий ти не роздавати. (г) [3]).

4) А безъ вины ти мужа волости не лишити. (д).

5) А въ Немецьскомъ дворѣ тобѣ торговати нашею братиею, и двора ти не затворяти, а приставовъ ти не приставливати. (е).

6) А что ти грамотъ крестныхъ Новугороду съ всими городы съ Нѣмѣчкыми, на тѣ ти грамоты, Княже, не поступатися; а Новгородьской ти души блюсти. (ж). [4]).

7) А печати быти Князей Великихъ. (з).

8) А вѣчнымъ грамотамъ не быти. (и).

в) *Условія, опредѣляющія права Князя, какъ Судьи.*

1) А грамотъ ти, Княже, не посуживати. (і).

2) А куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати имъ межень по Петровѣ дни. (к). А судье слати на Петровъ день, тако пошло. (л).

(а) С. Г. Г. и Д. No. 1. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же, No. 2. (г) Тамъ же. (д) Тамъ же No. 1. (е) Тамъ же, No 3. (ж) Тамъ же, No. 8. (з) Тамъ же, No. 20. (и) Тамъ же. (і) Тамъ же, No. 1. (к) Тамъ же, No. 2. (л) Тамъ же, No. 3.

3) А бесъ Посадника ти, Княже, суда не судити. (а).

4) А холопъ или роба почнеть вадити на господу, тому ти вѣры не яти. (б).

5) А ряду въ Новгородьской волости тобѣ, Княже, и твоимъ судиямъ не посужяти, а самосуда [6]) не замышляти; а старостѣ ни холопа, ни робы, безъ господаря, твоимъ судиямъ не судити. А за рубежь изъ Новгородьской волости твоимъ Дворяномъ суда не водити, ни судити, (г). А вязчего не пошло по Новгородьской волости, то судиямъ твоимъ отложити. (д).

6) Аже възъидеть къ тобѣ, Княже, на мужа овада, тому ти вѣры не яти, дати тому исправа (ж).

7) А за Волокъ ѣздити судьи, како пошло, по Новгородьской пошлинѣ. (з).

8) Повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ: отъ Великихъ Князей Бояринъ судьею, а отъ Великаго Новагорода Бояринъ; судити имъ Князей Великихъ человѣка съ Новогородцомъ, а судити имъ какъ право, по крестному цѣлованію. А оже ся сопрутъ о каковѣ дѣлѣ, а не возмогутъ управити; и коли будетъ Князь Велики въ Новѣго-

А ряду вольного не посужати (в). [5]) А холопа и половника не судити твоимъ судиямъ безъ господаря, судити Князю въ Новѣгородѣ, тако пошло; и купцины въ силу [7]) не судити въ волости. А кто живеть въ Тржку на Новотързькой земли, а къ святому Спасу не тягнеть къ Тръжку, Князем отъемъся, а тии идуть и съ Торжку, куда имъ годно. (е).

(а) С. Г. Г. и Д. No. 3. (б) Тамъ же No. 3. (в) Тамъ же, No. 15. (г). С. Г. Г. и Д. No 6. (д) Тамъ же, No. 10 и 11. (е) Тамъ же (ж) Тамъ же. (з) Тамъ же, No. 15.

ѣ, или Великого Князя сынъ,
і Великого Князя братъ, и
у дѣлу тогды учинить на Го-
ище съ Посадникомъ конець.
что закладъ въ рядныхъ гра-
ахъ, а то имати Великимъ
земъ со Владыкою на вино-
омъ отъ сего докончания. А
і грамота докончалная въ Но-
ородѣ промежь собе о судѣ;
і у той грамоты быти имени
ечати Великихъ Князей. А
і закладъ въ той въ Новуго-
ской грамотѣ въ докончал-
і написанъ на наѣздъщиковъ,
а грабежщиковъ, и на до-
щиковъ; ино Княземъ Вели-
ъ взяти половина отъ сего
ончания, а Великому Нову-
оду половина взяти. А кто
ть посулъ давати, или кто
ачнетъ имати по концемъ, и
рядомъ, и по станомъ, и по
щамъ у грабежщиковъ, и у
одщика и у наѣздщика; ино
ти на томъ той же закладъ
никимъ Княземъ половина по
вгородской грамотѣ, а Вели-
у Новугороду половина. (а).
9) А суда намъ у Великихъ
язей Намѣстниковъ не отни-
ти, опрочѣ ратные вѣсти, или
и имутъ городъ дѣлати безъ
рости. (б).
10) А Сотцкимъ и рядови-
ъ, безо Князей Великихъ На-
стника и безъ Посадника, не
ити нигдѣ. (в).

Тамъ же, No. 20. (б) Тамъ же. (в) С. Г. Г. и Д. No. 20.

11) А позовъ по волостемъ Новогородскимъ позывати позовникомъ Великихъ Князей, да Новугородскимъ; а въ городѣ позывати Князей Великихъ подвоискои, а Новугородцкой подвоискои. (а) [8]).

г) *Условія, опредѣляющія финансовыя права Князя.*

1) Чко волостий всѣхъ Новгородьскыхъ, даръ имати тобѣ отъ техъ волостий. (б).

2) А что ти, Княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ тивунъ свой дьржати, на своей чясти дьржьти; а Новъгородьцъ на своей чясти дьржати. (в).

3) А въ Бежицахъ, Княже, тобе, ни твоей Княгыни, ни твоимъ Бояромъ, ни твоимъ Дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородьской.

[9]) А се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ со всеми волостьми, Тьржькъ, Бежицѣ, городьць Палиць; потомъ Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра (г).

Бежиче, Городець, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера (д).

4) А въ Русу ти, Княже, ездити осень, а лѣтѣ не ездити; ездити на озвадо звѣри гонитъ. А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара. (и).

Тиргъ вм. Тре. (е) Тирь. (ж) Тигрь (з).

Ехати ти въ Русу на третиюю зиму, а въ Ладогу, Княже, ехати на третие лѣто (і), на възвадъ [10]) вм. на озвадо. (к).

(а) Тамъ же. (б) Тамъ же, N0. 1. (в) Тамъ же. (г) Тамъ же. (д) Тамъ же, N0. 2. (е) Тамъ же, N0. 20. (ж) А. а. э. I, N0. 57. (з) Тамъ же N0 91. (и) С. Г. Г. и Д. N0. 1. (і) Тамъ же, N0. 2. (к) Тамъ же, N0 20.

5) А пожне, Княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое. (а).

6) Дворяномъ твоимъ и тиунимъ погонъ имати, какъ то пошло. (б).

7) А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, развѣ ратной вести (д). [11]).

8) А свиньи ти бити за ѕ҃ верстъ отъ города, (е), а дале куда кому годно (ж).

9) А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Новгородца; (и) а тобѣ серебро емати. (і).

10) А свободъ ти ни мытъ на Новгородьской волости не ставити. (л) [12].

11) А на Имоволозьскомъ погостѣ куны ти имати и на Важаньскомъ. (м).

А дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ Князя по ѕ҃ кунъ, а отъ тивуна по ѕ҃ куне (в).

Или: а отъ тиуна по двѣ долгѣи. (г).

А свиньи ти, Княже, гонити за шестьдесятъ верстъ около города; а въ тои шьстидесятъ Новгородьцю гонити, Князя докладая Князя, а дале куды кому годно. (з).

А за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новагорода въ дву носаду по пошлинѣ, а опять ѣха ти туды же на Новъгородъ; а съ Низу ти не слати, тако же и въ Бѣжицѣ. (к) [13]).

Или: А за Волокъ ти, Княже, своего мужа не слати, продаяти ти дань своя Новгородцю. (н).

(а) Тамъ же. N0. 1. (б) Тамъ же, (в) Тамъ же, N0. 3. (г) Тамъ же N0. 6. (д) Томъ же, N0. 1. (е) С. Г. Г. и Д. N0. 2. (ж) С. Г. Г. и Д. N0. 10. (з) Тамъ же, N0. 15. (и) Тамъ же N0. 9. (і) Тамъ же, 2. (к) Тамъ же, (л) Тамъ же. N0. 3. (м) Тамъ же, (н) Тамъ же N0. 10.

12) А на Низу, Княже, Новгородца не судити, ни даний ти раздавати. (а).

13) А что пошлинъ Князю въ Новогородьской волости, того вы мене не таити во всѣхъ волостьхъ. (б).

А Новгородьцемъ волости [14] и оброковъ Княжихъ не таити (в). А виры имати Княземъ Великимъ по старинѣ, а Новгородцомъ не таити (г).

14) А въ Вълъгдѣ ти тиуна не дьржати. (д).

15) А коли, Княже, поедешь въ Новгородъ, тъгда тобѣ даръ емати по постояниямъ; а коли поѣдешь изъ Новагорода, тъгда даръ не надобѣ. (е). [15]).

16) А въ Вотцкую землю слати Княземъ Великимъ ежегодовъ по старинѣ. (ж).

17) А коли приведется Княземъ Великимъ взяти Черной Боръ, и намь Черной Боръ дати по старинѣ. (з) [16]).

18) А крюкъ Великимъ Княземъ по старинѣ, на третей годъ. А отъ волостей даръ имати по старинѣ. (и) [17]).

19) А пошлины вамъ Великимъ Княземъ и вашему отьцу Митрополиту отъ Владыки имати по старинѣ, и лишнего не прибавливати. А на Волоцѣ и на Вологдѣ церкви, и десятина и пошлина своя вѣдати по старинѣ; а что Юрьевъского монастыря земля на Волоцѣ, а та земля къ Юрьеву манастырю по старинѣ. (і).

(а) Тамъ же, N0. 3. (б) Тамъ же N0. 6. (в) Тамъ же, N0. 15. (г) Тамъ же, N0. 20. (д) Тамъ же, N0. 10. (е) Тамъ же, N0. 10. (ж) Тамъ же, N0. 20. (з) Тамъ же. (и) Тамъ же. (і) Тамъ же.

д) Условія, отдѣляющія отношенія между областью Великокняжескою и областью Новгородскою, какъ между двумя отдѣльными владѣніями:

1) А изъ Бежиць, Княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоей, ни Бояромъ твоимъ, ни Дворяномь твоимъ, ни смерда, ни купцины. (а).

2) А что, Княже, мытъ по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли; а то, Княже, имати по 2 векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба (б).

3) А гости нашему гостити по Суждальской земли, безъ рубежа, по Царевѣ грамоте (в) [18]).

4) А на Низу, Княже, Новгородца не судити (г), также намъ Новогородцемъ вашихъ Великихъ Князей торговцевъ изо всего Великого Княжения вашего въ Новѣгородѣ не судити (д).

5) А холопы и поручникы выдавати, а всему тому судъ въ Новѣгородѣ. (е).

А холопъ или половникъ забѣжить въ Тфѣрьскую волость, а тѣхъ, Княже, выдавати: который ли въстворить судъ собѣ, судити его въ Новѣгородѣ (ж).

6) А рубежь ти, Княже, межю Суждальскою землею и Новгородьскою дати ти старый, ка-

А рубежь ти дати правый по старому рубежю, въ хрестьное цѣлованіе, како было при Отци

(а) С. Г. Г. и Д. No, 1. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же, No. 3. (г) Тамъ же, No. 3. (д) С. Г. Г. и Д. No 20. (е) Тамъ же, No. 6. (ж) Тамъ же, N°. 10.

ко было при дѣдѣ твоемъ и при отци твоемъ. (а).

7) А приставовъ ти съ Низу въвсю въ Новгородьскую волость не всылати (г).

8) А про послы и про купци Новогородские, тѣхъ вамъ не примати. (д) [19].

9) А Сужьдальскому гости гостити въ Новъгородъ безъ рубежа, безъ пакости. (е).

10) А Пъсковьскимъ Посломъ ездити къ Великимъ Княземъ, также и отъ Великихъ Князей назадъ ко Пъскову черезъ Новугородскую землю, путь чистъ добровольно: также и Новугородскимъ Посломъ ѣздити черезъ Пьсковьскую землю, гдѣ ни есть, путь чистъ изъ Новагорода и въ Новгородъ. (ж).

11) А учинится татба или разбой въ Великомъ Княжении Новугородцу; ино Великимъ Княземъ обыскать то дѣло въ правду, по крестному целованию: а доспѣется Великого Княжения торговцу въ Новугородской земли татба или разбой; ино то дѣло Новугороду обыскать въ правду, по крестному целованию. (з).

твоемь (б). Или: А рубежь т Княже, дати правый бесъ пер вода межю отчиною своею и Но городьскою всею волостью (в).

с) *Условія и цѣлыя грамоты историческія.*

1) А кому раздаялъ волости братъ твой Александръ, или

Повторено. Собр. Гос. Гр. и Дог. No 3-й.

(а) Тамъ же, No. 6. (б) Тамъ же, No. 10. (в) Тамъ же, No. 15. (г) Тамъ же, No 8. (д) Тамъ же, No. 5. (е) Тамъ же. (ж) Тамъ же. (з) Тамъ же.

Дмитрий съ Новгородци, тобе техъ волостий безъ вины не лишати (а).

2) А се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, городьць Палиць, а то *есми дали Иванкови.* (б).

3) А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара, *по грамотѣ отця своего Ярослава.* А судъ, Княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на г҃ лѣта, судье не слати. (г) [20].

4) А что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, Княже, ненадобѣ. А что, Княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а того ся, Княже, отступи. (д).

5) А въ Ладогу, Княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамоте отца своего Ярослава: а ту грамоту, Княже, отъялъ еси, а та грамота, Княже, дати ти назадъ. (ж).

6) А что, Княже, грамоты посудилъ еси отца своего и брата своего, а свое грамоты подаялъ еси на ты грамоты; ты грамоты отъимати, а старые оправливати (з).

7) А что еси, Княже, отъимъ у Кюрили Хотуниче, далъ еси попу святаго Михаила, а

А Городець, Княже, далъ Дмитрий съ Новгородци Иванку; а того ти, Княже, неотъяти (в).

А что твой братъ отъялъ былъ пожне у Новагорода, а того ти, Княже, отступитися: что Новгородцевъ, то Новгородьцемъ; а что пошло Князю, а то Княже (е). Повторено Собр. Гос. Гр. и Дог. No 3-й.

(а) Тамъ же, No. 1. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же. (г) Тамъ же. (д) Тамъ же, No. 2. (е) Тамъ же. (ж) С. Г. Г. и Д. No. 3. (з) Тамъ же.

городискымъ попомъ не пошло дани имать на Новгородьскомъ погосте; вдай опять (а).

8) А что, Княже, тобе было гнѣва на Посадника и на всь Новгородъ; то ти, Княже, все нелюбье отложити, и отъ мала и отъ велика не мщати ти ни судомъ, ни чимъ же: а кто почнеть вадити къ тобе, тому ти веры не яти. А про Послы, Княже, и про купче Новгородьскые, что въ Костромѣ и по инымъ городомъ; то исправивъ, пусти въ Новъгородъ съ товаромъ. А про полонъ, кто где заточенъ, ими человѣкъ, или конь Русьскый и Новгородьскый, то исправи. А село Святой Софии исправи къ Святой Софии. А до Владыкы отча нашего гнѣва ти не держати. А что закладниковъ за Гюргомъ на Торожку, или за тобою, или за Княгынею, или за мужи твоими, кто купець, тотъ въсто, а кто смердъ, а тотъ потягнеть въ свой погостъ: тако пошло въ Новѣгородѣ; отпусти всихъ проць (б).

9) Что свободъ Дмитриевыхъ и Андрѣевыхъ, и что сельць тягнуло къ тымъ свободамъ, того всего тобѣ съступитися, то все

А гнѣва ти, Княже, до Новагорода не дьржати, ни до одиного человѣка. Повторено Собр. Гос. Гр. и Дог. NNo 7-й, 8-й, 9-й и 10-й: А нелюбие, Княже, тобѣ отложити и отъ старѣйшихъ, и отъ мьншихъ, и отъ всѣхъ. No. 15-й, Ак. Арх. Эк. I, No 57-й.

Повторено, С. Г. Г. и Д. No 15-й.

Повторено, Собр. Гос. Гр. и Дог. NNo 6-й, 7-й, 8-й и 9-й. Ак. Ист. I. No 258-й.

А смердъ потянеть въ свой *потугъ* (в). [21]).

Повторено С. Г. Г. и Д. N0· 7-й, N0. 8-й, N0. 10-й, съ перемѣною: А что селъ и свободь Дмитриевыхъ, то дали есме былѣ Андрѣю, до живота Андрѣева, въ хрестьное цѣлованіе, а потомъ Новугороду то все; а тобѣ, княже, въ то не въ ступитися.

(а) Тамъ же. (б) Тамъ же. (в) Тамъ же, N0. 20.

къ Новугороду бесъ кунъ. А что, Княже, селъ твоихъ, и Владычьнихъ, и Княгынинихъ, и Бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородьской земли, которое село зашло бесъ кунъ, то бесъ кунъ поидеть къ Новугороду, а кто купилъ, а тый знаеть своего истьца, или дѣти его: истьца ли не будеть, ни дѣтий его, цѣловати ему хрестъ; како истьца не свѣдаеть, взяти ему куны, колико будеть далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду (а).

Повторено С. Г. Г. и Д. N0. 9 и 10.

....кто будеть даромъ отъялъ, или сильно; а то поидеть безъ кунь къ Новгороду и т. д. (б).

....а земля поидеть къ Новгороду; или не окупять сѣдѣти, ему, доколѣ окупять (в).

10) А коли будеть Новугороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляти ти, Княже, по Новѣгородѣ бесъ хытрости; а безъ Новгородьского ти слова, Княже, войны не замышляти (г).

11) А вынесуть тобѣ изъ Орды Княжение Великое, намъ еси Князь Великый: или пакъ не вынесуть тобѣ Княжения Великого изъ Орды, поити твоимъ Намѣстникамъ изъ Новагорода проць, и изъ Новгородьскыхъ пригородовъ; а въ томъ Новугороду измѣны нѣту (д).

12) А что подѣялося доселѣ межи тобою и твоими мужи Новугороду до хрестьного цѣлования, то ти все, Княже, отложити, и твоимъ мужемъ (е).

(а) Тамъ же, N0. 15. (б) Тамъ же, N0. 6. (в) С. Г. Г. и Д. N0. 6. (г) Тамъ же, N0. 8. (д) Тамъ же. (е) Тамъ же, N0. 10.

13) *Грамота отъ Новгорода къ В. К. Михаилу Ярославичу:* (а).

Благословление отъ Владыкы, поклонъ отъ Посадника, и отъ Тысячкого, и отъ всего Новагорода, Князю Михаилу Ярославицю. Князь Великый Андрѣй, и вьсь Новгородъ дали Федору Михайловицю городъ стольный Пльсковъ, и онъ едъ хлѣбъ; а како пошла рать, и онъ отъехалъ, городъ повьргя, а Новагорода и Пльскова поклона не послушалъ; приехавъ въ село, Новгородьскую волость пусту положилъ, братию нашю испродалъ. Тобѣ, Княже, не кърмити его Новгородьскимъ хлѣбомѣ, кърмити его у себе; а на селѣхъ его куны ему даемъ. А Бориса Костянтиновица кърмиль Новгородъ Корѣлою, и онъ Корѣлу всю истерялъ, и за Нѣмцѣ загонилъ; надь тимь рубежь учиниль на Новѣгородѣ, чего не пошло про рубежь, Господине. Како будешь въ Новѣгородѣ у отца своего у Владыцѣ, и усвоихъ мужь, намъ съ нимъ судъ передъ тобою, Господине; а нынѣ серебра ему не вели емати. А тобѣ, Господине, Новгородьскымъ хлѣбомъ не кърмити его, а изъ Новгородьской волости поидеть; а на селѣхъ его куны даемъ по исправѣ на купленыхъ, а которое не куплено, а съ тѣхъ поидеть бесъ кунъ. [22].

14) *Договорная съ тѣмъ же В. Княземъ:* (б).

Се докончалъ Великый Князь Михаило съ Владыкою Давыдомъ и съ Посадникомъ, и со всімь Новымъ городомъ. Что ся учинило промежи Князя и Новагорода розратье, что взято въ Княжи волости въ замятню, или у Намѣстниковъ, или у Пословъ, или гостиный товаръ, или купецьскый, или въ церквахъ, или у котораго Боярина, или по всей волости; то все Князь отложилъ. А что взято товара Новгородьского, или купецьского, или гостиного, или по всей волости Новгородьской; а того всего Новугороду не поминати. А что селъ или людий Новгородьскыхъ въ сю замятню заложилося за Князя и за Княгыню, или за дѣти, или за Бояры, или села кто купилъ; куны ему емати, а села къ Новугороду по Фектистовѣ грамотѣ, что на Тфери докончалъ. А что головы поимано по всей волости Новгородьской, а тѣ поидуть къ Новугороду безъ окупа. А Князю Великому Михаилу не

(а) Тамъ же, N0. 11. (б) Тамъ же N0. 12.

наводити на Новъгородъ, ни Бояромъ его, ни про что же; ни гостя рути въ Суждальской земли, ни гдѣ же; а за все за то взяти Князю у Новагорода двѣнадчать тьсячи серебра. Буди Андрѣевѣ дѣти, буди Машко съ дѣтми, или Юрьи Калѣка и вси талщикы, и что взялъ Федоръ Юрьевичь, и Елферий Жидь Сталичь у талщиковъ и у Машка зъ дѣтми; а то поиде въ ту же двѣнадчать тьсячи серебра. А срокъ тремъ тьсячамъ и двема стома взяти Князю на сборъ въ Низовьскый весъ. А како възметь Князь г҃ и двѣ стѣ, тако ему пустити хлѣбъ и всякый гостѣ; а другыи г҃ взяти Князю на Средокрестье въ Низовьскый же вѣсъ; а третьии г҃ пояша хопыли къ собѣ, дати имъ на Вербьницю безъ к҃ сту и безъ полутрьтиядчати серебра въ Низовьскый же вѣсъ; а четвертыи г҃ взяль Федоръ и Елферий у талщиковъ: а что переиде чересъ срокъ д҃ дни, а въ томъ Князю измѣны не учинити. А како Князь серебро поемлеть, тако ему вся таль пустити по цѣлованью. А не любье Князь отложилъ отъ Новагорода, и отъ Пьскова, и отъ пригородовъ; а Посаднику и Тысяцьскому и всему Новугороду, кто мои недругы, мнѣ выдалъ въ Торжьку, тѣмъ ся имъ не мьщати. А Новугороду Княженье мое честно дьржати безъ обиды, а Князю Великому дьржати Новъгородъ безъ обиды въ пошлинѣ. А опять сѣлъ Князь Великый Михаило на Фектистовѣ грамотѣ, что доконьчалъ съ Владыкою и съ Послы Новгородьскыми на Тфѣри. А на семь на всемь Князь Великый Михаило кресть цѣловалъ, по симъ грамотамъ. А исплатить Новъгородъ то серебро двѣнадчать тьсячи; то Великому Князю грамота изрѣзати, что докончали на городкѣ на Волзѣ, и другая грамота Новоторзьская что въ Торжьку доконьчали.

15) *Договорная съ тѣмъ же В. Княземъ.* (а).

Отъ Посадника отъ Михаила, отъ Тысячкого отъ Матфѣя, отъ Бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ чорныхъ людей, и отъ всего Новагорода, послаше Новъгородъ Юрья и Якима къ Князю къ Михаилѣ на Твѣрь, а велѣлѣ миръ имати на семъ. А же братью вашю попущати безъ окупа, Новгородскихъ Бояръ и Новоторьскихъ Бояръ, житьихъ людѣй и чорныхъ людѣй, и сиротъ Нов-

(а) Тамъ же No. 13.

городской волости и Новоторьской волости; или хто данъ на порукѣ Новгородѣчь или Новоторжанинъ, а съ тыхъ порука на землю; или кого къ челованью привелъ, а съ тыхъ челованье на землю; или грамоты дерноватыи какого пописалъ, а тѣ грамотѣ подереть. А что Князь Михаило товаръ порубилъ братьи нашей до Новоторьского взятья, а того товара весь Новъгородъ велѣлъ Юрьи и Якиму отступитися; а что товаръ Новгородскый и Новоторскый въ Торьшку взять въ полонъ, а того товара весь Новгородъ велѣлъ Юрьи и Якиму отступитися. А землѣ и водѣ старый рубежь по старымъ грамотамъ. А Намѣстникы свои съ Торъшку сведетъ. А на семъ повелѣше весь Новгородъ Юрьи и Якиму миръ взяти съ Княземь съ Михаиломъ; а повелѣша печати приложити изо всѣхъ пяти кончевъ къ сей грамотѣ. Аже Князь Михаила почне Пословѣ свои слати въ Новгородъ повелѣ Юрьи и Якиму Пословѣ Михаиловѣ поняти въ Новъгородъ.

16) *Договорная В. К. Михаила Ярославича съ Новгородомъ при Князѣ его Юріѣ Даниловичѣ.* (а)

Се доконча Князь Великый Гюрги съ братомъ своимъ Великимъ Княземъ съ Михаиломъ, и съ Посадникомъ, и съ Тысяцкимъ, и съ всѣмь Новымь городомь. Дати Князю Михаилу... рубежь правый по старому рубежю межю Торжькомъ и..... омь имежю Кашиномь, такоже..... гдѣ по старому рубежю..... дати. А что Княгыни покупила села въ Волог.... и въ Бѣжицкой.... имати ей куны у истьцевъ,..... святой Софии; также и дѣтемъ его, и Княгыни его, и Бояромъ его въ все Княжение Михаилово знають своего.... а земля бесъ кунъ..... и Кня..... и при ... Тфѣри... Дмитр..... возмуть..... рубежемъ въ Нов.....ца, или у сына, и..... на томь ему хресть..... како истьца не вѣдаеть, а куны ему имати у Новагорода, колко далъ, хресть цѣловавъ. А кто живеть въ Новоторьскомъ уѣздѣ у Святого Спаса, а тѣ потягнуть къ Торжьку; буди закладьщикъ, буди пришлецъ, буди..... буди дѣтѣй его, буди Княгининъ, буди Боярь.... такоже и Василисинъ, такоже и въ ..... волости Новгородьской..... въ Торжьку, и въ Тфѣри положено, на стырыхъ людехъ..... прочьной справѣ. А въ котораго чоловѣка почнуть окупать села въ Новгородьской волости, окупити ему и доброе и худое. А что поимали на Вологдѣ кре-

(а) С. Г. Г. No. 14.

четы и серебро, и бѣлу, и ..... свободамъ и Посломъ и у Волоцѣ и у Ладожанъ, или .... ихъ людей, дати имъ назадъ по исправѣ; а головы..... имали въ полку и....то попущати безъ окупа. А что взялъ Михаило Княаь.... ру.... на смердѣхъ на Пруте.. скыхъ,.. земля къ Новугороду. А гости всякому гости слитно: гостити безъ рубежа; а ворота ти отворити, а хлѣбъ ти пустити, и всякый ти гость пустити въ Новъгородъ; а силою то гостя въ Тфѣрь не перенмати. А чересъ ти рубежь въ Новъгородьскую волость Дворянъ и приставовъ не въсылати; а обидному на рубежи судъ. А Посломъ Новгородьскымъ и Новгородьцемъ ѣздити сквозѣ Михаилову волость безъ пакости; а холопи и должьникы выдавати по исправѣ. А что грамота на Городцѣ писана, и что въ Торжьку писапа при Тантемери и Владыцѣ, серебреная, а тѣ грамотѣ Михаило Князь порѣзалъ. А насемь на всемь Князь Михаило цѣловалъ хрестъ къ намъ, по любви въ правду, безъ всякого извѣта.

17) А что Олександровыхъ Княжихъ селъ купленыхъ, или его мужь, а то поидеть къ Олександру Князю по исправѣ, по хрестьному цѣлованью, по заводъ; а исъ тыхъ селъ суда имъ не судити, ни Дворяномъ ѣздити, ни людей Новгородьскыхъ принимати, ни земли. — А што ся дѣяло до твоего Княженія; и въ твое Княженье, того ти не поминати; што продано Княжихъ волостей съ Велика дни, а што будеть не продано по Велицѣ дни, то по цѣлованью псвѣдати. — А што будеть Дѣдъ твой сильно дѣялъ или ины Князь на Новѣгородѣ, того ти не дѣяти (а).

18) *Договорная грамота Великаго Князя Димитріи Іоанновича и Князя Владиміра Андреевича съ Новымъ городомъ* (б).

Се пріѣхали ко мнѣ къ Великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, отъ отца моего владыки Олексѣя, и отъ Посадника Юрья, отъ Тысяцкаго Олисѣя, и отъ всего Новагорода Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Вонславъ Поповичь, Василей Огаѳоновъ. Кончалъ есмь съ своими мужи въ одиночество, цѣловали есмы крестъ съ своимъ братомъ со Княземъ съ Володимеромъ Андреевичемъ: а натомъ къ намъ цѣловали крестъ Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ,

(а) Собр. Г. Г. и Д. No. 15. (б) А. а. э. I, No. 8.

Иванъ Борисовъ, Воиславъ Поповичь, Василей Огаѳоновъ. Натомъ цѣловати кресть ко мнѣ ко Князю къ Великому къ Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и къ моему брату ко Князю къ Володимеру, въ одиначство всему Новугороду. Ажъ будетъ обида со Князми Литовскими, или съ Тферьскимъ Княземъ съ Михаиломъ, Новугороду всѣсти на конь со мною со Княземъ съ Великимъ, и съ моимъ братомъ со Княземъ съ Володимеромъ съ одного; а коли будетъ мнѣ Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и моему брату Князю Володимеру, всѣсти на конь на Князя на Литовскогго, или на Тферьского на Князя па Михаила, мнѣ Князю Великому самому быти въ Новѣгородѣ, а любо брата ми послати Князя Володимера въ Новгородъ всѣсти: или будетъ обида Новугороду съ Литовскимъ Княземъ, или съ Тфѣрьскимъ Княземъ съ Михаиломъ, или съ Нѣмци, мнѣ Князю Великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и моему брату Князю Володимеру, всѣсти по Новѣгородѣ съ одного, по цѣлованью; а до колѣ ся Новъгородъ съ Литовскимъ Княземъ, и со Тферьскимъ Княземъ Михаиломъ, не умиритъ, или съ Нѣмци, мнѣ Князю Великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и мосму брату Князю Володимеру, Новагорода не метати, любо ми самому быти Киязю Великому въ Новѣгородѣ, или брата пошлю, доколѣ Новъгородъ умирю, а быти ми въ Новѣгородѣ или брата пошлю; а пойдетъ на насъ рать, ѣхати ми отъ васъ или брату моему безъ хитрости, а то намъ не въ измѣну. А княженье бы великое мое держати честно и грозно, безъ обиды: а мнѣ Князю Великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, держати Новъгородъ въ старинѣ, безъ обиды [23]).

19) *Данная В. К. Василію Васильевичу, на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ* (а).

Отъ Посадника Великого Новагорода степенного Ѳонаса Остафьевича, и отъ всѣхъ старыхъ Посадниковъ, и отъ Тысяцкого Великого Новагорода степенного Михайла Ондреевича, и отъ всѣхъ старыхъ Тысяцкихъ, и отъ Бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, и отъ всего Великого Новагорода. На вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ, се дахомъ черный боръ на сей годъ Великому Князю Василью Васильевичю всея

(а) А. а. в. No. 32.

Руси, а послалъ Князь Велики на черный боръ Семена Яковлича въ Торжокъ: а брати Князя Великого черноборцемъ на Новоторжьскихъ волостѣхъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ по новой, а писцу Княжу мортка съ сохи; а въ соху два коня да третьее припряжь, да тшанъ Кожевничской за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнець за соху, четыре пѣшци за соху, ладья за двѣ сохи, врѣнъ за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи на томъ взяти за полсохи; а гдѣ будетъ Новугородець заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуетъ, или староста, на томъ не взяти; а кто будетъ одерноватый емлетъ мѣсячину, на томъ не взяти; а кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ боярьскій дворъ, или кто иметъ соху таити, а изобличатъ, на томъ взяти вины вдвое за соху. А кормъ съ десяти сохъ Князя Великого Черноборцемъ взяти тридцать хлѣбцовъ, баранъ а либо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкарь соли; а коневого корму пять коробей овса въ старую коробью, три возы сѣна съ десяти сохъ какъ пошло; по двѣ подводы отъ стану до стану. А брати имъ, куды и переже сего черноборци брали, по старинѣ.

20) А что, Княже, гнѣвъ будетъ на Владыку, или на Посадника и на весь на Великый Новъгородъ, то ти, Княже, нелюбіе отложите; а про Дмитрея, про Тарасова не мщатись, ни судомъ, ничимъ же; а кто почнетъ вадити, тому ти вѣры не яти (а).

21) А что земли Ростовскія и Бѣлозерскія, что покупили наши Новгородци, а тыхъ земль Княземъ Великимъ съступилися и грамоты подавали. А полонъ съ обѣ половины базъ окупа; а кто будетъ продавалъ полонъ въ Книженьи въ Великомъ, а тому серебру погребъ съ обѣ стороны; а кто будетъ продалъ полоняники своему, тому ся увѣдати самому, а полоняникъ пойдетъ прочь. А съ Новоторъжцевъ Князи Великія цѣлованіе сложили; а что серебро и хлѣбъ Княземъ Великимъ недобранъ въ Торъжку, или на губахъ, а то Княземъ Великимъ ненадобѣ; а детъ данъ на поруцѣ въ серебрѣ; или въ хлѣбѣ, съ тыхъ покто бурука доловъ, а что собрано а то Княземъ Великимъ; а Новгороду въ томъ дѣлѣ на Новоторъжцовъ нелюбіа не держати, ни мщатись никоторою хитростью. А что война была Князей

(а) А. Истор. I, No. 258.

Великихъ надъ Новгородскою волостію, или Новогородская война была надъ Великихъ Князей волостьми, тому всему погребъ; а послѣ сего крестного цѣлованіа, аже доспѣется война съ обѣ половины, а не вѣдая сего докончаніа, иманое назадъ отдати съ обѣ половины; а учинятся мертвые, а почнутъ клепати мертвыми или грабежомъ съ обѣ половины, ино судъ тому на Городищѣ передъ тыми судьями; а что были войны и грабежи изъ Великого Княженіа и изъ Новгородской вотчины, до складной грамоты Великого Князя, съ обѣ половины, тому судъ на Городищѣ. — Также что наши братіа Новгородци покупили земли Ростовскія и Бѣлозерскія, или даромъ поимали, и намъ тыхъ земль обыскавъ, отетупитися вамъ Великимъ Княземъ, по крестному цѣлованію; а кто которой земли запритца, тому судъ и исправа по крестному цѣлованію. А пріѣдутъ къ намъ къ Великимъ Княземъ отъ Великого Новагорода послы Новогородскые о какихъ обидныхъ дѣлѣхъ исправы просити а наѣдутъ насъ обѣихъ Великихъ Князей въ Русской землѣ, ино имъ посольство правити обѣма Великимъ Княземъ и исправы просити у обѣихъ, а имъ исправа дати Великому Новугороду, по крестному цѣлованію, а отвѣтъ дати Великому Новугороду; а наѣдутъ одного Великого Князя въ Руской землѣ, ино одному посольство правити, а ему исправа дати Великому Новугороду, по томужъ крестному цѣлованію, и отвѣтъ дати Великому Новугороду. А Великому Новугороду Князя Ивана Андреевича Можайскаго и его дѣтей, и Князя Ивана Дмитреевича Шемякина и его дѣтей, и его матери Княгини Софьи и ее дѣтей и зятьи, Новугороду не пріимати. А послѣ сего докончаніа, изъ Московской земли изъ Великого Княженія кто пріѣдетъ лиходѣй Великихъ Князей въ Великій Новгородъ, и Новугороду ихъ не пріимати; или кто лиходѣй Великихъ Князей побѣжитъ изъ Руской земли изъ Московского Княженіа въ Литву или въ Нѣмци, а изъ Литвы или изъ Нѣмець прибѣжитъ къ Великому Новугороду, и Новугороду тыхъ лиходѣевъ не пріимати. А коихъ людей привели къ цѣлованію за Великихъ Князей, кои живутъ на Новгородской землѣ въ Торъжку, или за Волокомъ, индѣ гдѣ ниесть, а съ тыхъ людей Князи Великіи цѣлованіе сложиша; а земли и воды къ Великому Новугороду, по старинѣ и по старымъ крестнымъ грамотамъ; а натыхъ людей Новугороду про то нелюбіа ие держати, по крестному цѣлованію. А что нятцевъ или полону у Великихъ Князей, или Новгорода нятцевъ и полону, и старого полону Великихъ Князей и его братьи молодшой изо всего его Великого

іяженіа, ино тыи нятци и той полонъ отпустиша безъ окупа на в поливинѣ, и старой и новой. (а) Повторено А. а. э. I, N0, 91.

?) *Грамота объ уплатѣ В. К. Василію Васильевичу залоговъ по Демонскому докончанію.* (б)

Се заплатиша отъ Великого Новагорода подвойскіе Ноугодскіе Степанъ Иліинъ, Степанъ Григоріевъ, и вѣчный дьякъ ковъ, Ивану Володимеровичю тысячю рублевъ да сто рублевъ слѣднего платежа, что добили челомъ Бояре Ноугородскіе Векому Князю въ Яжелбицахъ, посадникъ Григорей Даниловичь, осадникъ Ѳедоръ Яковличь, посадникъ Василей Степановичь, тыцкой Яковъ Ивановичь, тысяцкой Василей Пантелеевичь, а отъ итьихъ Ѳѳоносъ Микулиничь, Иванъ Юріевичь, Яковъ Иваночь, полудевятою тысячею рублевъ, и грамоту дали Великому язю въ той полудевятѣ тысячѣ рублевъ и въ залозѣхъ отъ емонского докончаніа, за своими печатми, и честной креетъ цѣовали: ино та полдевяты тысячи рублевъ Великому Князя дола чисто вся, а залоги отъ Демонского докончаня осталися за овымъ городомъ. И мы ту грамоту у Ивана взяли, а въ залозхъ есмя Великого Князя, что ея за нами остало отъ Демонсого докончанья, дали на собя сю грамоту, что справити намъ ѣ залоги по крестному цѣлованью, по тому какъ цѣловали въ желбицахъ Посадникъ Григорей Даниловичь, Посадникъ Ѳедоръ ковличь, Посадникъ Василей Степановичь, Тысяцкіе Яковъ Иваовичь, Василей Пантелеевичь, а отъ житьихъ Ѳѳоносъ Микулиичь, Иванъ Юрьевичь, Яковъ Ивановичь, къ Великому Князю; какъ залоги дойдутъ всѣ Великого Князя, ино ся грамота подіти. А запечатали есмя сю грамоту печатію Посадничею стеенного Ивана Лукинича, и Тысяцкого степенного печатію Миилловою Андреевича.

23) *Договорная съ Казимиромъ Литовскимъ* (в) [24]).

Се язъ честны Король Полскій и Князь Велики Литовскій окончялъ есми миръ съ нареченнымъ на Владычьство съ Ѳеоиломъ, и съ Посадники Новогородцкими, и съ Тысяцкими, и съ ояры, и съ житьими, и съ купци, и со всемъ Великимъ Но-

---

) А. а. э. I, N0. 58. (б) Тамъ же, N0. 59. (в) А. а. э. I, N0. 87.

вымгородомъ. А пріѣхаша ко мнѣ послове отъ нареченаго на Владычьство Ѳеофила, и отъ Посадника степенного, и отъ Тысяцкого степенного Василья Максимовича, и отъ всего Великого Новагорода мужей волныхъ, Посадникъ Новогородцкій Ѳѳонасъ Остафьевичь, Посадникъ Дмитрей Исаковичь и Иванъ Кузминъ сынъ Посадничь, а отъ житьихъ Панфилей Селифоновичь, Кирило Ивановичь, Якимъ Яковличь, Яковъ Зиновъевичь, Степанъ Григорьевичь. Докончалъ есми съ ними миръ и со всемъ Великимъ Новымгородомъ, съ мужи волными. А держать ти, честны Король, Велики Новгородъ на сей на крестной грамотѣ. А держати тобѣ, честному Королю, своего Намѣстника на Городищѣ отъ нашей вѣры отъ Греческой, отъ православного хрестьянства; а намѣстнику твоему безъ Посадника Новогородцкого суда не судити, а отъ мѣста кунъ не имати; а Великому Новугороду у твоего Намѣстника суда не отъимати, опричь ратной вѣсти и городоставленіа [25]); а судити твоему Намѣстнику по Новогородской старинѣ. А дворецкому твоему жити на Городищѣ на дворцѣ, по Новогородской пошлинѣ; а дворецкому твоему пошлина продавати и Посадникомъ Новогородскимъ по старинѣ съ Петрова дни [26]). А тіуну твоему судити въ Одринѣ [27]) съ Новогородцкими приставы. А Намѣстнику твоему и дворецкому и тіуну быти на Городищѣ въ пятидесятъ человѣкъ. А Намѣстнику твоему судити съ Посадникомъ во Владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ Боярина такъ и житьего такъ и молодшего такъ и селянина; а судити ему въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно; а пересудъ ему имати, по Новогородцкой грамотѣ по крестной, противъ Посадника, а опричь пересуда посула ему не взяти; а во владычень судъ и въ Тысяцкого, а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды, по старинѣ. А пойдетъ К. В. Московскій на Велики Новъгородъ, или его братъ, или которую землю подъиметъ на велики Новгородъ, ино тебѣ нашему Господину честному Королю всѣсти на конь за Велики Новгородъ, и со всею съ своею радою Литовскою, противъ Великого Князя, иборонити Велики Новгородъ; а коли Господине честны Король, не умиривъ Великого Новагорода съ Великимъ Княземъ, а поѣдешь въ Лятцкую землю или въ Нѣмецкую, а безъ тебе, Господине, поидетъ Князь Велики, или его сынъ, или его братъ, или кою землю подойметъ на Велики Новгородъ, ино твоей радѣ Литовской всѣсти на конь за Велики Новгородъ, по твоему крестному цѣлованію, и боронити Новгородъ. А что Ржова, и Великіи Луки, и

Холмовски погостъ, четыре перевары, а то земли Новгородцкія, а въ то ся тебѣ честному Королю не вступати, а знать тебѣ своя черна куна, а тѣ земли къ Великому Новугороду; а Ржевѣ и Лукомъ, и Холмовьскому погосту, и инымъ землямъ Новгородцкимъ и водамъ, отъ Литовской земли рубежь по старинѣ. А сведется Новгородцу судъ въ Литвѣ, ино его судити своимъ судомъ, а блюсти Новгородця какъ и своего брата Литвина, по крестному цѣлованью: а сведется судъ Литвину въ Великомъ Новѣгородѣ, ино его судити своимъ судомъ Новгородцкимъ, а блюсти его какъ и своего брата Новгородця, по крестному цѣлованію, такожъ. А сведется поле Новгородцу съ Новгородцомъ, ино Намѣетнику твоему взяти отъ поля гривна, а двѣма приставомъ двѣ деньги, а учнуть ходити за срѣчкою на поле, ино взяти твоимъ приставомъ двѣ денги. А въ Русѣ ти имати за проѣзжей судъ, черезъ годъ, сорокъ рублевъ, а держати десять варниць въ Русѣ; а въ Водцкой землѣ плата за проѣзжей судъ, черезъ годъ, тридцать рублевъ; а въ Ладогѣ ти пятнадцать рублевъ, а съ Ижеры два рубля, а съ Лопци рубль, за проѣзжей судъ, черезъ годъ; а по инымъ волостемъ по Новогородцкимъ имати тобѣ пошлины по старинѣ, а Новугороду пошлинъ не таити по крестному цѣлованію. А вывода ти, честны Король, изъ Новогородцкой отчины не чинити, а челяди не закупати, ни даромъ не примать. А подводъ по Новогородцкой отчинѣ не имати, не твоимъ посломъ, ни твоему Намѣстнику ни иному никому жъ въ твоей державѣ. А черны куны имати по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ: а на Молвотицяхъ взяти ти два рубля, а тіуну рубль за Петровщину; а на Кунскѣ взяти ти рубль; а на Стержи тридцять куниць да шестьдесятъ бѣлъ; а съ Моревы сорокъ куниць да восмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль, а въ осенинѣ полрубля; а въ Жавнѣ двадцать куниць да восмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль; а медъ и пиво съ перевары по силѣ; а на Лопастицяхъ и на Буйцяхъ у чернокунцовъ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а слугамъ бѣла; а на Лукахъ нашь тіунъ, а твой другой, а судъ имъ на полы, а Торонецкому тіуну по Новогородцкой волости не судити; а въ Лубоковѣ и въ Заклиньѣ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а Петровщины сорокъ бѣлъ; а во Ржевѣ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а съ перевары медъ и пиво по силѣ; а въ Новогородцкихъ волостѣхъ, ни на Демонѣ, ни на Цснѣ ни на Полоновѣ, ненадобѣ иное Литвѣ ничто жъ, ни черны куны не брати; а иныхъ пошлинъ тобѣ, честны Король, на Новогородцкія

волости не вкладывать черезъ сію крестную грамоту. А сведется вира, убьютъ Сотцкого въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина, а не сотцкого, ино четыре гривны, а намъ виръ не таити въ Новѣгородѣ, а о убиствѣ виръ нѣтъ. А что волости, честны Король, Новгородцкія, ино тебѣ не держати своими мужи, а держать мужми Новогородцкими; а что пошлина въ Торжку и на Волоцѣ тивунъ свой держать на своей части, а Новугороду на своей части Посадника держати. А се волости Новогородцкія: Волокъ со всѣми волостми, Торжокъ, Бѣжици, Городецъ, Палець, Шипино, Мелеця, Егна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда съ волостми. А пожни, честный Король, твои и твоихъ мужь, а то твои, а что пожни Новогородцкія, а то къ Новугороду, какъ пошло. А Дворяномъ съ Городища и извѣтникомъ позывать по старинѣ. А на Новгородцкой землѣ тебѣ, честны Король, селъ не ставити, ни закупать, ни даромъ ни примать, ни твоей Королевой, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ Княземъ, ни твоимъ Паномъ, ни твоимъ слугамъ. А холопъ или роба, или смердъ, почнетъ на осподу вадити, а тому ти, честны Король, вѣры не нять. А купець пойдетъ во свое сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ къ Новугороду, какъ пошло. А приставовъ тебѣ, честны Король, не всылати во всѣ волости Новогородцкія. А у насъ тебѣ, честны Король, вѣры Греческіе Православные нашей но отъимати; а гдѣ будетъ намъ Великому Новугороду любо въ своемъ Православномъ хрестьянствѣ, ту мы Владыку поставимъ по своей воли, а Римскихъ церквей тебѣ, честны Король, въ Великомъ Новѣгородѣ не ставити, ни по пригородомъ Новогородцкимъ, ни повсей земли Новогородцкой. А тіуну твоему въ Торжку судити судъ съ Новогородцкимъ Посадникомъ, такожъ и на Волоцѣ, по Новогородцкой пошлинѣ, Новогородцкимъ судомъ, и виры и полевое по Новгородцкому суду; а что во Псковѣ судъ и печать и земли Великого Новагорода, а то къ Великому Новугороду по старинѣ. А умиришь, Господине, честны Король, Велики Новгородъ съ Великимъ Княземъ, ино тебѣ взяти честному Королю Черны боръ по Новогородцкимъ волостемъ по старинѣ одинова, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы Черны боръ не надобѣ. А Нѣмецкого двора тебѣ не затворяти, ни приставъ своихъ не приставливати, а гостю твоему торговати съ Нѣмци нашею братьею. А посломъ и гостемъ на обѣ половины путь имъ чистъ, по Литовской землѣ и по Новогородцкой. А держать тебѣ, честны Король, Велики Новгородъ въ воли мужей волныхъ, по нашей старинѣ

и по сей крестной грамотѣ. А на томъ на всемъ, честны Король, крестъ цѣлуй ко всему Великому Новугороду за все свое Княжество и за всю раду Литовскую, въ правду, безо всякаго извѣта: а Новогородцкіе послове цѣловаша крестъ Новогородцкою душею къ честному Королю за весь Велики Новгородъ, въправду, безъ всякого извѣта.

24) *Грамота объ уплатѣ В. К. Іоанну Васильевичу и Іоанну Іоанновичу пятнадцати тысячь пяти сотъ рублей* (а).

Се добилъ челомъ Великому Князю Ивану Василіевичю всея Руси, и сыну его Великому Князю Ивану Ивановичю всея Руси, наречены на архіепископство Великого Новагорода и Пскова священноинокъ Ѳеофилъ, и Посадники Новгородскіе Иванъ Лукиничь, Посадникъ Яковъ Александровичь, Посадникъ Ѳеофилатъ Захарьиничь, Посадникъ Лука Остафьевичь, Александръ Клементіевичь, Ѳедоръ Іевличь, Онкифъ Васильевичь, Дмитрей Михайловичь, по Ноугородскому велѣнію всего Новагорода, за Новогородскую проступку, полушестьминадцати тысячи рублевъ денгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ. А дати намъ то серебро своей господѣ Великимъ Княземъ, на Рожество Святіе Богородици полтретьи тысячи рублевъ, а на Крещеніе Господне три тысячи рублевъ, а на Великъ день пять тысячь рублевъ, а на Успеніе Святые Богородици, въ той же годъ, пять тысячь рублевъ; а дати намъ тое серебро на тые сроки, по крестному цѣлованію. А сія грамота писана лѣта 79 Августа 9.

---

25) А за Короля и за Великого Князя Литовского, кто Король или Велики Князь на Литвѣ нибуди, отъ васъ отъ Великихъ Князей намъ вашей отчинѣ Великому Ноугороду, мужемъ волнымъ, не отдатися никоторою хитростію, а быти намъ отъ васъ отъ Великихъ Князей неотступнымъ ни къ кому; а Князей намъ у Короля и у Великого Князя Литовского собѣ на пригороды не просити, ни пріимати изъ Литвы Князей въ Великій Новгородъ. А на владычьство намъ Великому Новугороду избирати собѣ по своей старинѣ; а ставитися нашему Владыцѣ въ дому Пречистые и у гроба Святаго Петра Чюдотворца на Москвѣ, у

(а) А. а. ъ. I, No. 90.

васъ у Великихъ Князей и у вашего отца у Митрополита, которой Митрополитъ у васъ у Великихъ Князей на Москвѣ нибуди; а индѣ намъ владыкы, опрочь Московского Митрополита, нигдѣ не ставити (а).

26) *Отказная Новгородская грамота на Двинскую землю* (б).

По благословенію нареченного на Архіепископьство Великаго Новагорода и Пскова священноинока Ѳеофила. Отъ Посадника степенного Новгородского Тимоѳея Остафьевича и отъ всѣхъ старыхъ Посадниковъ, и отъ Тысяцкого степенного Василіа Максимовича и отъ старыхъ Тысяцкихъ, и отъ Бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ купцевъ, и отъ черныхъ людей, и ото всего Великого Новагорода, съ вѣчя съ Ярославля двора, на Пинегу, и на Кевролу, и на Чаколу, и на Пермьскые, и на Мезень, и на Пилін горы, и на Немьюгу, и на Пинежку, и на Вью, и на Суру на Поганую, къ старостамъ и ко всѣмъ христіяномъ. Что тые земли на Пинезѣ, Кевролу, и Чаколу, и Пермьскія, и Мезень, и Пильи горы, и Немьюгу, и Пинежку, и Вью, и Суру поганую, поимали за себе наши братья Ноугородци и васъ къ цѣлованію привели на Новугородское имя: ино то земли осподы нашей Великихъ Князей, Великаго Князя Ивана Василіевича всея Руси, и сына его Великого Князя Ивана Ивановича всея Руси; а то крестное цѣлованіе Новугороду съ васъ доловъ.

(а) Тамъ же No. 91. (б) Тамъ же No. 93.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Здѣсь подъ старѣйшими разумѣются: лица правительственныя—Посадникъ Степенный и старые Посадники, Тысяцкій Степенный и Старые, и Соцкіе, далѣе Бояре и Житые люди; подъ меньшими разумѣются купцы и черные люди (См. примѣч. 8). Житыми людьми назывались богатые, *зажиточные* собственники; черными — все остальное народонаселеніе, не принадлежащее къ извѣстнымъ и упомянутымъ разрядамъ (О значеніи слова: „Черный" см. мою статью въ Историч. и Статистич. Сборникѣ, изд. Валуевымъ); такъ въ Новгородѣ дѣти бѣлаго Духовенства, какъ не принадлежащіе ни къ какому сословію, причислялись къ чернымъ людямъ: „Се пріѣхали ко мнѣ къ В. Князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, отъ отца моего Владыки Олексѣя, и отъ посадника Юрья, отъ Тысятцкаго Олексѣя, и отъ всего Новагорода Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ *Поповичь*, Василей Огаѳоновъ (А. а. э. I, N0. 8)." Здѣсь 5 пословъ, по числу 5-ти концевъ. — Иногда мы видимъ, что послы пріѣзжаютъ только отъ однихъ старѣйшинъ, отъ лицъ правительственныхъ и житьихъ людей, а иногда и отъ черныхъ; этого обстоятельства нельзя оставлять безъ вниманія, ибо оно показываетъ борьбу партій въ Новгородѣ, Аристократической и Демократической, и если первая побѣждала, то исключала вторую отъ представительства. Указанія на эту борьбу см. Новгород. лѣтоп. стр. 57 и 136.

[2] Слово: „Грозно" встрѣчается только въ грамотахъ къ Московскимъ Князьямъ и вѣроятно вошло въ употребленіе со временъ Симеона Гордаго.

[3] На это условіе Новгородцы настаивали потому, что въ противномъ случаѣ Новгородъ являлся бы областью, зависящею отъ земли Низовой, тогда какъ вольные люди признавали власть только своего Новгородскаго Князя, а не Владимірскаго или Московскаго; такъ въ лѣтописи В. Князь наз. В. Княземъ Новгородскимъ: „Преставися Князь Великыи Новгородъскыи Ярославъ Ярославичь, въ Татарѣхъ. (Новгор. перв. стр. 62)."

[4] А Новгородьской ти души блюсти „т. е. блюсти, чтобъ Новгородцы не взяли грѣха на душу, будучи принуждены нарушить клятву, данную Нѣмцамъ.

[5] *Рядъ вольный*, когда соперники добровольно уладятъ дѣло между собою.

[6] Самосуда не замышлять, т. е., не судить самимъ, или однимъ безъ участія Новгородскихъ Правительственныхъ лицъ; хотя, впрочемъ самосудъ имѣетъ еще другое значеніе въ нашемъ древнемъ юридическомъ языкѣ: „А самосудъ-то, кто изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ, а собѣ посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ.“— Уставная Двинская грамота, А. а. э. I, No. 13.

[7] Потому что купецъ тянетъ въ свое с҃то, и тамъ только можетъ быть судимъ.

[8] Прибавленія изъ Судной Новгородской грамоты: А посаднику судити судъ свой съ намѣстники Великого Князя, по старинѣ; а безъ намѣстниковъ В. Князя посаднику суда не кончати; а намѣстникомъ В. Князя и тіуномъ пересудъ свой вѣдати по старинѣ. А кто наведетъ наводку на Посадника, или на Тысетцкого, или на Владычна Намѣстника, или на иныхъ судей, или на докладщиковъ, или истецъ на истца у суда или у доклада или у Поля, ино взятъ В. Княземъ и В. Ноугороду на виноватомъ на Бояринѣ 50 рублевъ, а на житьемъ двадцять рублевъ, а на молодшемъ десять рублевъ за наводку, а истцю убытки подойметъ. — А кого утяжутъ въ наѣздѣ и въ грабежи, ино взятъ В. Княземъ и В. Ноугороду на виноватомъ, на Бояринѣ пятьдесятъ рублевъ, а на житьемъ двадцать рублевъ, а на молодчемъ десять рублевъ.—А кой посадникъ, межника давъ, а поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ того суда, ино В. Княземъ и В. Новугороду на томъ Посадникѣ пятдесятъ рублевъ, а истцю убытки подойметъ; или тысетцкой поѣдетъ прочь изъ города не кончивъ суда, или владычень намѣстникъ, ино взятъ В. Княземъ и В. Новугороду пятдесятъ рублевъ.

Изъ Записи о Церковномъ Судѣ: А будетъ одинъ человѣкъ простый истецъ мирянинъ, а не церковный человѣкъ съ церковнымъ, ино судить Князю и Посаднику съ Владычнимъ Намѣстникомъ вѣбчи, такоже и судьямъ. — Кто передъ господою ударитъ на судѣ своего истьця, ино его въ рубли выдати тому человѣку, а Князю продажа.

[9] Это условіе, кажется, болѣе всѣхъ другихъ подвергалось нарушенію, что видно изъ словъ, повторяемыхъ въ послѣдующихъ грамотахъ: „А что, Княже, селъ твоихъ, и Владычьнихъ, и Княгининыхъ, и

Бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородьской земли, кто будетъ даромъ отъялъ, или сильно; а то поидетъ бесъ кунъ къ Новугороду и т. д." Калита въ своемъ завѣщаніи (С. Г. Г. и Д. I, No 22); упоминаетъ о Новгородскихъ селахъ имъ купленныхъ: „А опричь Московьскихъ селъ, даю сыну своему Семену села своя купленая: село Аваковское въ Повѣгородѣ, на Улалѣ."— Впрочемъ, иногда сами Новгородцы давали Князьямъ слободы и села въ пожизненное владѣніе, но преемники этихъ Князей присвоивали, обыкновенно, себѣ эти села: „А что селъ и свободъ Дмитриевыхъ, то дали есме были Андрѣю, до живота Андрѣева, въ хрестьное цѣлование, а потомъ Новугороду то все, а тобѣ, Княже, въ то не въ ступитися." Не одни Новгородцы, но и всѣ Князья, договариваясь другъ съ другомъ, необходимымъ условіемъ ставили: „А тобѣ въ моемъ удѣлѣ селъ ти не купити, ни твоимъ Бояромъ, ни закладневъ ти ни оброчниковъ не держати." (С. Г. Г. и Д. Т. I)

10 Озвадо, или Взвадъ, урочище: „Велѣлъ имъ (В. К) стояти на Бронничи: а ждати вѣсти отъ себе; а инымъ воеводамъ у езера Илмеря на Взвадѣ и на Ужинѣ (Карамз. т. VI, примѣч. 155.)."

11 То есть, если повозъ нуженъ для извѣщенія о приближеніи непріятеля.

12 Изъ записи о церковномъ судѣ: „Княжимъ людемъ корчмы по дворамъ не дръжать, ни во Пскови, ни на пригородѣ, ни въ ведро ни въ корецъ ни бочкою меду не продавати."

13 Здѣсь разумѣется Волокъ по пути къ Сѣверной Двинѣ, отъ озера Онеги, или отъ рѣки Водлы, до рѣки Онеги (см. Арцыб. Повѣств. о Росс. т. I, Кн. I, стр. 3). Новгородцы, опасаясь за свои заволоцкія сокровища, выговаривали, чтобъ В. К. не посылалъ своего мужа, но за извѣстную сумму денегъ продавалъ Новгородцу свое право собирать дань: „слати Новгородца, а тобѣ серебро емати, продаяти ти дань своя Новгородцю;" или, если Князь не соглашался, то могъ посылать своего мужа, но только изъ Новгорода, въ двухъ насадахъ, а никакъ не съ Низу, и потомъ посланный долженъ былъ возвращаться опять въ Новгородъ, для повѣрки, а не прямо къ В. Князю. — Отношенія В. Князя къ Новгороду касательно заволоцкихъ земель объясняютъ двѣ грамоты: одна отъ В. К. Андрея Александровича на Двину (А. а. а. т. I, No. 1.): „Отъ В. К. отъ Ондрея къ посадникомъ, и къ скотникомъ, и къ старостамъ Како есмь докончалъ съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватамманъ (?) Ондрей Критцкый, отъ даютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузма нако пойдетъ съ моря съ потками съ данными по данничу пути, дадятъ ему кор-

му и подводы, по пошлинѣ, съ погостовъ; а какъ пошли, при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ, не ходити на Терскую сторону (Тре, Тиргъ, Тирь, Тигрь, см. выше) Ноугородцемъ, и нынѣ не ходять."—Вторая грамота В. Князя Іоанна Даниловича также на Двину (А. а. э. т. I, N0. 2): „Отъ В. К. отъ Ивана, отъ посадника Данила, отъ тысяцского Аврама и отъ всего Новагорода къ Двинскому посаднику на Колмогоры, и къ болромъ Двиньскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходить на море въ двадцати человѣкъ: а вы, бояре Двинскіе, не вступайтеся въ гнѣздные потки, ни въ мѣста; а погостъ Кегролскій Волокъ вѣдаетъ Михайло по пошлинѣ, какъ то было при моихъ дядяхъ и при моемъ братѣ при старѣйшемъ; а Микифору не надобѣ вступатись нивочтожъ, атъходитъ Микифоръ въ Михайловѣ ватазѣ."

14 Волостью наз. все то, надъ чѣмъ имѣли власть, чѣмъ можно было владѣть, будь то земля, или какое-нибудь право, пользованіе чѣмъ-нибудь, на пр.: „А изъ городскихъ волостий даю Княгини своей осмничее; а тамгою и иными волостми городьскими подѣлятся сынове мои. (С. Г. Г. и Д. т. I.)."

15 Такъ встрѣчали Новгородцы Ивана III въ 1476 году, см. Соф. врем. II, 164: „Въѣхалъ (В. К.) въ Торжокъ ... да туто же стрѣтилъ его отъ Владыки Ѳеофила съ поминки Василей Микифоровъ сынъ Панкова, Ноября 3-го стоялъ К. В. на Виру, ту срѣте его отъ Новагорода подвойской Козаръ съ поминки.... на Волмѣ стрѣтили В. Князя Посадници Новугородстіи ... съ поминки отъ Новагорода и отъ себе; да туто же стрѣтилъ его Ѳедоръ Исаковъ съ поминки.... А изо Влукова стоялъ Князь Велики въ Рыдынѣ на рѣцѣ на Холовѣ: ту его стрѣтилъ В. Новагорода Архіепископъ Ѳеофилъ, а съ нимъ Кн. Вас. Вас. Шуйской.... отъ Владыки двѣ бочки вина красного едина, а бѣлого другаа, а отъ тѣхъ ото всѣхъ по мѣху вина и проч." Древнѣйшее указаніе объ этомъ обычаѣ встрѣчать Князя по постояньямъ, находимъ въ Ипатьев. лѣт. стр. 40: „Слышавше Новгородци, оже Изяславъ идеть къ нимъ, и възрадовашася радостью великою, и тако изъидоша Новгородци противу ему три днищь, а иніи всими силами усрѣтоша и днище отъ Новагорода."

16 Подъ именемъ черныхъ кунъ, или чернаго бора разумѣлась въ Новгородѣ общая дань, которая съ нѣкоторыхъ волостей шла въ городовую казну, а съ другихъ въ казну Княжескую; такъ видимъ условіе: „А на Имоволозьскомъ погосте куны ти имати и на Важаньскомъ. „Для Князя была отдѣлена также половина двухъ волостей Новгородскихъ: Торжка и Волока; что здѣсь не было смежнаго владѣнія двухъ Государствъ — В. Новгорода и В. Князя Ни-

зовской земли, что Торжокъ и Волокъ принадлежали вполнѣ къ Новгородскимъ владѣніямъ, и половина ихъ была выдѣлена для пользованія Великому Князю, какъ Князю Новгородскому, доказательствомъ служатъ: 1) Новгородцы, въ своихъ договорахъ, постоянно говорятъ: „А се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ *со всеми волостьми*, Тржькъ.“ 2) Заключая договоръ съ Казиміромъ Литовскимъ, Новгородцы отдаютъ ему ту половину Волока и Торжка, которая была за В. К. Московскимъ, слѣд., распоряжаются ею, какъ своею волостью. — Въ 1259 году Новгородцы обязались платить общую подать, или черный боръ въ Орду, и хотя въ извѣстіи сказано, что они ялись по число (Новгор. I, стр. 57), но изъ этого не слѣдуетъ еще, что имѣло мѣсто поголовное перечисленіе, тѣмъ болѣе, что мы не видимъ Баскаковъ въ Новгородѣ, но сами Новгородцы отдаютъ В. Князю черный боръ для отвоза въ Орду и, слѣд., имѣютъ возможность распредѣлить его по своему старому обычаю; т. е. по сохамъ, приравнивая къ нимъ и другіе промыслы (см. Данную Новгород. грамоту В. К. Вас. Вас. на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ). Ясно, что этотъ черный боръ безпрестанно измѣнялся, то увеличивался, то уменьшался, то вовсе прекращался, смотря по запросамъ изъ Орды, по степени зависимости В. Князей отъ Хановъ, и по степени зависимости Новгорода отъ В. Князей. Лѣтописцы говорятъ, что когда была тяжелая Ордынская дань, тогда и на Новгородъ былъ черный боръ (Суздал. II, 186), этимъ-то и объясняется наше условіе: „А коли приведется взять Княземъ Великимъ черный боръ, и намъ дати черный боръ по старинѣ.“ Любопытно, что съ нѣкоторыхъ Новгородскихъ волостей дань издавна шла В. К. Литовскому; такъ въ договорѣ Новгорода съ Казиміромъ читаемъ: „А что Ржова, и Великіа Луки, и Холмовски погостъ, четыре перевары, а то земли Новгородцкія, а въ то ся тебѣ честному Королю не вступати, а знать тебѣ своя черна куна, а тѣ земли къ В. Новугороду; а Ржевѣ и Лукомъ, и Холмовьскому погосту, и инымъ землямъ Новгородцкимъ и водамъ, отъ Литовской земли рубежъ по старинѣ.“ Далѣе: „А черны куны имати по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ: а на Молотвицяхъ взяти ти два рубля, а тіуну рубль за Петровщину; а на Кунскѣ взяти ти рубль; а на Стержи тридцать куниць да шесть десятъ бѣлъ; а съ Моревы сорокъ куниць да восмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль, а въ осенинѣ полрубля; а въ Жавнѣ двадцать куниць да восмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль; а медъ и пиво съ перевары посилѣ; а на Лопастицяхъ и на Буйцахъ у черно-кунцовъ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а слугамъ бѣла; а на Лу-

кахъ нашъ тіунъ, а твой другой, а судъ имъ на полы, а Торопецкому тіуну по Новогородцкой волости не судити; а въ Лубоковѣ и въ Заклиньѣ по двѣ куницы и по двѣ бѣли, а Петровщины сорокъ бѣлъ; а во Ржевѣ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а съ перевары медъ и пиво по силѣ; а въ Новогородцкихъ волостѣхъ, ни на Демонѣ, ни на Цснѣ, ни на Полоновѣ, не надобѣ иное Литвѣ ничтожъ, ни черны куны не брати." — Здѣсь сказано: „А черны куны имати по старымъ грамотамъ;" и точно, тѣже самыя условія мы встрѣчаемъ въ одной изъ прежнихъ договорныхъ грамотъ съ Казиміромъ; мы выпишемъ ихъ здѣсь по причинѣ нѣкоторыхъ измѣненій: „А на Молвятичахъ взяти мнѣ Князю Великому два рубли, а тивуну рубль за Петровщину. На Кунску взяти мнѣ К. В. рубль, а тивуну полтина. На Березовцы взяти мнѣ К. В, полтора рубля да двадцать куницъ; на Стержи тридцать куницъ да шестьдесятъ бѣлокъ, а Петровщыны рубль; у Моревѣ сорокъ куницъ да два сорока бѣлокъ, да Петровщыны рубль; а въ Сенянѣ полъ-рубля (вм. а въ осенинѣ (осенью): Петровщина и осенина сроки платежа), а въ Жабнѣ дванадцать куницъ да сорокъ бѣлокъ, да Петровщины рубль; а пиво съ перевары, а медъ сытити по силѣ. А на Лопастичахъ и на Буйчахъ у чорнокуньцовъ по двѣ куницы да по двѣ бѣлки, а слугамъ тремъ по бѣлцѣ. А на Лукахъ вашъ тивунъ, а нашъ тивунъ: судъ имъ наполъ. А Торопецкому тивуну по Новгородскимъ волостемъ не судити, ни Ржовскому. А въ Любоковѣ и въ Заклиньи по двѣ куницы да по двѣ бѣлцѣ, а медъ сытити по силѣ съ перевары; а тивуну ѣздити по переваромъ у пятинадцати человѣкохъ, а по чорнокуньцомъ потомужъ въ пятинадцати человѣкохъ. А въ Новогородской волости ненадобѣ ништо иное Литвѣ: ни на Демяни, ни на Цснѣ, ни на Полоновѣ, не надобѣ брати чорноѣ куны, ни иное ничтожъ. (Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, т. I, No. 39)." Касательно дани Ржевской мы имѣемъ также любопытный актъ: это Запись о Ржовской дани, напечат. также въ Актахъ, относ. къ Истор. Запад. Россіи, т I, No. 71: „Дань Ржовская здавна потому шла, Господару его милости, и къ Новугороду, и къ Москвѣ: съ Ошевского погосту Королю шло сто рублевъ да три рубли и проч. такожъ съ тыхъ третей, съ Ошевского погосту, идетъ В. К. Московскому рубль за два соколы и проч. Такожъ зъ Ратьчина шло боярину одному Новгородскому, на имя Кипріяну, и предкомъ его пятый снопъ и проч. Такъ, старыи мужи повѣдають, издавна бывало и до сихъ мѣстъ: то пакъ, какъ Князь Великій Московскій взялъ Новгородъ и вѣчо имъ сказилъ, ино взъѣхалъ на Ржову Князь Иванъ Лыко, и ѣхалъ черезъ Влицы, и судилъ и грабилъ люди, што хо-

тѣлъ, то нанихъ бралъ, и оставилъ слугъ своихъ Тимоѳея а Бурца; и тые его слуги судили и грабили люди, што хотѣли, то брали и проч."—Такое странное явленіе, что волость принадлежала одному Государству, а дань съ нея шла другому, мы видимъ не въ однѣхъ Новгородскихъ областяхъ, въ договорахъ В. К. Тверскихъ съ В. К. Литовскими читаемъ: „А которыи мѣста порубежныи потягли будуть къ Литвѣ, или къ Смоленску, а подать будуть давали ко Тферы: ино имъ и нынѣчы тягнути по старому: а которыи мѣста порубежныи потягли будуть ко Тфери, а подать будуть давали къ Литвѣ или къ Смоленъску: ино имъ и нынѣчы тягнути по давному, а подать давати по давномужъ. (Акты, относ. къ Ист. Запад. Росс. I, N0. 33, 51, 79)." Здѣсь говорится о мѣстахъ порубежныхъ; но въ XII вѣкѣ одна Суздальская волость тянула данью къ Смоленску! Смоленскій Князь Ростиславъ Мстиславичь говоритъ въ своей уставной грамотѣ Епископіи Смоленской 1150 года: „Суждали Залѣская дань, аже воротить Гюгри, а что будетъ въ ней, изъ того Святѣй Богородица десятина (Дополнен. къ Акт. Историч. т. I, N0 4)."

7 Подъ крюкомъ, кажется, надобно разумѣть объѣздъ Новгородскихъ волостей для имянія дара, на что указываетъ сопоставленіе этихъ двухъ условій: „А крюкъ В. Княземь по старинѣ, на третей годъ. А отъ волостей даръ имати по старинѣ."

8 Грамота, которую, вѣроятно, Новгородцы купили въ Ордѣ, и которая обязывала В. Князей не препятствовать ихъ торговлѣ на Низу.

9 Т. е, не переманивать и не принимать Новгородскихъ Пословъ и купцовъ въ свою службу или въ свою область.

20 Т. е., Князь, за извѣстную сумму денегъ, позволилъ Бѣжичанамъ и Обонижанамъ выбрать судей изъ среды себя, какъ въ послѣдствіи Московскіе Государи позволяли жителямъ извѣстныхъ волостей избирать изъ среды себя излюбленныхъ головъ: „а тѣмъ выборнымъ судьямъ во всякихъ дѣлѣхъ судити и управа чинити" См. Уставныя и губныя грамоты въ I-мъ т. Актовъ Археогр. Экспед.

21 *Потугъ* отъ слова: потягнуть, слѣд. „а смердъ потянетъ въ свой потугъ" собственно значитъ: а смердъ потянетъ туда, куда тянетъ."

22 Эта грамота очень любопытна. Здѣсь мы видимъ нарушеніе одного изъ самыхъ главныхъ условій, что волостей Новгородскихъ Князю не держать своими мужами, но держать мужами Новгородскими, что Федоръ Михайловичь и Борисъ Константиновичь не были мужи Новгородскіе, видно, во первыхъ, изъ ихъ поведенія относительно Новгорода, а во вторыхъ, изъ просьбы Новгородцевъ: „Тобѣ.

Княже, не кърмити его Новгородскимъ хлѣбомъ, кърмити его у себе," равно какъ изъ выраженія: „а изъ Новгородской волости поидеть." Потомъ здѣсь видимъ еще другое нарушеніе условія: оба Боярина имѣли села въ Новгородскихъ волостяхъ: „а на селѣхъ его куны даемъ по исправѣ на купленыхъ, а которое некуплено, а съ тѣхъ поидеть безъ кунъ"— „Городъ *стольный* Пльсковъ," т. е., такой, въ которомъ прежде Князья держали свой столъ, на пр., Всеволодъ Мстиславичь.

23 О смыслѣ такихъ договоровъ см Изслѣдованіе, примѣч. 246.

24 При этой грамотѣ надобно прежде всего замѣтить, что Новгородцы не знаютъ Короля Польскаго, но только В. Князя Литовскаго и Русскаго: „А пойдетъ В. К. Московскій на В. Новгородъ, или его сынъ, или его братъ, или которую землю подъиметъ на В. Новгородъ, ино тебѣ нашему Господину честному Королю всѣсти на конь за В. Новгородъ, и *со всею съ своею Радою Литовскою*, противъ В. Князя; а безъ тебе, Господине, поидетъ Князь Велики... ино *твоей Радѣ Литовской* всѣсти на конь за В. Новгородъ. — А на томъ на всемъ, честны Король, крестъ цѣлуй ко всему В. Новугороду *за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую*."

25 Т. е., подсудимые должны являться къ суду, исключая двухъ случаевъ: 1) Когда жители будутъ встревожены вѣстію о приближеніи непріятеля; 2) Когда будутъ заняты укрѣпленіемъ города.

26 Это можно объяснить двоякимъ образомъ: 1) Продавать — отдавать на откупъ; 2) Продавать пошлины, взятыя натурою.

27 *Одринъ судъ* собирался въ домѣ Новгородскаго Архіепископа, въ его *одриной*, т. е., престольной комнатѣ; слово *одрѣ* означало тогда не одну постель, но и престолъ (срав. lit de justice). См. Куницына — *Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи*, отрывокъ изъ котораго напечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1843 г. No. 136.

DK 511 .N7 .S6 C.1
Ob otnosheniiakh Novgoroda k v
Stanford University Libraries
3 6105 036 217 417

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

SEP 10 1997
SEP 2 1997